

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

Человек. Культура. Образование **Human. Culture. Education**

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 2 (52) 2024

Научно-образовательный и методический журнал «Человек. Культура. Образование»
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор факультета мировых языков и культур Российской государственной христианской академии (Санкт-Петербург, Россия);

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, доцент, Председатель Ученого совета Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Забулионите Аудра Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, независимый исследователь (Сыктывкар, Россия);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Каунас, Литва);

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, Министерство социальных отношений, замминистра (Челябинск, Россия);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия);

Лю Лэи, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно (Салерно, Италия);

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор культурологии, доктор философских наук, доцент, профессор Экономического университета им. Г. В. Плеханова (Минск, Республика Беларусь);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Новикова Наталья Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, директор Института художественного образования (Санкт-Петербург, Россия);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва, Россия);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета; заместитель директора по науке Школы педагогики, профессор Департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета (Чита, Россия).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Пашкова Марина Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: pce@syktsu.ru

Периодическое издание

**Научно-образовательный и методический журнал
“Человек. Культура. Образование”**

№ 2 (52) 2024

Редактор *О. В. Габова*
Корректор *Е. М. Насирова*
Верстка и компьютерный макет *А. А. Ермаковой*
Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 11.06.2024. Дата выхода в свет 12.07.2024.
Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 10,5. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81

Peer-reviewed research and instruction journal
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrskiy prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Maiya I. Burlykina, Doctor of Culture-study, Associate Professor, Chair-person of Scientific Board of the National Gallery of the Komi Republic (Russia, Syktyvkar);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Ulyana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Igor L. Zhrebtsov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of St. Petersburg University; Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Zyuzev, Doctor of Philosophical Sciences (Russia, Syktyvkar);

Dalius Jonkus, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Galina M. Kazakova, Doctor of Culture-study, Professor, Ministry of Social Affairs, Deputy Minister (Russia, Chelyabinsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culture-study, Professor Professor of the Department of Theory and History of Culture of St-Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Liu Leyi, Professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno (Italy, Salerno);

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Culture-study, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of Economics University named after G. V. Plekhanov (the Republic of Belarus, Minsk);

Liubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Natalia N. Novikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Olga S. Sapanzha, Doctor of Culture-study, Professor of Herzen State Pedagogical University, Director of the Institute of Fine Arts Education (Russia, Saint Petersburg);

Thoe Scott, Ph. D, Professor, Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Grigory L. Tulchinsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Yury P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Social and Humanitarian Problems of the Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russia);

Klavdiia G. Erdyneeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy Department, Transbaikal State University; Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Marina M. Pashkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the English Language Department of the Institute of Foreign Languages,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, Head of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: pce@syktsu.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге "Пресса России" — 34110.

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2024.

Subscription reference of the journal in the catalogue "Press of Russia" is 34110.

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Мартысюк П. Г. Трансформация концепта культурной девиации в контексте общественного развития.....	10
--	----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Гурленова Л. В. Литературная премия как социокультурный феномен новейшей русской литературы: некоторые наблюдения.....	25
Маслова Ж. Н. Язык как опыт профессиональной рефлексии писателя.....	38
Яковлева Е. Л. В тени гения: шаляпинский повар Н. Н. Хвостов.....	53

Материалы, публикуемые в рамках XVI Международной научной конференции «Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога», 29–30 ноября 2023 года

Бешкарев А. А., Пыстина О. В. Культурно-этнографическое своеобразие Республики Коми в сетевом смеховом фольклоре (на примере сообщества «Коми мемъяс»).....	67
Иванищева О. Н., Лян Мэнцзе Приметы орнитологического кода в современном русском языке: глубинные смыслы и способы их актуализации.....	81
Пробст Н. А., Шиженский Р. В. Речевая стратегия дискредитации в современной русской языческой публицистике (на примере работ А. А. Добровольского).....	94

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Герасимова М. П., Герасимова М. Н. Предпосылки формирования непрерывного профессионального педагогического образования в России в XVII — первой половине XIX в.	114
Гух Ж. К., Власкина Е. В. Систематизация слов индоевропейского происхождения в латинском, русском, английском и немецком языках по тематическому принципу как способ формирования полиязыковой личности на начальном этапе подготовки учителей иностранных языков.....	128
Шлейникова Е. Е., Дементьева А. А., Кисельникова А. А. Лингвокультурологический подход в преподавании русского языка как иностранного студентам медицинского вуза.....	146
Урманчеева И. С. Агионимы в идиомах и паремиях говоров низовой Печоры.....	165

CONTENT

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Martysiuk P. G. Transformation of the Concept of Cultural Deviation in the Context of Social Development.....	10
--	----

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, FINE ARTS

Gurlenova L. V. The Literary Prize as a Socio-Cultural Phenomenon of Modern Russian literature: Some Observations.....	25
Maslova Zh. N. Language as a Writer's Experience of Professional Reflection.....	38
Iakovleva E. L. In the Shadow of Genius: Chaliapin Cook N. N. Khvostov.....	53

Materials published within the framework of the XVI International Scientific Conference "Semiosis and culture: strategies and practices of intercultural dialogue", November 29–30, 2023

Beshkarev A. A., Pystina O. V. The Cultural and Ethnographic Originality of the Komi Republic in the Network Humor Folklore (Using the Example of the «Komi Memyas» Community).....	67
Ivanishcheva O. N., Liang Mengjie. Ornithological Code Omens in the Modern Russian Language: Deep Meanings and Ways of their Actualisation.....	81
Probst N. A., Shizhenskiy R. V. Speech Strategy of Discrediting in Modern Russian Pagan Journalism (on the Example of the Works of A. A. Dobrovolsky).....	94

GENERAL EDUCATION SCIENCE, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Gerasimova M. P., Gerasimova M. N. Prerequisites for the Formation of Continuous Professional Pedagogical Education in Russia in the XVII — first half of the XIX Centuries.....	114
Gukh Zh. K., Vlaskina E. V. Systematization of Words of Indo-European Origin in Latin, Russian, English and German on a Thematic Basis as a Way of Forming a Multilingual Personality at the Initial Stage of Training Teachers of Foreign Languages.....	128
Shleynikova E. E., Demytyeva A. A., Kiselnikova A. A. Linguocultural Approach to Teaching Russian as a Foreign Language to the Students of the Medical University.....	146
Urmanceeva I. S. Agionyms in Idioms and Paremias of Dialects of Lower Pechora.....	165

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-10>

Трансформация концепта культурной девиации в контексте общественного развития

Павел Григорьевич Мартысюк

Санкт-Петербургский университет МВД России,

Санкт-Петербург, Россия

Pr_martis@yahoo.com

***Аннотация.** Статья посвящена феномену культурной девиации в контексте общественного и культурного развития. Традиционно тема девиации как отклоняющегося поведения представлена в психологии. В представленном исследовании феномен девиации рассмотрен применительно к культуре. На ранних этапах общественного и культурного развития данное явление содержит частный характер и не обладает способностью влиять на принятые общественные устои. Потенциальная ограниченность девиации в традиционных обществах обусловлена присутствием доминирующих парадигм, фундирующих социальные и культурные устои. В процессе эволюции общества появляются парадигмы, способные лечь в основу новых стилей и направлений в художественной культуре. Отдельные из них являются выражением чисто субъективных творческих усилий отдельно взятого художника. В отсутствии ведущих мировоззренческих парадигм твор-*

ческая воля художника может восприниматься как проявление девиации. В современной культуре присутствует множественность различного рода творческих субъективаций, не исключаящих и элементы деструктивного характера.

Культурологический анализ феномена девиации позволяет раскрыть его мифосемантическую природу, а также выявить уровни трансформации в современной культуре.

Ключевые слова: девиация, культура, культурная девиация, миф, парадигма, творчество, искусство, начало

Для цитирования: Мартысюк П. Г. Трансформация концепта культурной девиации в контексте общественного развития // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 10–24. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-10>

Transformation of the Concept of Cultural Deviation in the Context of Social Development

Pavel G. Martysyuk

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia,
St. Petersburg, Russia
Pr_martis@yahoo.com

Abstract. *The article is devoted to the phenomenon of cultural deviation in the context of social and cultural development. Traditionally, the topic of deviation as deviant behavior is presented in psychology. In the presented study, the phenomenon of deviation is considered in relation to culture. At the early stages of social and cultural development, this phenomenon has a private character and does not have the ability to influence accepted social norms. The potential limitation of deviation in traditional societies is due to the presence of dominant paradigms that underpin social and cultural foundations. In the process of the evolution of society, paradigms are emerging that can form the basis of new styles and trends in artistic culture. Some of them are an expression of the purely subjective creative efforts of an individual artist. In the absence of leading ideological paradigms, the creative will of the artist can be perceived as a manifestation of deviation. In modern culture, there is a multiplicity of various kinds of creative subjectivations, which do not exclude elements of a destructive nature.*

The culturological analysis of the deviation phenomenon makes it possible to reveal its mythosemantic nature, as well as to identify the levels of transformation in modern culture.

Keywords: *deviation, culture, cultural deviation, myth, paradigm, creativity, art, the beginning*

For citation: Martysyuk P. G. Transformation of the concept of cultural deviation in the context of social development. *Chelovek. Kul'tura. Obra-*

zovanie = Human. Culture. Education. 2024; 2: 10–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-10>

Введение. Под понятием «девиация» принято понимать отклонение от должного. При этом в более широком контексте феномен девиации понимается как отклоняющееся от установленных в обществе норм поведения, включая религиозные, нравственные и культурные установки. По большей части с проблемой девиации мы встречаемся в психологии, в основном с представляющими её феноменами «девиантность» и «деликвентность». В этом смысле интерес представляют отдельные исследования представителей аналитической психологии. В частности, следует упомянуть работу З. Фрейда «Тотем и табу», работы К. Юнга «Психологические типы», «Архетипы и коллективное бессознательное» и др. Со временем указанные феномены выходят за пределы предметного поля психологии, становясь объектом исследования медицины, философии, культурологии и др. наук.

Культурная девиация, как в дальнейшем показано в тексте статьи, соотносится с мифологическим первоначалом. В этом смысле определённый интерес представляют работы М. Элиаде («Аспекты мифа», «Священное и мирское», «Образы и символы», «Миф о вечном возвращении» и др.). На примере традиционных обществ М. Элиаде показал, что первоначало восходит к великому космическому времени, содержащему периодические сотворения и разрушения Вселенной.

В процессе десакрализации мифологическое первоначало способно лечь в основу различных архетипов, выкристаллизованных в качестве базовых элементов структуры коллективного бессознательного. В зависимости от смысловой направленности отдельно взятого культурно-исторического типа архетипы, явленные в творческих вариациях, способны обретать различную аксиологическую направленность как конструктивного, так и деструктивного порядка. Следуя психоаналитической традиции, К. Хюбнер в работе «Истина мифа» показал, что, несмотря на то, что по большей части мифологические архетипы потонули в бессознательном, в многообразных видах и формах они присутствуют в религии, в культе, в искусстве.

В целом психоаналитическая интерпретация культурной девиации с позиции сохранения в ней следов мифа обращается к глубочайшим корням психической жизни личности в качестве нормы и

патологии, а также раскрывает психологическую природу её творческой деятельности.

Своеобразное раскрытие тема культурной девиации обрела в философии жизни. В особенности в работах по философии культуры Г. Зиммеля и Хосе Ортега-и-Гассета. В них выявляются основные противоречия творческой деятельности, во многом спровоцировавшие кризис современной культуры.

Культурная девиация, представляющая интерес в рамках настоящего научного исследования, не сводится к препарированию отклоняющегося поведения отдельно взятой личности с точки зрения её психологической ущербности. В представленной статье речь пойдёт о культуротворческих установках, не только стимулирующих, но и преодолевающих различного рода девиации в их общественном масштабе. С проявлениями девиации мы встречаемся при анализе общего культурного фона исторических эпох, а также отдельных форм культуры, в процессе своего развития и трансформации вышедших за пределы зоны влияния ведущих мировоззренческих парадигм.

Методы исследования. В статье используется ряд теоретических методов. Метод историко-культурной реконструкции позволяет проследить трансформацию культурной девиации в историко-культурной мысли. Благодаря принципу историзма открывается перспектива выявления конструктивной и деструктивной направленности культурной девиации. Психоаналитический метод применительно к исследованию художественного творчества прослеживается в визуализации неосознаваемых образов в искусстве. Метод культурной компаративистики предполагает способ сравнения, выходящий за пределы сопоставления отдельных вариаций культуры, основанных на их частном различии. Благодаря данному методу становится возможной сравнительная оценка многообразия культурных проявлений исходя из принадлежности к определённой историко-культурной парадигме. Предлагаемый научный подход к проблеме девиации позволяет выйти за рамки её идентификации как исключительно деструктивного культурного и социального явления. Во многом благодаря ему исследовательский интерес проецируется на отдельные культуротворческие процессы, не только представляющие альтернативу принятым в обществе культурным стандартам, но и расширяющие границы привычного понимания культуры.

Результаты исследования и их обсуждение. Изначально проблема девиации в обществе возникает в процессе выстраивания отношений между отдельно взятым индивидом, стремящимся всячески реализовать свои преобразовательные усилия, и социальной общностью, придерживающейся уже выработанных стандартов и правил общественного и культурного общежития.

Важнейшим прафеноменом, лежащим в основе социокультурной динамики, а также опосредованно влияющим на девиацию, выступает мифологическое первоначало. «Суть, главное в первопричине или Архе, всё сводится к нему, к некоторой первоначальной точке или к ключевому событию. Это явно ощущается в сакральном измерении мифа. Начальные формы молитв, которые часто начинаются словами “как в давние времена”, “однажды давным давно”, “да будет как прежде”, характерны для подобного типа мышления. Таким способом призывается прежнее действие божества в надежде, что оно сейчас повторится и опять возымеет свою силу, ведь только это прежнее действие в качестве архе гарантирует, что вечное божество проявит себя так же» [1, с. 123–124].

Первоначало, сокрытое в мифе и ритуале, во многом вырабатывает парадигмы, устанавливающие ориентиры, а также задаёт критерии оценки человеческих действий в процессе исторического развития. В этом смысле можно согласиться с М. Элиаде, что «философия мифа преимущественно состоит в том, чтобы развивать отдельные модели всех человеческих ритуалов и всю значимую человеческую деятельность, идёт ли речь о рекомендации к еде, браке, работе или воспитании, искусстве или мудрости... Тем самым мифы образуют парадигмы всех значимых человеческих действий» [2, с. 18].

Не вызывает сомнения, что первоначало присутствует в идеях, архетипах, паттернах, мировоззренческих установках, актуализируемых на различных этапах эволюции культуры. Выступая основой первотворения, первоначало способно воспроизводить само себя на различных этапах динамики культуры. При этом оно придает движение тем формам существующего, которые в силу особенностей природы не удовлетворены своим бытием, в силу чего обладают потенциальной подвижностью в своем стремлении сохранять равенство с самими собой.

«В процессе дальнейшего исследования феномена начала мы фиксируем присущую ему трансцендентно-имманентную направленность. Трансцендентное определяет его место за пределами по-

вседневногo обустройства жизни. В силу чего по своей содержательной наполняемости он наделяется полнотой бытия и может быть представлен в качестве источника неограниченных потенциалов» [3, с. 12].

Мифологическое первоначало в процессе реактуализации в рамках определённого культурно-исторического типа способно пробудить к жизни как конструктивные, так и деструктивные проявления культуры. Уже в самой попытке возврата к началам бытия раскрывается положительный и негативный потенциал культуры. Конструктивные проявления культуры раскрываются в потребности удержания первоначала, наделённого чертами сакрального, в процессе поступательного движения к качественному улучшению параметров культуры. В свою очередь, культурный негативизм заявляет о себе в попытке реактуализации первоначала в культурной среде, подпитываемой иными мировоззренческими парадигмами. Например, тот же миф в его современном восприятии может демонстрировать разрушительную природу, тем самым вступая в конфликт с проэволюционирующими культурными формами. Утрата связи с первоначалом в отдельных направлениях динамики культуры пробуждает к жизни её возможные девиации. Подобное становится возможным в процессе девальвации доминирующих в обществе культурных констант.

Как уже было сказано ранее, первоначало лежит в основе культуры и во многом определяет её ценностные ориентиры. Оно также определяет и должное поведение человека согласно выработанным в обществе оценочным критериям. В примитивных обществах первыми культурными и поведенческими регуляторами выступают табуированные мифорелигиозные установки. В этом отношении несомненный интерес представляет работа З. Фрейда «Тотем и табу». Характеризуя социальную сторону ранней формы религии, именуемую тотемом, З. Фрейд отмечает следующее: «Социальная сторона тотемизма выражается прежде всего в строго соблюдаемых запрещениях и в многочисленных ограничениях. Члены клана тотема являются братьями и сестрами, обязаны один другому помогать и друг друга защищать. В случае убийства товарища по клану, совершенного чужим, все племя отвечает за кровавое преступление, и клан убитого чувствует себя солидарным в требованиях искупления за пролитую кровь. Узы тотема крепче, чем семейные узы... Но самая важная социальная сторона этого тотемистического расчленения состоит в том, что с ней связаны определенные

нормы нравов, регулирующие отношения групп между собой. Среди этих норм на первом месте стоят брачные. Таким образом, это расчленение племени связано с важным явлением, возникающим впервые в тотемистическую эпоху: с экзогамией» [4, с. 92].

В каждой значительной культурной эпохе, имеющей выраженные типологические черты, присутствует ведущая парадигма, из которой проистекают и в зависимости от которой пребывают многочисленные культурные начинания. При этом объективно разобраться в многочисленных культурных процессах, проследить их общую динамику возможно лишь на определённом временном удалении от них.

Реактуализация первоначала в современной культуре сопровождается её десакрализацией с последующим возникновением множественности начал. Деятельный и обострённо чувствующий творческий ум пребывает в состоянии вечного поиска того исходного начала, которое в мифологических и религиозных воззрениях различных народов мира представлено как вместилище вечного неиссякаемого витального блага, своего рода универсума возможностей человеческого бытия и его культурных свершений.

В современной культуре прослеживаются тенденции формирования отдельных мировоззренческих парадигм, способных лечь в основу новообразующихся начал. По большей части это касается художественной сферы культуры, порождающей новые стили и направления в искусстве. Некоторые из них являются продуктом волеизъявления отдельно взятого художника. Девальвация, казалось бы, устоявшихся классических культурных канонов и ориентиров подвержена аннигиляции, выступающей на передний план субъективной творческой воли, утверждающей себя в современном мире вне ориентира на объективную истину, содержащую обобщающий парадигмальный смысл. Подобное открывает множественность векторов различного рода творческих субъективаций, не исключая и элементы деструктивного характера.

В сложившейся ситуации не вызывает особых сомнений диагноз современной культуры Э. Кассирера. «Объём благ, которые производит наше культурное развитие, непрестанно возрастает; но именно в этом росте они перестают быть полезными для нас. Они становятся чем-то чисто объективным; некоторой предметной данностью, которую, однако, Я уже не может ни охватить, ни объять. Их многообразие и их беспрерывно нарастающий вес удушают Я, так что из общения с культурой ему передаётся больше не со-

знание своей власти, а всего лишь сознание своего духовного бессилия» [5, с. 114–115].

В процессе компаративного анализа различных этапов исторического развития обращает на себя внимание то, что в примитивном традиционном обществе первоначально определяется благодаря своей принадлежности к миру сверхъестественному, божественному. Реактуализация сакраментальной реальности мира и культуры становится возможной в ритуально-обрядовой практике, сохраняющей исходную силу сакрального прадействия. В историко-культурной перспективе ритуал претерпевает трансформацию, что выражается в выхолащивании его религиозного содержания. При этом он сохраняет доминантную функцию поддержания религиозных и культурных традиций. В современном обществе ритуал по-прежнему нацелен на сохранение его основ. При этом в отличие от античного ритуала испытывает определённые ограничения. По большей части это происходит тогда, когда ритуал обретает черты ритуализма. Сам по себе ритуализм, удерживая традиционный способ действия, перестаёт учитывать значимость отдельных культурных ценностей, соотносящихся с данным периодом общественного развития. Сохраняя значимость и необходимость акта как церемониала, он приводит к частичной девальвации смысла, предшествующего предпринимаемому действию.

В отличие от античности в современном мире девиация распространяется на отдельно взятую личность, следующую внешним общественным установлениям в ущерб возможностям собственной духовной природы. Утрата сакральных мифорелигиозных ориентиров, определяющих направленность традиционных обществ, нередко вводит современного человека в деструктивный социальный круг, своего рода девиацию, имеющую общественный масштаб. Примером тому является бюрократический круг, аннигилирующий истинный смысл человеческого бытия. Бюрократ, фанатично преданный своему делу, тщательно заполняет бланки, проверяет их соответствие всем инструкциям, регулярно подшивает их к делу и т. д., но при этом в полной мере не осознает, для чего всё это делает.

В этом смысле определённый интерес вызывают размышления А. Камю, высказанные в философском эссе «Миф о Сизифе». Французский писатель задаётся важным, по его мнению, вопросом: «Стоит ли жизнь труда быть прожитой?» Камю утверждает, что когда Сизиф осознает бессмысленность своей задачи и однозначность своей судьбы, он обретает свободу в понимании абсурдности собствен-

ной ситуации и достигает состояния умиротворённого принятия. «Если этот миф трагичен, то все дело в сознательности героя... Сегодня рабочий ради того же самого трудится каждодневно на протяжении всей жизни, и его судьба ничуть не менее абсурдна. Но он трагичен только в редкие минуты, когда его посещает ясное сознание. Сизиф, пролетарий богов, бессильный и возмущенный, знает сполна все ничтожество человеческого удела — именно об этом он думает, спускаясь вниз. Ясность ума, которая должна бы стать для него мукой, одновременно обеспечивает ему победу. И нет такой судьбы, над которой нельзя было бы возвыситься с помощью презрения» [6, с. 107].

Одним из путей преодоления внешней чужеродной среды, по мнению А. Камю, является возможность ухода в свой собственный внутренний мир. Смысл жизни может быть обретен внутри нас, а не где-то снаружи. «Здесь-то и коренится молчаливая радость Сизифа. Его судьба принадлежит ему самому. Обломок скалы — его собственная забота. Созерцая свои терзания, человек абсурда заставляет смолкнуть всех идолов» [6, с. 108]. Заслуга Сизифа как раз и заключается в том, что он игнорирует цели навязанной ему извне культуры, но при этом придерживается социального согласия, доведенного до абсурда. В данном случае таковым является непрерывное вкатывание камня в гору. При всём этом Сизиф Камю не способен обрести свободу в смысле её полноценного выражения. Избежать круга внешних зависимостей можно лишь в случае восприятия и принятия жизни как созидания, содержащего признаки творения, осмысливаемого в разнообразии его смыслов.

Проявление культурной девиации в современном обществе происходит из тех мировоззренческих установок, которые оно само же и вырабатывает. Модель современной культуры отличается от античной традиционной модели по разным параметрам. По большей части это касается самой категории «девиация» в соотносённости с исключительной её категорией «норма». Субъективная и объективная оценка девиации в отсутствие чётко контурированных современных мировоззренческих парадигм порождает неопределенность и размытость понятия «норма», применяемого к культурным регулятивам. В современной ситуации существующие «культурные фильтры», которые создавали ранее мифология, религия, традиционные ценности, перестают действовать. Различного рода отклонения в поведении человека привели к разрушению морально-этических принципов, к эмоциональным нарушениям и,

как итог, к состоянию социальной и культурной дезадаптации и дезориентации личности. В целом для современной культурной ситуации нехарактерен однородный унификационный парадигмальный подход. В этот период конституируется новое видение мира, включающее описание общественных процессов как нелинейных, зафиксированных во множестве векторов эволюционного развития. Фактор доминирующей идеи нелинейности влияет и на сложившуюся культурную ситуацию, вызывая содержательные изменения и аксиологические трансформации культурных установок современного знания.

Как уже отмечалось ранее, в современном обществе представление о девиации отлично от возможных её проявлений в античном традиционном обществе. Строгое следование мифорелигиозной парадигме препятствовало возникновению девиации в общественном масштабе. В частном же проявлении она воспринималась как аномальное явление, направленное на подрыв устоев первобытной общины. В традиционном обществе девиация отдельно взятой личности была не в состоянии изменить ценностную направленность культуры в целом, в то время как современное общество, стимулируя появление различного рода девиаций, способно сохранить по отношению к ним нейтральный статус. В современном мире девиация по-прежнему идентифицируется коллективным оценочным мнением. При этом как только она преодолевает свою индивидуальную ограниченность, то перестает быть таковой, что в итоге наделяет её способностью стимулировать синхронизированные с ней культурные стили и направления, по большей части утратившие устойчивые мировоззренческие ориентиры.

Культурная девиация неразрывно связана с неоднозначной и во многом противоречивой природой творчества. В творческом порыве личность превосходит саму себя, тем самым создавая прецедент утверждения новых смыслов, расхожих с традиционным восприятием мира. Нередко, за исключением творческого меньшинства, вновь испечённый культурный продукт не разделяется обществом. В этом прослеживается возможная культурная девиация, которая может быть устранима благодаря общественной природе творчества, принимающей новый культурный продукт как ценность.

В современной культуре девиация раскрывается в дегуманизации. Как справедливо замечает Хосе Ортега-и-Гассет, «большая часть того, что здесь названо «дегуманизацией» и отвращением к

живым формам, идёт от этой неприязни к традиционной интерпретации реальных вещей. Сила атаки находится в непосредственной зависимости от исторической дистанции. Поэтому больше всего современных художников отталкивает именно стиль прошлого века, хотя в нём и присутствует изрядная доза оппозиции более ранним стилям. И напротив, новая восприимчивость проявляет подозрительную симпатию к искусству более отдалённому во времени и пространстве – первобытному искусству и варварской экзотике. По сути дела, новому эстетическому сознанию доставляют удовольствие не столько эти произведения сами по себе, сколько их *наивность*, то есть отсутствие традиции, которой тогда еще и не существовало» [7, с. 218–260].

Особенно наглядно девиация проявляется в современной художественной культуре, на начальном этапе уже демонстрирующей отклонение от классических парадигмальных канонов искусства. Творческое движение в сторону субъективизма и волюнтаризма не исключает попытки реанимации сакрального, но при этом исключительно в своём собственном авторском измерении. Примером служит «Чёрный квадрат» Малевича, являющего собой попытку единоличного творческого порождения космогонии без участия, характерного для мифорелигиозной традиции божественного Демиурга. «Чёрный квадрат» Малевича служит одним из пропусков во вновь открывшийся заманчивый мир иллюзорного бытия. На картине ничего не изображено, кроме чёрного квадрата. Чёрный квадрат по классическим меркам не может быть предметом изображения. Ни на какой сверхсмысл, не вошедший в пределы того, что написано на картине, это произведение не указывает. Образ в ней полностью совпал с изображаемым, тем, что так или иначе находится за пределами образа. Теперь уже между тем и тем нет никакой дистанции» [8, с. 81].

В «Чёрном квадрате» Малевича прослеживается попытка отыскания первоначала, идущая в разрез с классическими канонами искусства. В этом космическом начале нет места человеку. Оно существует до и после человека. На смену высокому искусству приходит примитивное искусство. В некоторой степени оно воспроизводит элементы первобытного искусства (дадаизм) в современной ситуации в отличие от древнего искусства, представленного как девиация. «Импрессионизм растворил объект в субъективном восприятии, и, как следствие этого, в основанном К. Малевичем супрематиз-

ме объект вообще исчезает и как бы возвращается к нулевому пункту: черный квадрат на белой основе» [1, с. 279].

В работах современных художников открывается путь к мнимой свободе, сопровождаемый отысканием самого себя в конструируемом культурном пространстве. Вне устойчивой парадигмы, определяющей направленность культурно-исторического типа, реализуется потребность в бесконечном экспериментировании. При этом результат, к которому приходит художник, является неожиданным, а само творение в ценностном измерении – сомнительным. В сложившейся ситуации нельзя исключать опасность попадания в ловушку собственного экспериментирования, что отвлекает создателя от подлинного творчества, в основе которого заложено утверждение выходящего за пределы субъективации высшего смысла.

В контексте размышлений по поводу трансформации элементов раннего искусства в современном следует отдельно остановиться на примитивизме. Примитивизм на ранних этапах культуры является приемлемым, так как соответствует уровню развития общества. В то же время он как отклонение от классического канона в современном искусстве обретает второе дыхание. В связи с этим возникает следующий вопрос. Что позволяет картине Малевича получить права шедевра, которым должны восхищаться другие? «Вопрос этот имел бы смысл, если бы речь шла о столкновении воли или об ожидании искушённой публики, которая чувствовала бы в псевдошедевре “что-то не то”. Такое чувство вполне могло бы возникнуть, если бы существовала та самая дистанция между изображением и его предметом, что порождает ощущение даруемой зрителю в конечной инстанции отнюдь не художником жизни. Художник нашел в мире то, что его захватило и что следовало бы передать другим людям» [8, с. 84].

В овладении культурными ценностями субъективизм, граничащий с примитивизмом, не должен быть представлен в чистом виде. В приемлемом формате он должен в себе заключать и должный уровень объективации, перемещённый с внешнего во внутренний мир художника. Не последнее место здесь занимает и выработанный на протяжении истории коллективный культурный опыт. Во многом благодаря ему индивидуальное творение обретает независимый от его создателя позитивный смысл. В свете подобного рода размышлений вполне уместным выглядит высказывание Г. Зиммеля о том, что «специфическая ценность окультуренности остаётся

недоступной для субъекта, если он не достигает её на пути объективно духовных данностей, а эти последние являются со своей стороны культурными ценностями лишь постольку, поскольку через них лежит путь души от себя к себе же самой, от того, что может быть названо ее природным состоянием — к ее культурному состоянию» [9, с. 455].

В процессе сотворения культурных ценностей их создатель сталкивается с определённого рода трудностями, фундированными противоречиями, определяющими статус творения как индивидуального и общего. Индивидуальное заложено в творческом порыве и вытекающей из него потребности в опредмечивании внутреннего мира художника. В процессе оформления культурного продукта как общественной ценности нередко выхолащивается заложенный в нём первоначальный смысл. В противоречии между индивидуальным и общим в культуре присутствует имманентная логика развития. По большей части она идёт в разрез с бытием самого творца, порождая возможные вариации девиации.

Порождение культурных форм, обособленных от изначально породившей их творческой мысли, определяется Г. Зиммелем в качестве «трагического проклятия». «Человек становится здесь лишь носителем того принуждения, с которым эта логика овладевает развитием и ведёт его как бы по касательной того пути, на котором оно возвратится вновь к культурному развитию живого человека, подобно тому, как логика категорий нашего мышления приводит часто к теоретическим следствиям, лежащим чрезвычайно далеко от изначального намерения данного мыслителя. В этом состоит действительная трагедия культуры» [9, с. 468].

Исследование феномена культурной девиации позволяет сделать ряд выводов. Девиация устанавливается в рамках определённого культурно-исторического типа как своего рода отклонение от смыслового ядра господствующей на то время мировоззренческой парадигмы. Примером может послужить идея космоса в Античности, идея Бога в Средневековье, идея человека в эпохе Возрождения. Те ценностные установки, которые принимаются одной культурной эпохой как должное, в рамках сменяющей её культурной эпохи подвергаются сомнению, а то и жесточайшей критике.

Само по себе перманентное возникновение различного рода культурных девиаций обусловлено тем, что культура в её высшем проявлении вырабатывает духовные ценностные ориентиры, стремится зафиксировать истину, потенциально выходящую за преде-

лы личностного творящего начала. То, что сокрыто во внеличностном начале, никогда не уравнивается с тем, что способен продемонстрировать творящий субъект, стремящийся зафиксировать своё творение в пространственно-временном измерении. Оно всегда будет выше последнего, всегда существовать на уровне неосуществлённого идеала.

Сама по себе культурная девиация может наполняться как деструктивным, так и конструктивным смыслом. В этой ситуации реализуется принцип историзма с его оценкой содержания того или иного явления, исходя из его временной оценки, основанной на соответствии и соотнесённости ведущих парадигм. Например, в архаической культуре девиацией может считаться нарушение правил ритуально-обрядовой практики, ведущей к разрушению основ первобытного общества. Применительно к средневековому христианскому типу культуры в качестве девиации выступает ересь как отклонение от ортодоксального христианского учения.

Отсутствие должного уровня парадигмальности в рамках современного типа культуры приводит к его дегуманизации как своего рода девиации, обусловленной непрекращающейся потребностью закрепления абсолютной реальности за отдельно взятым творением. Подобное чревато порождением культивируемых вещей, но при этом оскудению внутреннего мира человека. В свою очередь, попытка устранения субъективизма в восприятии мира со стороны отдельных художников пробуждает к жизни новые направления и стили в искусстве. Сама по себе девиация при переходе от субъективизма к объективизму способна привести к смене ведущих парадигм.

Список источников

1. Хюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина. М.: Республика, 1996. 448 с.
2. Eliade M. [Myth and Reality]. New York, 1968. S. 18. 217 с.
3. Мартысюк П. Г. Феномен начала как источник динамики культуры // Человек. Культура. Образование. 2019. № 2 (32). С. 9–21.
4. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Алетейя, 1997. 222 с.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 784 с.
6. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Творчество и свобода : сборник : пер. с франц. / составление и предисловие К. Долгова; комм. С. Зенкина. М.: Радуга, 1990. С. 106–109. 608 с.

7. Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры / вступ. ст. Г. М. Фридлендера; сост. В. Е. Багно. М.: Искусство, 1991. 588 с.
8. Иванов О. Е. В предверии Бога: вера как свобода. СПб.: Институт богословия и философии; Петрополис, 2018. 384 с.
9. Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.

References

1. Hübner K. *Pravda mifa* [The Truth of Myth]. Moscow: Respublika, 1996. 448 p. (In Russ.)
2. Eliade M. *Myth and Reality*. N. Y., 1968. 217 p.
3. Martysyuk P. G. The phenomenon of beginnings as a source of cultural dynamics. *Celovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education]. 2019. No 2 (32). Pp. 9–21. (In Russ.)
4. Freud Z. *Totem i tabu. Psikhologiya pervobytnoy kul'tury i religii* [Totem and taboo. Psychology of primitive culture and religion]. St. Petersburg: Aletheia, 1997. 222 p. (In Russ.)
5. Cashier E. *Izbrannoye. Opyt o cheloveke* [Favorites. Experience about a person]. Moscow: Gardarika, 1998. 784 p.
6. Camus A. *Mifo Sizife* [The Myth of Sisyphus]. Collection. Moscow: Raduga, 1990. Pp. 106–109. (In Russ.)
7. Jose Ortega y Gasset. *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 588 p. (In Russ.)
8. Ivanov O. E. *Na poroge Boga: vera kak svoboda* [On the threshold of God: faith as freedom]. St. Petersburg: Institute of Theology and Philosophy; LLC Publishing House "Petropolis", 2018. 384 p. (In Russ.)
9. Simmel G. *Izbrannoye. Tom 1. Filosofiya kul'tury* [Favourites. Vol. 1. Philosophy of culture]. Moscow: Lawyer, 1996. 671 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России (198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1)

Information about the author

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (1, st. Pilot Pilyutov, St. Petersburg, 198206, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	15.04.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	11.05.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	15.05.2024

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья / Article

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-25>

Литературная премия как социокультурный феномен новой русской литературы: некоторые наблюдения

Людмила Викторовна Гурленова

Сыктывкарский университет имени Питирима Сорокина,

Сыктывкар, Россия

GurlenovaLV@syktsu.ru, ORCID: 0000-0003-1216-7644

***Аннотация.** Премии являются одним из показателей протекающих в литературе явлений, а изучение механизма и итогов этих явлений позволяет судить о закономерностях их функционирования. Актуальность настоящего исследования придает не только сам предмет изучения, но и малочисленность научных публикаций о премиальном секторе и о новейшей литературе в целом, так как они в основном предстают предметом внимания литературной критики.*

Цель настоящей статьи — исследование вопросов практики присуждения премий последних лет с включением материала национальной литературной премии «Большая книга» и с учетом ее учредительных документов. Выбор данной премии обусловлен тем, что в ней сфокусированы характерные проблемы рассматриваемого явления. В статье использованы историко-литературный и системно-типологический методы, позволяющие вычлнить и охарактеризовать некоторые закономерности пре-

миального процесса, а также сделать ряд суждений концептуального характера об условиях присуждения премий. Социокультурный аспект премии связан с ролью премиального произведения как компонента ценностной картины современной культуры и соотношения литературных позиций профессиональной и читательской аудиторий.

Keywords: литературная премия, современный литературный процесс, премия «Большая книга»

Для цитирования: Гурленова Л. В. Литературная премия как социокультурный феномен новейшей русской литературы: некоторые наблюдения // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 25–37. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-25>

The Literary Prize as a Socio-Cultural Phenomenon of Modern Russian literature: Some Observations

Ludmila V. Gurlenova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
ORCID: 0000-0003-1216-7644, GurlenovaLV@syktsu.ru

Abstract. Prizes are one of the indicators of phenomena occurring in literature, and the study of their mechanism and results allows us to judge the patterns of their functioning. The relevance to this study is given not only by the subject of study itself, but also by the small number of scientific publications on the premium sector and on the latest literature in general, since they mainly appear to be the subject of literary criticism.

The purpose of this article is to study the practice of awarding prizes in recent years with the inclusion of the material of the national literary award “Big Book” and taking into account its constituent documents. The choice of this award is due to the fact that it focuses on the characteristic problems of the phenomenon under consideration. The article uses historical-literary and system-typological methods that allow us to identify and characterize some patterns of the award process, as well as make a number of conceptual judgments about the conditions for awarding prizes. The sociocultural aspect of the prize is associated with the role of the prize work as a component of the value picture of modern culture and the relation between the literary positions of professional and reader audiences.

Keywords: literary award, modern literary process, the Big Book Award

For citation: Gurlenova L. V. The Literary Prize as a Socio-Cultural Phenomenon of Modern Russian literature: Some Observations. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 2: 25–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-25>

Введение. Новейшая литература — актуальный, сложный предмет научного исследования, поскольку является областью незавер-

шенных явлений: еще продолжается творчество многих писателей, ценностные ориентиры литературной среды не просто находятся в стадии формирования, но отражают ситуацию активного соперничества различных идейно-художественных платформ, сложившихся в группах писателей, журналах, издательствах, в области литературы, творческих союзах и в практике премиального сектора литературы.

Задачей настоящей статьи является исследование некоторых аспектов присуждения литературных премий; основным предметом изучения выбрана премия «Большая книга», поскольку в ней отражены характерные проблемы современного премиального процесса. Эти вопросы интересуют не только профессиональное сообщество, они имеют и социокультурную направленность, влияя на большую читательскую аудиторию.

Анализ материала опирается на литературоведческие и культурологические публикации о премиальном процессе в России и за рубежом, механизме назначении премий в разных областях искусства (М. П. Абашева, В. А. Мескин, М. А. Черняк, Б. Дубин, А. Рейтблат, Е. Фанайлова, Н. Янкова, James F. English и др.), привлекается Положение о национальной литературной премии «Большая книга».

Методы исследования, теоретическая база. В статье использованы историко-литературный и системно-типологический методы, позволяющие представить вопрос в историко-культурном, теоретическом контексте и практике премиального процесса. Анализ исследований содержится в следующем разделе, на его основе конструируется проблемное поле рассматриваемого явления.

Результаты исследования и их обсуждение. С начала XXI века в России учреждаются многочисленные литературные премии; этот процесс обусловлен тем, что после распада Советского Союза, радикальной перестройки литературы и кризиса журналов и критики сформировался запрос на результативный регулятор литературного процесса.

Премии учреждались, закрывались, появлялись новые¹. Вероятные причины их нестабильности: преобладание групповых интересов, неопределенность критериев, финансовые и организацион-

¹ Недавно учрежденные премии: премия «Дальний Восток» им. В. К. Арсеньева (2019), Московская арт-премия (2020, Фонд развития современного искусства при поддержке Правительства Москвы), литературная премия «Гипертекст» (2022, Литературная газета), Национальная премия в области детской и подростковой литературы (2023, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций и Министерство культуры).

ные проблемы. Названные недостатки свойственны не только завершенным премиям, но и действующим.

Рассмотрим проблемные аспекты премиального процесса, обсуждаемые в научных публикациях.

Первый из них — не является ли количество премий в России избыточным? О количестве премий разных уровней писало большинство участников обсуждения темы (например, Н. Иванова, участница конференции «Литературная премия как факт литературной жизни» журнала «Вопросы литературы»: «Премий сегодня так много, что они на самом деле аннигилируют друг друга, ведь писателей, замечательных произведений уже не так много, как этих премий» [1]). Предполагается, что избыточное количество литературных премий обесценивает их результаты. Но в любопытной статье Б. Дубина и А. Рейтблата со ссылкой на исследования во Франции, Германии и Великобритании приводится следующая информация: «...во Франции сегодня насчитывается до 1850 ежегодных литературных премий и конкурсных призов», которые выполняют важные культурные и общественные функции. Они «определяют круг чтения современников, а тем самым и политику книгоиздания, перевода, тенденции национального и мирового литературного развития» [2, с. 6].

На этом фоне несколько сотен литературных премий разного уровня, которые присуждаются в России, выглядят скромно; многие исследователи склонны считать, что и итоги их деятельности незначительны, читатели часто сами выбирают произведения для чтения, игнорируя результаты премий. Следовательно, количество премий в России может быть и больше, в этом случае увеличится конкуренция и более остро будет стоять вопрос о качестве премий, их скоординированности.

Второй вопрос — о значении премий. Ответы на него отразили наличие двух противоположных и равновесных позиций. Первая позиция — утвердительная: премии нужны, полезны, выявляют тенденции современного литературного процесса. Это мнение остается широко представленным в течение длительного времени. В. А. Мескин, профессор РУДН, отвечает на этот вопрос, выделяя премии, наиболее авторитетные с его точки зрения: «Лоцманом в этих поисках для меня служат литературные премии, прежде всего самые престижные — “Большая книга” и “Русский букер”¹. Институт премий только ленивый не ругал, но более объективного среза литературы не существует» [3]. Профессор М. Черняк: «Литературные премии

¹ Премия «Русский букер» перестала существовать с 2019 г.

как влиятельный институт литературной жизни во многом определяют круг чтения, политику книгоиздания, перевода, тенденции литературного развития» [4, с. 6]. Н. Янкова, специалист по книгоиздательскому рынку России в Германии, в статье с показательным названием «Нужны ли литературные премии» убеждает, что премии в области литературы обладают важной социокультурной функцией — «это инструмент продвижения русской литературы к читателю не только российскому, но и зарубежному», они способствуют повышению социальной значимости русской литературы и оказывают большое влияние на литературный процесс [5]. Преподаватель МГУ М. А. Хлебус в 2023 году пишет: «...какие бы определения ни употреблялись применительно к премиям (“маяк”, “лоцман”, “сканер”, “радар”), полагаем, что прежде всего они инструмент, проверенный временем механизм актуализации современного литературного процесса, пусть даже не универсальный [6, с. 86]. А. Мелихов, участник круглого стола 2022 года «Премиальный ландшафт в эпоху перемен», признает ограниченность возможностей премий, но считает достаточным уже то, что хотя «премии не способны избрать высший сорт, но способны защитить публику от семнадцатого и тридцать второго сорта» [7].

Признание значения премий обусловлено широкой практикой их присуждения и определенной ролью в организации деятельности издательств и журналов.

Вторую позицию можно было бы сформулировать следующим образом: премии не имеют оснований считаться навигаторами в литературном процессе. Прежде чем рассматривать эту позицию, приведем три суждения, которые демонстрируют остроту дискуссий. Е. Фанайлова в статье «Русский Букер и все-все-все» (название, являясь интертекстуальным, звучит иронически) подчеркнуто критически воспринимает премию «Русский буккер», которую большинство участников обсуждения роли литературных премий оценивают как лучшую: «...кто принял решение, что Русский Букер есть главная национальная литературная премия? ... Фаворитизм кажется главным принципом работы Букеровского жюри», современные премии — «корпорации по отмыванию денег и поиску дешевой писательской рабсилы для издательств» [8, с. 17, 18]. Профессор Дм. Бак, участник конференции «Литературная премия как факт литературной жизни» оценивает компетентность жюри Нобелевской премии: «Вдумаемся: в огромном большинстве случаев «нобелевка» присуждается людьми, не читавшими в оригинале

книгу, снискавшую лавры»¹ [1]. А. Чанцев, участник круглого стола «Премиальный ландшафт в эпоху перемен»: «...стоит подумать над тем, чтобы уменьшить корпоративные междусобойчики в жюри ... отряхнуть премии от налипшей на них в «тучные нулевые» финансовой и медийной шумихи» [7].

Однозначна позиция Ю. Полякова: «...во многом премии девальвированы» [9]. Поэт, прозаик, критик А. Алехин: «...толстые журналы ... единственный у нас серьезный институт литературной политики, отбора, критики» [1]. Профессор М. П. Абашева в статье «Литературная премия как инструмент. Заметки инсайдера», написанной на материале букеровской премии 2010 года, приходит к выводу, что премии не регулируют движение литературного потока, что «литературная премия сегодня не является навигатором в бурном море литературной жизни ... движение литературного потока не регулируется премиями» [10]. Причину этого автор усматривает в отсутствии общих навигационных ориентиров, что приводит к многочисленным скандальным обсуждениям итогов присуждения премии (добавим — и к скандалам по поводу обвинений в плагиате).

Вопрос о критериях выбора ставят и другие исследователи. Они склонны признавать их невозможными по разным причинам (например, в условиях напряженного идейно-художественного противостояния групп писателей); П. Бурдьё называет это «полем литературной борьбы» консервативных и трансформирующих литературу тенденций [11]). Или указывают на обобщенность и размытость критериев, что лишает их смысла и приводит к результатам, описанным В. А. Мескиным: «При чтении современных романов возникает впечатление, будто бы автор предлагает в редакцию не окончательный, а черновой вариант, над которым еще предстоит работать» [3]. Дм. Бак обнаруживает системную ошибку премий, заключающуюся в том, что множественность наименований «литературных наград далеко не всегда оправдывается разнообразием критериев, по которым эти награды раздаются. Нередко официальные регламенты литературных премий друг от друга почти неотличимы» [1]. Итогом результатов обсуждения критериев литературной премии можно считать мнение Б. Дубина и А. Рейтблата: «В

¹ Закономерное требование, так как произведение, переведенное на языки стран разных континентов, становится вариантом оригинала, нередко далеко от него отстоящим. Понятна сложность выполнения этого требования, но авторитетные премии или те, которые считают себя таковыми, должны обеспечить выполнение данного условия.

современной ситуации важно и интересно то, что крах журналов (и периодики в целом) как руководителей общественного мнения в сфере литературы не привел к росту влияния премий. Сейчас эта роль регулятора вакантна» [2, с. 13].

Участница конференции журнала «Вопросы литературы» «Литературная премия как факт литературной жизни» писательница О. Славникова поставила под сомнение возможность «самого существования эстетических критериев, критериев подлинности и глубины» [2]. М. П. Абашева поясняет качество критериев премий ситуацией постмодерна: «Возможно, такова заведомо эклектичная, полицентричная и хаотичная ситуация постмодерна» [10]. Этот вопрос М. Липовецкий в свое время поставил в масштабе всей литературы, выявив катастрофический результат влияния постмодерна на художественное произведение и, следовательно, на возможности корректной его оценки: «Пробегая глазами по полкам, вижу, что все интересные мне сегодня западные и восточные писатели — все как один лишены сильного авторского стиля и занимаются не чем иным, как монтажом и сращением далековатых дискурсов ... не всплывает в сознании ни один крупный современный писатель с ярко выраженным авторским языком» [12].

В течение последующего десятилетия этот вопрос оставался актуальным; в рамках круглого стола 2022 года «Премиальный ландшафт в эпоху перемен» А. Марков констатирует: «...как бы мы ни картографировали современный премиальный ландшафт, нельзя упускать из виду, что он уже принадлежит новому качеству культуры: не соревнованию в литературном поле с ясными границами и правилами соревнования, но постоянным потрясениям в самой литературе, когда даже вопрос, что считать литературным произведением, что считать романом, что считать литературным творчеством, постоянно ставится под вопрос» [7].

В контексте этой проблемы появилась идея о специализации премий и отказа от универсальных премий: «Довольно трудно говорить о единых эстетических критериях для, скажем, романов Михаила Шишкина ... с их эстетической инерционностью и шоковых романов Владимира Сорокина, хотя они рассматриваются в одних и тех же премиальных номинациях» [1]. Однако решит ли это проблему? Если предположить, что идея осуществить специализацию литературных премий по критериям «традиционность / инновационность» может быть востребована, то как мы различим эти качества в случаях, когда традиционное произведение открыто формально-

му эксперименту, а инновационное демонстрирует не радикальный, а умеренный художественный опыт автора?

Обсуждались также вопросы, может ли быть присуждение премии справедливым и что для этого нужно делать; актуальны ли премии сейчас и экономическое значение премий.

Принято считать, что литературная премия должна отвечать таким критериям, как установленный круг экспертов, определенность критериев, регулярность проведения [2, с. 16]. А каким должен быть круг экспертов? В России чаще всего считают, что круг экспертов должен быть широким, постоянным и состоящим из известных имен. Как, например, в премии «Большая книга»: ее учредителями были крупные компании и организации, имеющие непосредственное отношение к культуре и литературе, в частности Министерство культуры РФ, Пушкинский Дом РАН, Российский книжный союз, ГТРК, ТАСС, Минцифры России, Российская библиотечная ассоциация, сервис электронных и аудиокниг «Литрес», издательский дом «Комсомольская правда» и др. Жюри было очень представительным — это как будто должно было обеспечивать объективность оценки (так, в 2023 году в Литературной академии работали 104 человека — профессиональные литераторы, деятели науки, культуры и образования, общественные и государственные деятели, журналисты, предприниматели). Тем не менее это не решило проблему профессиональной объективности присуждения премий, претензий к «Большой книге» много.

Попробуем понять ситуацию с привлечением труда американского исследователя профессора Джеймса Ф. Инглиша. Он автор статьи «Управление вкусом. О роли менеджмента в репутации премий», которая является фрагментом его монографии¹. Разбирая конфликт внутри премии Теда Тернера, автор приходит, казалось бы, к парадоксальным выводам. Он пишет, что «судьи вовсе не имеют возможности назначать победителем того, кого сами пожелают, так же как им не дарована независимость от учредителей премии», что «диапазон возможных победителей сужается посредством процесса номинации, к которому полномочия судей опять-таки не имеют отношения», «чем больше судей в жюри, тем более очевидным, ожидаемым ... будет их выбор» [13, с. 24–26].

То, что сказано о премии Теда Тернера, имеет прямое отношение к премии «Большая книга». В пп. 5.6, 5.7 и др. положения об этой

¹ James F. English. *The Economy of Prestige: Prizes, Awards and the Circulation of Cultural Value*. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 2005. 410 pp.

премии речь идет о сходном описанному автором статьи процессе номинации: Литературная академия рассматривает произведения из списка финалистов, который формируется советом экспертов премии (в состав входят шесть человек); эксперты также составляют длинный список и они же осуществляют экспертизу выдвинутых на соискание премии произведений. Кому из экспертов передать то или иное произведение, решает председатель совета экспертов. Неограниченными возможностями обладает директор премии (п. 7.3)¹: он представляет совету попечителей кандидатуры членов Литературной академии, сопредседателей Литературной академии, членов совета экспертов; организует работу совета экспертов и Литературной академии, а также входит в состав Литературной академии². Таким образом, Литературная академия по положению о премии не имеет доступа к широкому кругу произведений претендентов. Основные возможности выбора принадлежат директору премии и экспертам.

Джеймс Ф. Инглиш описывает, к чему приводит подобное распределение полномочий в премиях: «Управляющие Премии Тернера придавали столь небольшое значение решению жюри, что они без долгих рассуждений аннулировали его и присудили первое место Куину, даже не оповестив об этом судей» [13]. Наверное, можно считать иллюстрацией к сказанному то, что пишет о Большой книге Н. Подосокорский (ст. научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН): «Издатель Борис Пастернак весьма остроумно заметил по поводу ее [премии «Большая книга»] короткого списка этого сезона... семь из десяти финалистов — из «Редакции Елены Шубиной» [7]. Исследователь озвучил еще одну претензию к премии: «Конечно, такая ситуация представляется противоестественной, как и награждение по два, три и более раз одной премией одних и тех же писателей. В конечном счете это дискредитирует и обесценивает подобные награды» [Там же]. С этим высказыванием согласятся многие.

¹ Директор премии Г. Урушадзе, находящийся сегодня за границей, в апреле 2023 года объявил об открытии нового издательства за пределами России — Freedom Letters, в многочисленных интервью, находящихся в открытом доступе, рассказывает о планах его работы, в которых реализуется запрещенная в России тематика.

² Большая книга. URL: <https://bigbook.ru/o-premii/polozhenie> (дата обращения: 18.02.2024).

Обратим внимание еще на один пункт (3.12) Положения о премии «Большая книга»: «Каждый член жюри премии — Литературной академии — имеет право выдвинуть одно произведение. При выдвижении произведения член Литературной академии направляет в секретариат премии все необходимые материалы...»¹ Обратим внимание, что этот член Литературной академии не выводится из состава жюри, сохраняет свои полномочия, чего не должно быть.

Из большого спектра вопросов, связанных с присуждением премий, отметим еще один, он представляется принципиально важным. В «Большой книге» поддерживаются писатели нонфикшн, а в 2022 году они заняли все призовые места («Подлинная история Анны Карениной» Павла Басинского, «Имя Розанова» Алексея Варламова, «Парижские мальчики в сталинской Москве» Сергея Белякова). Эта тенденция представляется полезной, она в определенной степени продолжает традицию серии ЖЗЛ, давшей отечественной литературе большое количество биографий интересных людей, однако вызывает вопрос не столько выбор личностей, сколько ракурс их изображения. В нескольких книгах последних лет его можно назвать психоаналитической интерпретацией жизни творческих людей, знакомой еще по 1920-м годам (И. Д. Ермаков, Н. Е. Осипов, И. А. Бернштейн) и 1990-м (А. И. Белкин, А. И. Кругликов, С. Н. Зимовец) и показавшей ограниченность возможностей изображения известной, в том числе творческой личности. Думаю, изображение крупных деятелей культуры должно ориентироваться прежде всего на сознательное, интеллектуальное в их личности, потому что благодаря именно этому они стали знаковыми фигурами эпохи.

Заключение. Анализ дискуссионных вопросов практики присуждения литературных премий показывает, что сегодня к организации премиального процесса в профессиональной и читательской сферах много претензий, однако это не означает, что институт премий себя исчерпал. Общественные ожидания сосредоточены на выполнении премиальными комитетами таких принципов отбора произведений, как профессионализм и объективность оценки на основе четких критериев, о которых должна знать общественность, – для выбора действительно значимых в художественной области произведений; независимость от учредителей премии, отказ от лоббирования интересов различных групп, объединений и фондов; изменение процесса номинации, чтобы именно судьи, а не адми-

¹ Большая книга. URL: <https://bigbook.ru/o-premii/polozhenie> (дата обращения: 18.02.2024).

нистрация премии выбирали лучших. Предлагаем далее несколько предложений для достижения перечисленного.

Материал положения премии «Большая книга» показывает наличие конфликта интересов (вероятно, это общая ситуация), в связи с чем в него должны быть внесены изменения, так как положения премий безусловно должны соответствовать требованиям статьи 10 «Конфликт интересов» ФЗ «О противодействии коррупции».

Положения о литературных премиях «Большой книги» и др. необходимо привести в соответствие с другими нормативными документами в области культуры и СМИ. Так, экспертиза произведений, представленных на конкурс, учитывая их публичность и большую общественную значимость, более последовательно должна опираться на требования, изложенные в ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» Закона РФ «О средствах массовой информации».

Необходимо ограничить количество премий, присуждаемых одному автору. Это может быть или однократное присуждение, или присуждение один раз в 7–8 лет.

Список источников

1. Литературная премия как факт литературной жизни: конференция Букеровской премии / ведущий И. Шайтанов // Вопросы литературы. 2006. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/2/lit6-pr.html> (дата обращения: 18.02.2024).
2. Дубин Б., Рейтблат А. Литературные премии как социальный институт: о премиях дореволюционной России // Критическая масса. 2006. № 2. С. 6–15. URL: <https://www.rulit.me/books/kriticheskaya-massa-2006-2-read-153928-html> (дата обращения: 15.02.2024).
3. Мескин В. А. По страницам «Большой книги» – 2014 // Вопросы литературы. 2015 № 2. С. 52–70. URL: <https://voplit.ru/article/po-stranitsam-bolshoj-knigi-2014/> (дата обращения: 18.02.2024).
4. Черняк М. А. Литературная премия как диагноз актуальной словесности // Лабиринт. 2016. № 3–4. С. 6–11. URL: <https://journal-labirint.ru/wp-content/uploads/labirint-no2-iyun-2016.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).
5. Янкова Н. Нужны ли литературные премии // КомпьюАрт. 2015. № 2. URL: <https://compuart.ru/article/24849> (дата обращения: 18.02.2024).
6. Хлебус М. А. Премии как часть современного литературного процесса // Stephanos. 2023. № 5 (61). С. 80–7. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1715895604&tld=ru&lang=ru&name=2023-61-7.pdf&text> (дата обращения: 20.02.2024).
7. Премиальный ландшафт в эпоху перемен: круглый стол (А. Архангельский, О. Балла, М. Кучерская, А. Марков, А. Мелихов, Н. Подосокорский, В. Пуханов, А. Чанцев) // Знамя. 2022. № 11. URL: <https://magazines.gorky>

media/znamia/2022/11/premialnyj-landshaft-v-epohu-peremen.html (дата обращения: 11.03.2024).

8. Фанайлова Е. Русский Букер и все-все-все // Критическая масса. 2006. № 2. С. 16–19. URL: <https://www.rulit.me/books/kriticheskaya-massa-2006-2-download-153928.html> (дата обращения: 22.02.2024).

9. Парадоксы культуры. Разговор с прозаиком и драматургом Юрием Поляковым // Авторский блог Е. Глушик. 26 января 2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/paradoksi_kul_turi (дата обращения: 15.03.2024).

10. Абашева М. П. Литературная премия как инструмент. Заметки инсайдера // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 28–40. URL: <https://voplit.ru/article/literaturnaya-premiya-kak-instrument-zametki-insajdera/> (дата обращения: 21.02.2024).

11. Бурдьё П. Поле литературы // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/pole-literatury> (дата обращения: 15.03.2024).

12. Кобрин К., Липовецкий М., Толстов В., Фанайлова Е., Левинсон А. «Нос»: After-party: переписка между Москвой, Прибайкальем, Прагой и Коломной о словесности и социальности в контексте новой литературы // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/4/nos-after-party.html> (дата обращения: 14.03.2024).

13. Инглиш Джеймс Ф. Управление вкусом. О роли менеджмента в репутации премий / пер. с англ. А. Бочаровой // Критическая масса. 2006. № 2. С. 21–30. URL: <https://www.rulit.me/books/kriticheskaya-massa-2006-2-download-153928.html> (дата обращения: 18.02.2024).

References

1. Literary prize as a fact of literary life: Booker Prize conference / presenter I. Shaitanov. *Voprosy literatury* [Literature questions]. 2006. No 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/2/lit6-pr.html> (accessed: 18.02.2024). (In Russ.)

2. Dubin B., Rejtblat A. Literary prizes as a social institution: about the prizes of pre-revolutionary Russia. *Kriticheskaya massa* [Critical mass]. 2006. No 2. Pp. 6–15. Available at: <https://www.rulit.me/books/kriticheskaya-massa-2006-2-read-153928.html> (accessed: 15.02.2024). (In Russ.)

3. Meskin V. A. Through the pages of the “Big Book” – 2014. *Voprosy literatury* [Literature questions]. 2015. No 2. Pp. 52–70. Available at: <https://voplit.ru/article/po-stranitsam-bolshoj-knigi-2014/> (accessed: 18.02.2024). (In Russ.)

4. Chernyak M. A. Literary prize as a diagnosis of contemporary literature. *Labirint* [Labyrinth]. 2016. No 3–4. Pp. 6–11. Available at: <https://journal-labirint.ru/wp-content/uploads/labirint-no2-iyun-2016.pdf> (accessed: 10.03.2024). (In Russ.)

5. Yankova N. Are literary prizes necessary? *Komp'yut Art* [Computer Art]. 2015. No 2. Available at: <https://compuart.ru/article/24849> (accessed: 18.02.2024). (In Russ.)

6. Hlebus M. A. Prizes as part of the modern literary process. *Stephanos* [Stephanos]. 2023. No 5 (61). Pp. 80–87. Available at: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1715895604&tld=ru&lang=ru&name=2023-61-7.pdf&text> (accessed: 20.02.2024). (In Russ.)

7. Premium landscape in an era of change: round table (A. Arkhangelsky, O. Balla, M. Kucherskaya, A. Markov, A. Melikhov, N. Podosokorsky, V. Pukhanov, A. Chantsev). *Znamya* [Banner]. 2022. No 11. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/11/premialnyj-landshaft-v-epohu-peremen.html> (accessed: 11.03.2024). (In Russ.)

8. Fanajlova E. Russian Booker and all, all, all. *Kriticheskaya massa* [Critical mass]. 2006. No 2. Pp. 16–19. Available at: <https://www.rulit.me/books/kriticheskaya-massa-2006-2-download-153928.html> (accessed: 22.02.2024). (In Russ.)

9. Paradoxes of culture. Conversation with prose writer and playwright Yuri Polyakov. *Avtorskij blog E. Glushik, 26 yanvarya 2024* [Author's blog E. Glushik, January 26, 2024]. Available at: https://zavtra.ru/blogs/paradoksi_kul_turi (accessed: 15.03.2024). (In Russ.)

10. Abasheva M. P. Literary prize as a tool. Insider Notes. *Voprosy literatury* [Literature questions]. 2012. No 1. Pp. 28–40. Available at: <https://voplit.ru/article/literaturnaya-premiya-kak-instrument-zametki-insajdera/> (accessed: 21.02.2024). (In Russ.)

11. Burd'yo P. Field of literature. *Sociologicheskoe prostranstvo P'era Burd'yo* [Sociological space of Pierre Bourdieu]. Available at: <http://bourdieu.name/content/pole-literatury> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.)

12. Kobrin K., Lipovetsky M., Tolstov V., Fanailova E., Levinson A. “Hoc”: After-party: correspondence between Moscow, Baikal region, Prague and Colorado about literature and sociality in the context of new literature. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2010. No 104. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/4/hoc-after-party.html> (accessed: 14.03.2024). (In Russ.)

13. English James F. Taste management. On the role of management in the reputation of awards / trans. from English A. Bocharova. *Kriticheskaya massa* [Critical mass]. 2006. No 2. Pp. 21–30. Available at: <https://www.rulit.me/books/kriticheskaya-massa-2006-2-download-153928.html> (accessed: 18.02.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Information about the author

Ludmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrski prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	15.03.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	11.04.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	11.05.2024

Научная статья / Article

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-38>

Язык как опыт профессиональной рефлексии писателя

Жанна Николаевна Маслова

Петербургский государственный университет путей сообщения Александра I,
Санкт-Петербург, Россия
maslovajeanna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4937-150X>

Аннотация. Для писателя язык является профессиональным инструментом. Одновременно язык — часть не только индивидуального сознания каждого человека, но и коллективного. Носители языка, существуя в актуальном моменте, как правило, не придают значения тому факту, что восприятие явлений объективной реальности меняется вместе со сменой эпох. Между тем в ретроспективе могут наблюдаться серьезные трансформации. Данная статья представляет результаты системного анализа высказываний о языке авторов классической русской литературы XIX — первой половины XX века.

Цель исследования состоит в изучении трансформации взглядов на язык и оценки языковых явлений мастерами слова. Это важно, так как язык русской классической литературы является вершиной развития языка; высказывания известных писателей о языке часто используются в просветительских, учебных, идеологических, научных целях. Однако существенным является изменение условий бытования языка. Писатели-классики русской литературы существовали в совершенно ином контексте, поэтому одним из научно значимых результатов проведенного анализа стало выявление тех языковых вопросов, которые были актуальны в исторической перспективе.

Тематическая классификация материала и последующий тематический-смысловой анализ показали наличие нескольких ключевых вопросов, вокруг которых группируются мнения авторов. Это соотношение мысли и языка, проблема овладения русским языком как родным и правомерность заимствований, а также переживание конфликта мировоззрений и поиски в языке духовного начала русской нации. В последнем случае ключевым термином можно считать «народность», так как народный язык признавался идущим от самой жизни. В понятии «народность» слились духовные поиски и обсуждение языковых вопросов.

Дискуссии по поводу сути и значения «народности» продолжаются и в настоящее время, поэтому в статье дан обзор ряда публикаций. Новизна исследования определяется систематизацией и выявлением изменений в восприятии и оценке фактов и перспектив развития и бытования языка в контексте профессиональной рефлексии.

Ключевые слова: заимствования, коммуникация, литература, мировоззрение, народность, мысль, язык

Для цитирования: Маслова Ж. Н. Язык как опыт профессиональной рефлексии писателя // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 38–52. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-38>

Language as a Writer's Experience of Professional Reflection

Zhanna N. Maslova

Emperor Alexander I St.-Petersburg State Transport University,
Saint Petersburg, Russia
maslovajeanna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4937-150X>

Abstract. *For a writer, language is a professional tool. At the same time, it is part not only of the individual consciousness of each person, but also of the collective consciousness. Speakers of the language, existing in the actual moment, as a rule, do not attach importance to the fact that the perception of the phenomena of the objective reality changes with the change of epochs. Meanwhile, serious transformations can be observed in retrospect. This article presents the results of a systematic analysis of statements about the language of the authors of the classical Russian literature of the 19th — first half of the 20th centuries.*

The aim of the research is to study the transformation of views on language and evaluation of linguistic phenomena by the masters of words. It is important because the language of Russian classical literature is the pinnacle of language development, the statements of famous writers about language are often used for enlightenment, educational, ideological, scientific purposes. However, the change in the conditions of language existence is essential. Classical writers existed in a completely different context, so one of the scientifically significant results of the analysis was the identification of those language issues that were relevant in the historical perspective.

The thematic classification of the material and the subsequent thematic analysis showed the presence of several key issues around which the authors' opinions are grouped. These are the relationship between thought and language, the problem of mastering Russian as a native language and the legitimacy of borrowing, as well as the experience of the conflict of worldviews and the search in language for the spiritual beginning of the Russian nation. In the latter case, the key term can be considered nationality ('narodnost'), since the language of the people was recognized as coming from life itself. The concept of 'nationality' merged spiritual search and discussion of linguistic issues.

Discussions about the essence and meaning of 'nationality' continue at present, so the article reviews a number of publications. The novelty of the research is determined by the systematization and identification of changes in the perception and evaluation of facts and prospects of language development and existence in the context of professional reflection.

Keywords: borrowings, communication, literature, worldview, nationality, thought, language

For citation: Maslova Zh. N. Language as a Writer's Experience of Professional Reflection. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 2: 38–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-38>

Введение. Научная рефлексия над языком многогранна, поэтому дискуссия на тему «Что есть язык для человека?» продолжается сквозь время. Для писателей язык является одновременно материалом и объектом изображения, а также предметом особой творческой и одновременно профессиональной рефлексии. Высказывания писателей по поводу языка и стиля нередко включаются в научные и публицистические работы различной тематики, прежде всего с иллюстративной функцией. Системный анализ подобного материала представляется особенно продуктивным, так как отношение к языку постоянно переосмысливается на разных этапах общественного развития. Это дает новые возможности для анализа результатов авторской рефлексии — высказываний русских писателей о языке, стиле и природе писательского труда.

Методы исследования, теоретическая база. В данной статье предпринята попытка тематически-смыслового анализа высказываний писателей-классиков XIX — первой половины XX века с целью изучения трансформации их взглядов на сущность языка и ряд его аспектов. Материалом послужили выдержки из писем, рукописей, критических статей, архивных материалов, собранные и сгруппированные в четырехтомнике «Русские писатели о литературном труде» [1]. Данный сборник является результатом большой работы научного коллектива, он призван создать целостное впечатление, поэтому авторы, не включенные в издание, к исследованию не привлекались.

Результаты исследования и их обсуждение. В рассуждениях писателей о языке можно выделить ряд ключевых вопросов, которые остаются актуальными для современной науки и общественного развития, что говорит о важности данных проблем в общественной жизни того времени. В связи с этим важно проанализировать изменения во взглядах писателей разных поколений. Дело в том, что, обращаясь к текстам классической литературы, современный читатель интерпретирует их с высоты своего восприятия, изнутри настоящей языковой ситуации. Между тем современники лишь участвуют в дискуссии сквозь время. Ретроспективный взгляд по-

зволяет обнаружить смену акцентов, иное смысловое наполнение понятий и т. п.

Часто не учитывается тот факт, что языковое пространство в XIX и первой половине XX века было иным, культурный и языковой контекст также были качественно иными. В результате анализа языкового материала выделено несколько вопросов, которые обсуждались писателями в этот период.

1. *Язык и мысль*. В своих рассуждениях писатели XIX века касаются взаимоотношений слова и мысли, намечая одно из направлений современной лингвистической науки [2]. Язык и мысль противопоставлены как материальное — нематериальное, внешнее — внутреннее. В материалах четырехтомника «Русские писатели о литературном труде» взгляд на взаимоотношения языка и мысли получает выраженную репрезентацию, начиная с Ф. М. Достоевского: «Слог — это, так сказать, внешняя одежда; мысль — это тело, скрывающееся под одеждой» (1863 г.) [1, Т. 3, с. 174]. Н. С. Лесковым связь языка и мысли также четко осознавалась: «Соответствие слов предмету [мысли] имеет несомненное значение» (1880 г.) [1, Т. 3, с. 219].

В основе этих размышлений находился вопрос о языке как эффективном инструменте коммуникации — лишь через слово возможно передать мысль от одного человека другому и сделать эту мысль частью не индивидуального, а коллективного сознания. В начале XX века В. Г. Короленко утверждал, что «слово дано человеку ... для воплощения и передачи той мысли, того чувства, той доли истины или вдохновения, которыми он обладает, — другим людям» (1904 г.) [1, Т. 3, с. 654].

В XX веке акцент с человеческого сознания и коммуникации смещается на необходимость трансформации языка вместе с эпохой, со временем. Новый виток данной дискуссии был порожден глобальными историческими событиями начала века и **сформулирован** В. В. Маяковским в статье «Без белых флагов» (1914 г.): «Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства. Каждый же период жизни имеет свою словесную формулу» [1, Т. 4, с. 454]. Хотя В. В. Маяковский исходил из понимания искусства как прикладного явления и заявлял о борьбе с бесполезным искусством, его формула «каждый период жизни имеет свою словесную формулу» универсальна, потому что последующие годы породили значительное изменение словаря. Этот факт, а также множество других, в частности многочисленные литературные манифесты, в которых по-разному ставились вопросы и о языке, отразили мас-

штаб социально-экономических и мировоззренческих преобразований. Задача языка переосмысливается — он должен выражать не мысли как порождение индивидуального сознания, а жизнь, общественные процессы. С личности акцент переносится на коллектив.

Следует подчеркнуть, что в рамках различных художественных систем понимание писателями языка может быть кардинально противоположным, например, реалисты и русский авангард. Однако исследование выявило некоторые узловые вопросы, которые осмысливаются писателями в процессе вторичной рефлексии и становятся четко видимыми именно как результат данной деятельности.

Так, мысль о связи мысли и языка не исчезает из поля профессиональной рефлексии, а получает развитие уже в другом историко-литературном периоде. У А. Н. Толстого находим в стенограмме лекции о языке в Военной академии (1943 г.): «Что такое язык? Прежде всего это не только способ выражать свои мысли, но и творить свои мысли... Язык рождает фантазию» [1, Т. 4, с. 544]. А. Н. Толстой выделяет способность языка порождать выводное новое знание. Данная проблематика активно разрабатывается в современной когнитивной лингвистике например. Кроме того, А. Н. Толстой говорил о связи языка и жеста, в духе эпохи заостряя ценность труда: «Нужно подойти к коренным истокам языка, к началу всех начал — к труду, к трудовым процессам, и только там найти давно потерянный ключ — жест — и отомкнуть им слово» [1, Т. 4, с. 540]. Эти слова предвосхитили исследования мультимодальной коммуникации [2, 3] и жестикуляционной лингвистики [4].

2. *Проблема овладения родным языком*, необходимость учиться мыслить на русском языке была важна для русского общества (высших сословий, прежде всего) второй половины XIX века. Она неизбежно находилась в контексте споров славянофилов и западников, развернувшихся в 40–50-е годы XIX века [5]. Возникла проблема усвоения русского языка представителями разных сословий как процесса включения в единую лингвокультуру.

Для И. А. Гончарова важен антагонизм искусственности и естественности в использовании языка, влияние двуязычия на восприятие реальности, национальную идентичность: «Меня перестала пугать мысль, что я слишком прост в речи, что не умею говорить по-тургеневски» (1870-е гг.) [1, Т. 3, с. 111]. Владение французским (иностранном) не просто рассматривается как результат образования и приобщения к другой лингвокультуре, а приобретает оценочный смысл, в нем видится препятствие для формирования нацио-

нальной идентичности. Писатель сообщал о русских, говорящих на французском языке, следующее: «Этот нейтральный язык стирает с них национальность... Но никогда они не будут говорить, как француз и англичанин говорит... их язык уж вовсе не похож на то бледное, условное наречие, каким говорят наши космополиты» [1, Т. 3, с. 113–114]. Естественность процесса усвоения родного языка (с колыбели, от кормилицы, няньки, товарища [1, Т. 3, с. 113]) противопоставлена И. А. Гончаровым искусственности усвоения иностранного языка с учителем.

Для Ф. М. Достоевского родной язык служил основой, которой необходимо овладеть прежде, чем изучать любой иностранный язык: «Только лишь усвоив в возможном совершенстве первоначальный материал, т. е. родной язык, мы в состоянии будем в возможном же совершенстве усвоить и язык иностранный... Из иностранного языка мы невидимо возьмем тогда несколько чуждых нашему языку форм и согласим их — тоже невидимо и невольно, с формами нашей мысли — и тем расширим ее» [1, Т. 3, с. 177]. Ф. М. Достоевский видел в освоении иностранных языков способ обогащения родного языка.

Отдельно следует сказать об отношении к заимствованиям иностранных слов. Дискуссии вокруг этого вопроса не утихают по настоящее время. Например, Н. С. Лесков в 1890-е годы констатировал, что «новые слова иностранного происхождения вводятся в русскую печать беспрестанно и часто совсем без надобности», имея в виду такие слова, как эвакуация, экстрадиция [1, Т. 3, с. 222]. При этом Н. С. Лесков выступал против активного заимствования иностранных слов: «Надо беречь наш богатый и прекрасный язык от порчи» [1, Т. 3, с. 219].

Важно отметить, что именно здесь вскрываются важные различия в отношении к языку. Для писателей XIX века заимствования были лишь частным случаем в оценке качества языка. Анализ материала показывает, что для писателей как представителей общества была актуальна проблема «неоднородности» языка — так находили отражение в языке сословные различия. Ф. М. Достоевский свидетельствовал, что «русские, по крайней мере высших классов русские, в большинстве своем давным-давно уже не рождаются с живым языком, а только впоследствии приобретают какой-то искусственный, и русский язык узнают почти что в школе, по грамматике» [1, Т. 3, с. 176]. В 1876 году, упоминая русского писателя Д. В. Григоровича, Достоевский говорит о нем как об авторе, «который не

только русскому языку выучился, не зная его вовсе, но даже и мужику русскому обучился — и писал потом романы из крестьянского быта» [1, Т. 3, с. 176]. Здесь важно отметить четко ощущаемую разницу между языком образованной части русского общества и языком крестьянства (мужика русского). Впоследствии этот факт станет основой рассуждений о природе и роли народности в языке, о значении «народного» языка для развития литературы.

В XX веке социальная проблема различия в языковой культуре разных сословий получила иное развитие. Поток иноязычных заимствований продолжился, но это явление не рассматривалось как однозначно негативное. Рост иностранных заимствований отмечал и А. Н. Толстой: «Известный процент иностранных слов возрастает в язык. И в каждом случае инстинкт художника должен определять эту меру иностранных слов, их необходимость» (1924 г.) [1, Т. 4, с. 531].

В 1934 году в «Открытом письме А.С. Серафимовичу» [с. 209] А. М. Горький писал: «Процесс освоения иноязычных слов вполне законен тогда, когда чужие слова фонетически сродны осваиваемому языку». А. М. Горького больше заботило очищение литературы от «словесного хлама» [1, Т. 4, с. 208] — «мещанского лексикона провинции», блатного языка — и язык писателей XIX века он ставил в пример: «неоспоримая ценность дореволюционной литературы в том, что, начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий, прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого» [1, Т. 4, с. 213].

Говоря о том, что «иностранина из учебников, безобразная безобразность до сих пор портит язык, которым пишем мы» [1, Т. 4, с. 455], В. В. Маяковский имел в виду не только иностранные слова. Он говорил так и о газетных клише публицистического стиля (достигло апогея, потерпела фиаско), которые часто содержали заимствованные слова, и о поэтических штампах (хитоны, Парфенон, грезы). Проблема заимствования у него слита с проблемой искусственности языка и стиля, что в целом говорило о поисках адекватной формы языкового выражения для реалий нового времени. Эту потребность в качественных изменениях языка ощущали одними из первых художники слова.

Таким образом, в оценке заимствования русским языком иностранных слов большинство писателей придерживались принципа разумности. Анализ материала показывает, что приток иностранных слов в русский язык имел место в разные исторические эпохи,

и он не привел к деградации или разрушению языка. Более серьезным фактором, влияющим на русский язык, стало сословное неравенство, в результате которого язык разных сословий сильно отличался. Различия были настолько сильны, что «народному» языку писателям приходилось обучаться. Одним из ключевых слов в обсуждении этой проблемы стало слово «народность», часто употребляемое писателями при обсуждении проблем языка. Следует отметить, что данное понятие имело широкое толкование, поэтому особенности его использования писателями нуждаются в уточнении.

3. *Народность*. В Толковом словаре Д. Н. Ушакова народность определяется как «совокупность национальных черт, свойственных какому-нибудь народу» [6]. В Большом энциклопедическом словаре народность — это «исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей» [7].

К XXI веку сформировался целый пласт исследований народности, где точкой отсчёта часто служила советская эпоха, в рамках которой содержание понятия сильно трансформировалось: «понятие “народность” в советском литературоведении и критике до недавнего времени трактовалось как адекватное “коммунистической идейности”» [8, с. 12].

В современный период речь идет не о народности языка, а о народности литературы и — шире — народности искусства. Введение всеобщего обязательного образования, развитие средств массовой информации, технический прогресс привели к тому, что в XX веке социальная ситуация изменилась коренным образом. «Народный» язык перестал быть маркером происхождения, ореол его использования сузился и изменился. Отдельные черты были заимствованы литературой и искусством как средства художественной выразительности. В советскую эпоху они стали сигналами оформившегося «художественного» образа и символами закрепленного понимания народности. Предположительно это жизнь в естественной, прежде всего сельской среде, близость к народной культуре, низкий уровень образования, житейская мудрость и т. п. А. И. Лазарев в публикациях 90-х годов прошлого века справедливо отмечал, что словом «народность» характеризуют три разные субстанции в области художественной культуры. Это: 1) отношение индивидуального творчества к коллективному... «степень творческого заимствования и наследования профессиональной литературой (искусством) мотивов, образов, поэтики народного поэтического творчества»;

2) «мера глубины и адекватности отражения в художественном произведении облика и мирозерцания народа»; 3) «мера эстетической и социальной доступности искусства массам» [8, с. 13]. Ни одна из этих трактовок полностью не совпадает с тем смыслом, который вкладывали в слово «народность» писатели XIX – первой половины XX века.

На наш взгляд, понимание данного термина, близкое к пониманию народности в рассматриваемой эпохе, представлено в словарной статье Художественной энциклопедии: «Народность искусства, одно из основных понятий марксистско-ленинской эстетики, означающее связь искусства с народом, обусловленность художественных явлений жизнью, борьбой, идеями, чувствами и устремлениями трудящихся, выражение в искусстве идеалов, интересов и психологии народных масс» [9]. Здесь отражена существующая вне и до марксистско-ленинского дискурса концептуальная связь между идеалами и устремлениями многочисленной части русского общества (напомним, что в первой половине XIX века крестьянство составляло примерно 9/10 производительного населения России [10]) и языком.

Писателями ощущался прежде всего выраженный в языке конфликт мировоззрений, который обуславливал качественные отличия «народного» языка. Если поставить знак равенства между народностью и мировоззрением, то становится понятно, почему в XIX веке многими язык рассматривался как главная репрезентация народности. Так, в 1870-е годы И. А. Гончаров писал: «Язык есть главное, чуть ли не единственное выражение и отражение народности» [1, Т. 3, с. 115]. Однако в том конфликте, «который возникает между народом и определенными группами писателей, художников, повинны отнюдь не те, кто воспринимает искусство» [8, с. 15].

С другой стороны, народный язык служил воплощением жизни, жизнь проживалась в языке. Эта мысль интерпретировалась на разных уровнях, и, говоря о народности, нельзя не упомянуть деятельность славянофилов и западников во второй половине XIX века [5; 11; 12]. Ф. М. Достоевским народный язык воспринимался как часть повседневной реальности. Структурные и стилистические особенности «народного» языка ощущались им очень остро: «...выговаривает его отец Феропонт, а он не может говорить иначе, и если б даже мог сказать: пропах, то не скажет, а скажет провонял» (1879 г.) [1, Т. 3, с. 182].

Народный язык — это прежде всего язык купцов, крестьян, мещан, цеховых, инородцев, казаков — осознавался как самостоятельное явление. Так как писатели были в большинстве своем выходцами из дворянского сословия, этот язык был для них «другим», в произведениях они имитировали речь «русского мужика» («мужичу русскому обучился» — Ф. М. Достоевский), подстраиваясь под его мировоззрение. Данная мысль логически продолжала рассуждения классиков о связи мысли и слова, авторы активно обращались к ресурсам народного языка в поисках глубины и содержательности исследуемых в творчестве вопросов.

Например, Н. С. Лесков в своем творчестве активно опирался на возможности простонародного языка, добиваясь естественности изображения героев: «Вот этот народный, вульгарный и вычурный язык, которым написаны многие страницы моих работ, сочинен не мною, а подслушан у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаев, у юродивых и святош» [1, Т. 3, с. 221]. «Чтобы мыслить «образно» и писать так, надо, чтобы герои писателя говорили каждый своим языком, свойственным их положению... Человек живет словами... Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения» (1890-е гг.) [1, Т. 3, с. 221].

В связи с этим в литературе возникла проблема не только использования, но и неумелой стилизации русского «народного» языка, когда форма переносилась без содержания. Много критических замечаний по поводу необоснованного использования «простонародных» слов и выражений содержится у А. П. Чехова. В 1889 году в письме к Ал. П. Чехову он утверждал: «Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без пуцая и без таперича» [1, Т. 3, с. 417].

Сознательное искажение языка для имитации речи представителей определенного социального слоя было в литературе второй половины XIX века явлением не исключительным: «Я знаю одного писателя-народника — так он, когда пишет, усердно роется у Даля и в Островском и набирает оттуда подходящих “народных” слов» (А. П. Чехов в воспоминаниях современников, И. Н. Потапенко) [1, Т. 3, с. 287, 420]. Очевидно, что критике подвергалось стремление некоторых авторов лишь к внешней имитации народной речи — без проникновения в суть народной жизни и характера.

Наряду с критикой неуместного использования «простонародных» слов вопрос о правильности языка и о его социальной неодно-

родности также являлся предметом профессиональной рефлексии писателей. Многочисленные высказывания А. П. Чехова свидетельствуют об актуальности данной проблемы не только для литературы, но и для повседневной речи: «“Мы-ста” и “шашнадцать” сильно портят прекрасный разговорный язык. Насколько я могу судить по Гоголю и Толстому, правильность не отнимает у речи ее народного духа» (1892 г.) [1, Т. 3, с. 419].

Вопрос о «народности» языка был частью дискуссии о социальной неоднородности языка: «У писателей, описывающих известный класс народа, невольно к слогу прививается характер выражения этого класса» (Л. Н. Толстой, 1853 г.) [1, Т. 3, с. 585]. Народный язык признавался естественным, идущим от самой жизни: «Народ надо просто знать, как самую свою жизнь, не штудируя ее, а живучи ею» (Н. С. Лесков, 1885 г.) [1, Т. 3, с. 213]. Л. Н. Толстой считал народный язык основой, близкой к сути вещей. В 1853 году в своем дневнике он писал: «Пробный камень ясного понимания предмета состоит в том, чтобы быть в состоянии передать его на простонародном языке необразованному человеку» [1, Т. 3, с. 585].

Примечательно, что писатели не использовали понятия «литературная норма», «диалект», «просторечие», хотя толковые словари начали появляться уже в XVIII веке. Первым собственно толковым словарем явился изданный в 1789–1794 годах шеститомный «Словарь Академии Российской», содержащий 43 257 слов [13]. В 1863–1866 годах был создан четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [14]. А. П. Чехов определял такие слова как «провинциализмы»: «Всю музыку Вы испортили провинциализмами... Кабачки, отчини дверь, говорить и проч. – за все это не скажет Вам спасибо великоросс» (1888 г.) [1, Т. 3, с. 417].

Решая вопрос о статусе «провинциализмов» в литературе, писатели задумывались также о специфике и возможностях литературного языка, о его связи с народной повседневной речью. Современники так писали о Л. Толстом: «он... выходит на шоссе... и сейчас же находит на нем богомолки и богомольцев. С ними начинаются разговоры... Он стал удивительно чувствовать красоту народного языка и каждый день делает открытия новых слов и оборотов, каждый день все больше бранит наш литературный язык, называя его не русским, а испанским» (Письмо Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому, 1879 г.) [1, Т. 3, с. 593].

Такой интерес к народной речи, на наш взгляд, был обусловлен стремлением перенести в литературу не только достоверную речь

героев, но и ценности — народную мысль, мировоззрение, характер. Литература осознавалась как объединяющая сила: «Язык, по самой природе своей, есть орудие общения. Литература — расцвет языка, его наибольшая полнота — есть великое общественное дело» (В. Г. Короленко, 1904 г.) [1, Т. 3, с. 654]. Можно сделать вывод о том, что, согласно взглядам писателей, литература должна была синтезировать через язык богатство народного духа и образованность дворянского сословия, сыграв объединяющую роль в русском обществе.

Только со второй половины XIX века начала зарождаться диалектология как научная дисциплина. М. Горький говорит об этих территориальных различиях в 1930 году в «Письмах начинающим литераторам»: «У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои “говора”, свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски» [1, Т. 4, с. 200]. Это осознание территориальных различий пришло позже. Раньше были социальные.

После 1917 года произошла смена в восприятии языка: если писатели XIX века обращались как к образцу к языку народа, то в XX веке язык самих классиков литературы стал образцом. Уже в 1900 году М. Горький писал: «как стилист Чехов недосыгаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов» [1, Т. 4, с. 191]. После революции осмысление языка стало частью нового дискурса, порожденного молодым советским государством: «Необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама, борьба за простоту и ясность нашего языка, за честную технику, без которой невозможна чёткая идеология» (М. Горький, из «Открытого письма А. С. Серафимовичу», 1934 г.) [1, Т. 4, с. 208]. Язык рассматривался в дискурсе преобразования как явление, требующее улучшения и обновления.

Относительность восприятия сложных явлений, обусловленная временем и пространством, касается и языка. В рамках методологии когнитивной лингвистики важная мысль сформулирована А. В. Кравченко: «Пишущий не взаимодействует с другим; он вступает в диалог со своим собственным “Я” как когнитивной структурой, сформировавшейся в ходе всей истории его индивидуального развития как живой системы» [3]. «Читающий, воспринимая созданный другим текст, взаимодействует не с автором текста, но со своим когнитивным “Я”, структура которого не идентична когнитивной структуре “Я” автора текста» [3, с. 24]. Рефлексирующий человек исходит из окружающего контекста и собственной жизнен-

ной перспективы, он может вкладывать иной смысл даже в хорошо известные слова. На общественном уровне это проявляется в упущении того факта, что восприятие и оценки неких константных вещей могут сильно трансформироваться в череде поколений. Зачастую имеет место проекция современного видения на исторический материал, что неизбежно ведет к искажению выводов и противоречит научной объективности.

Заключение. Размышления русских писателей о языке, зафиксированные в документах, обнаруживают несколько ключевых вопросов (хотя их список не является окончательным), которые продолжают оставаться актуальными для современного общества, при этом получая разное развитие. Соотношение мысли и языка изучается в психологии и когнитивной лингвистике, становится объектом научных дисциплин. Дискуссия об уместности заимствований в русском языке более не является частью публичных прений. Вопрос о природе народности коренится в культурологии и философии.

Следует отметить принципиальные различия в оценке языка в ретроспективе. Рефлексия над языком русских писателей XIX — первой половины XX века была обусловлена становлением русского литературного языка и качественными различиями в русском языке, сформировавшимися в результате сословного разделения русского общества. Для писателей-классиков народный язык являлся подлинной ценностью. Этот комплекс мировоззренческих отличий и быта, нашедших воплощение в языке необразованных сословий, писатели определяли как «народность».

Анализируемый материал показывает, как смена государственного и социального устройства повлияла на трансформацию взглядов писателей. В эпоху отсутствия всеобщего обязательного образования понятие о литературной норме связывалось не с толковым словарем, а с наследием А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, поэтому статус и роль «народных» элементов оценивался писателями не как отклонение от литературной нормы, а как погружение в истинно народную стихию. В первой половине XX века проблема стилизации под «народный» язык была по-прежнему актуальна, но она была обусловлена формированием нового типа автора, так как класс рабочих и крестьян получил функцию производителя духовных ценностей.

Список источников

1. Русские писатели о литературном труде : в 4 т. / под общ. ред. Б. Мейлаха. Л.: Советский писатель, 1955.

2. Ирисханова О. К., Киосе М. И., Леонтьева А. В., Агафонова О. В. Полиmodalный пространственный дейксис в речи и жестах: системы координат в экспланаторном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 17–31.
3. Кравченко А. В. «Язык писателя» как семиотический конструкт // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 21–29.
4. Слово и жест : материалы науч. конф., посвящ. пам. Е. А. Гришиной (Гришинские чтения). Москва, 8 февраля 2023 г. / отв. ред. С. О. Савчук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023. 80 с.
5. Чапаева Л. Г. Славянофил и западник: два типа русского интеллигента (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2022. №. 4 (94). С. 115–121.
6. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
7. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд, перераб. и доп. М: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. 1434 с.
8. Лазарев А. И. Понятие «Народность» в свете нового мышления // Вестник Челябинского государственного университета. 1993. №. 1 (2). С. 10–20.
9. Популярная художественная энциклопедия / под ред. В. М. Полевого. М.: Советская энциклопедия, 1986. 447 с.
10. Крестьянство и крестьянское хозяйство в первой половине XIX века. URL: https://ido.tsu.ru/other_res/hischool/soslov/tema3.htm (дата обращения: 29.07.2023).
11. Рымарь С. В. Русская народность // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №. 33 (287). С. 19–26.
12. Целищев Н. Н. Классики русской литературы о русском языке // АОН. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassiki-russkoj-literatury-o-russkom-yazyke> (дата обращения: 11.07.2023).
13. Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 114–143.
14. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / [соч.] Владимира Даля; под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1903–1911. Т. 1–4.

References

1. *Russkie pisateli o literaturnom trude* [Russian writers about literary labor]. Edited by B. Meylakh. In 4 Vol. Leningrad: Sovetskiypisatel', 1955. (In Russ.)
2. Iriskhanova O. K., Kiose M. I., Leont'eva A. V., Agafonova O. V. Polymodal spatial deixis in speech and gesture: coordinate systems in explanatory discourse. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2022. No 4. Pp. 17–31. (In Russ.)

3. Kravchenko A. V. The language of the writer” as a semiotic construct. *Aktual'nye problem filologii pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2014. No 16. Pp. 21–29. (In Russ.)

4. *Slovo I zhest. Nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati E. A. Grishinoy («Grishinskiyechteniya»)*. Moskva, 8.02.2023. *Materialy konferentsii. / Otv. red. S. O. Savchuk*. [Word and gesture. Scientific conference dedicated to the memory of E.A. Grishina (“Grishin Readings”). Moscow, 02.08.2023. Proceedings of the Conference/ Ch.ed. S. O. Savchuk]. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2023. 80 p. (In Russ.)

5. Chapaeva L. G. Slavophile and Westerner: two types of Russian intellectual (linguistic aspect). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2022. No 4 (94). Pp. 115–121. (In Russ.)

6. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by D. N. Ushakova. In 4 Vol. Moscow: OGIZ.1935–1940. (In Russ.)

7. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Large Encyclopedic Dictionary]. Ch. ed. A. M. Prokhorov. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; St. Petersburg: Norint, 2000. 1434 p. (In Russ.)

8. Lazarev A. I. The concept of ‘Nationality’ in the light of new thinking. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 1993. No 1 (2). Pp. 10–20. (In Russ.)

9. *Populyarnaya khudozhestvennaya entsiklopediya* [Popular Art Encyclopedia]. Ed. by V. M. Polevogo. Moscow: Izdatel'stvo «Sovetskaya entsiklopediya», 1986. 447 p. (In Russ.)

10. *Krest'yanstvo i krest'yanskoek hozyaystvo v pervoy polovine XIX veka* [Peasantry and peasant economy in the first half of the 19th century]. Available at: https://ido.tsu.ru/other_res/hischool/soslov/tema3.htm (accessed: 29.07.2023). (In Russ.)

11. Rymar' S. V. Russian nationality. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2012. No 33 (287). Pp. 19–26. (In Russ.)

12. Tselishchev N. N. Classics of Russian literature about the Russian language. *AON*. 2014. No 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassiki-russkoy-literatury-o-russkom-yazyke> (accessed: 11.07.2023). (In Russ.)

13. Birzhakova E. E. *Russkayaleksikografiya XVIII veka* [Russian lexicography of the XVIII century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. Pp. 114–143. (In Russ.)

14. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] : [v 4 t.] / [essays] Vladimira Dalya. Ed. by Prof. I.A. Boduena-de-Kurtene. St. Petersburg; Moscow: t-vo M. O. Vol'f, 1903–1911. Vol. 1–4. (In Russ.)

Сведения об авторе

Маслова Жанна Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения Александра I (190031, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., д. 9)

Information about the author

Zhanna N. Maslova, Doctor of Philology, Professor, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (9, Moskovsky pr., St. Petersburg, 190031, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	01.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	11.03.2024

Научная статья / Article

УДК 008: 395.3

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-53>

В тени гения: шаляпинский повар Н. Н. Хвостов

Елена Людвиговна Яковлева

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
Казань, Россия

mifoigra@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

Аннотация. *Гений в своем бытии нестабильны. Они нуждаются в поддержке, которую ему оказывают люди из окружения. Как правило, эти люди остаются в тени творца и их заслуги не учитываются. Но без помощи маленьких людей гений не смог бы состояться. Статья посвящена личности шаляпинского повара Николая Николаевича Хвостова (1895–1969), впервые попавшего в оптику научного анализа. Показана актуальность исследований жизни людей, находящихся в тени гения и поддерживающих его в экзистенциальном опыте и творческих исканиях. Биографии маленьких людей, состоящих на службе у художника, раскрывают их незаметный, но ощутимый вклад в творчество гения и мировую культуру в целом. Исходя из особенностей характера Ф. И. Шаляпина воспроизводится реконструкция его коммуникации с подчиненным и осуществляется ее анализ. Основное внимание уделяется специфике кулинарного искусства повара Н. Н. Хвостова, которое повлияло на характер его взаимоотношений с Федором Ивановичем Шаляпиным. Выявлены особые черты соответствия мужчин друг другу, что относится к числу сильных сторон коммуницирования с артистом как человеком порывистым и эмоционально неустойчивым. Н. Н. Хвостов обладал не только лучшими профессиональными качествами, связанными с приготовлением блюд и умением угодить гастрономическим пристрастиям знаменитого баса, но и чуткой натурой, благодаря чему мгновенно улавливал шаляпинские настроения и их изменения. Николай Николаевич отно-*

сил ся к числу немногих людей в окружении певца, кто хорошо знал сложный характер Федора Ивановича, терпел его капризы и своенравность, способен был умирять взрывной темперамент артиста. Результаты представленного анализа расширяют научные разработки в области исследований феномена гениальности. Намечена перспектива изучения жизни людей из окружения Шаляпина, вносящих неоценимый вклад в его творчество.

Ключевые слова: Николай Николаевич Хвостов, Федор Иванович Шаляпин, «История на вкус: кулинарная тетрадь личного повара Ф. И. Шаляпина», маленький человек, шаляпинский повар, кулинарное искусство, театральность натуры

Для цитирования: Яковлева Е. Л. В тени гения: шаляпинский повар Н. Н. Хвостов // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 53–66. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-53>

In the Shadow of Genius: Chaliapin's Cook N. N. Khvostov

Elena L. Iakovleva

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia
mifoigra@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

Abstract. *Genius is unstable in its being. He needs the support that people around him give him. As a rule, these people remain in the shadow of the creator, and their merits are not taken into account. But without the help of little people, the genius couldn't have happened. The article is devoted to the personality of the Chaliapin's cook Nikolai Nikolaevich Khvostov (1895–1969), who entered the optics of the scientific analysis for the first time. The relevance of the research of the lives of people who are in the shadow of genius and support him in his existential experience and creative pursuits is shown. The biographies of the little people who are in the service of the artist reveal their inconspicuous but tangible contribution to the work of the genius and world culture as a whole. Based on the characteristics of F. I. Chaliapin's character, the reconstruction of his communication with a subordinate is reproduced and its analysis is carried out. The main attention is paid to the specifics of N. N. Khvostov's culinary art as a cook, which influenced the nature of his relationship with Fyodor Ivanovich Chaliapin. The special features of the men's correspondence with each other were revealed, which is one of the strengths of communicating with the bass, characterized as an impetuous and emotionally unstable person. N. N. Khvostov possessed not only the best professional qualities related to cooking and the ability to please the gastronomic preferences of the bass, but also a sensitive nature, thanks to which he instantly caught Chaliapin's moods and their changes. Nikolai Nikolaevich was one of the few people surrounding the bass who knew Fyodor Ivanovich's complex character well, tolerated his whims and waywardness, and was able to pacify the explosive temperament of the artist. The results of the presented analysis expand scientific developments in the field of the research on the phenomenon of genius. The perspective of studying the lives of*

people from the artist's environment, who make an invaluable contribution to his work, is outlined.

Keywords: *Nikolay Nikolaevich Khvostov, Fyodor Ivanovich Chaliapin, "History to taste: culinary notebook of F. I. Chaliapin's personal chef", a little man, Chaliapin's cook, culinary art, theatricality of nature*

For citation: Iakovleva E. L. In the Shadow of Genius: Chaliapin's cook N. N. Khvostov. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 2: 53–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-53>

Введение. Каждый гений — натура колоритная, яркая, противоречивая и даже патологическая. Довольно часто творец опережает время и не вписывается в рамки культурно-исторической эпохи, что делает его непонятым и одиноким, нуждающимся в поддержке и одобрении, которые он может найти в семье, у друзей, подчиненных или поклонников. За спиной творца стоят люди, подбадривающие его в периоды исканий / сомнений / провалов / истерик / депрессий. Нередко такие незаметные люди выполняют колоссальные функции: от них зависит эмоциональное состояние и творческий процесс художника. Но их вклад в формирование / становление / поддержание незаурядной личности и ее творчество остается вне оптики научного интереса. Перечисленное заставляет обратить внимание на маленького человека, находящегося в тени гения (и часто имеющего невысокое социальное положение).

Методы исследования. Тема маленького человека активно рассматривается в контексте литературы, где его художественный образ представлен писателями разных эпох (вспомним произведения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Ф. К. Сологуба, М. М. Зощенко, В. С. Высоцкого и др.). Но проблема реальных маленьких людей, входящих в окружение гения и помогающих ему, остается вне научного дискурса.

В статье объектом исследования впервые избран повар Ф. И. Шаляпина — Николай Николаевич Хвостов (1895–1969). Благодаря его книге «История на вкус: кулинарная тетрадь личного повара Ф. И. Шаляпина» [1] сегодня мы знаем имя человека, работавшего у баса и удовлетворявшего его гастрономические предпочтения. Методом исследования избран аналитический. Исходя из мемуарной прозы, воспоминаний и писем Федора Ивановича Шаляпина, биографических исследований, посвященных певцу, небольших заметок, связанных с именем Н. Н. Хвостова, и обзора А. Гримо де ла Реньером качеств повара, готовящего для гурманов, осуществляет-

ся реконструкция взаимоотношений между мужчинами и устанавливается их значение для творчества артиста.

Результаты исследования и их обсуждение. На протяжении небольшого промежутка времени шаляпинским поваром числился Николай Николаевич Хвостов. О нем до нас дошли следующие сведения. Он был сыном повара. Когда ему исполнилось девять лет, отец отдал мальчика в качестве ученика в знаменитый французский ресторан «Кюба» (первоначальное название Restaurant de Paris / Café de Paris), который располагался в Петербурге на углу Большой Морской улицы, д. 16 и Кирпичного переулка, д. 8. Этот двухэтажный ресторан, получивший имя в честь легендарного французского владельца и шеф-повара Жана-Пьера Кюба, был любимым местом аристократии, членов царской фамилии, гурманов, золотой молодежи, богемы и интеллигенции. Составляющими его успеха были потрясающая кухня, первоклассное обслуживание, знаменитые гости.

Чтобы поддерживать блестящую репутацию заведения, от сотрудников ресторана «Кюба» требовались высокий профессионализм, трудолюбие, добросовестность в работе. Перечисленные качества были сформированы у Николая Николаевича Хвостова. Он довольно быстро овладел поварским искусством и его основными секретами, чем заслужил хорошую репутацию. По рекомендации шеф-повара ресторана «Регина», в котором нередко ужинал Шаляпин, Николай Николаевич появился в доме Ф. И. Шаляпина в сентябре 1915 года. Среди требований певца к повару было умение готовить разнообразные блюда из русской и европейской кухни. После приготовления пробного обеда молодой человек оказался на работе в шаляпинском доме, где проработал до августа 1923 года.

Хвостов был предан семье великого баса. Он знал вкусы и гастрономические привычки Шаляпина и его домочадцев. В тяжелые годы революционных потрясений и Гражданской войны повар остался с семьей артиста, добывая тайком от хозяина дрова для растопки печи (в том числе разбирая на ближайших улицах Петрограда деревянные торцовые мостовые).

Федор Иванович высоко ценил и уважал мастерство, честность и добросовестность своего кулинара. Артист настолько привязался к Николаю Николаевичу, что переквалифицировал повара в костюмера. Хвостов вместе с Федором Ивановичем начал ездить на гастроли. В первые годы гастролей за рубежом Николаша, как его называл бас, не только помогал артисту в гримерке, но и готовил обе-

ды для него и друзей. В обязанности Хвостова также входило слушание рассказов Шаляпина, удовлетворение его капризов, выдерживание истерик, игра в карты. Повар знал — «выигрывать нельзя — и нежно оберегал его расположение духа» [2, с. 418]. Но впоследствии пути Федора Ивановича и Николая Николаевича разошлись. Дело в том, что в шаляпинском доме повар встретил свою судьбу — горничную Пелагею Ивановну Виноградову. С ней он прожил в браке до своей смерти более пятидесяти лет. Именно из-за любви к жене и дочери, разлука с которыми была невыносима для Николая Николаевича, он прекратил в 1923 году сотрудничество с Шаляпиным, гастролировавшим в Европе и Америке и уже больше не вернувшимся в Россию. Расставание баса и Хвостова было вынужденным: при других обстоятельствах они бы продолжили совместное сотрудничество. Получив письменные рекомендации от Шаляпина, Хвостов вернулся в Петроград и начал работать поваром сначала в служебной столовой консерватории, а позже — в ресторане «Центральный» в ЦПКиО им. Кирова. В годы Великой Отечественной войны он кормил бойцов Ленинградского фронта, получив боевые награды.

Подчеркнем, что Шаляпин никогда не забывал своего повара, при возможности посылая ему деньги и письма: «...я снова скажу тебе, что тебя я люблю и очень уважаю твою честность, а также и преданность мне, да и твою Полю люблю и уважаю не меньше, чем тебя... до сих пор держу в голове мысль, как бы тебе помочь так, чтобы ты встал на ноги...» [3, с. 455].

Приведенные факты из биографии Н. Н. Хвостова свидетельствуют о том, что повар оказался созвучным сложной натуре русского баса и умел находить к нему индивидуальный подход. Не только приготовленными блюдами, но и своими личными качествами Николай Николаевич мог усмирить мятущуюся душу артиста, который был конфликтен и нестабилен в своих эмоциональных проявлениях. Шаляпинская личность «подавляла, вызывала и преклонение, и страх — он каждую минуту мог вскипеть, рассердиться, и никогда нельзя было заранее предугадать его реакцию» [4, с. 92]. Бас обладал ужасающей нервозностью: «нелегко было угождать его капризам и настроению, менявшемуся, как... северная погода» [4, с. 249]. Подобным образом Федор Иванович проявлял себя в кругу семьи, друзей и коллег. В день концерта или спектакля Федор Иванович был нервен, не уверен в себе, устраивая скандалы домочадцам. Его дети называли самым страшным днем день перед выступлением: все ходили на цыпочках,

разговаривали шепотом и избегали встреч с отцом. «Момент жуткого рубежа между реальностью и фантазией — момент выхода на подмости — был для него желанен и ужасен» [2, с. 321].

Федора Ивановича можно отнести к числу трудных партнеров. Сформировав концепцию образа и спектакля, он сопротивлялся тому, чтобы быть подчиненным. В своей книге «Маска и душа» он признавался: «если бы дирижер действительно пожелал меня куда-нибудь вести за собою, я бы, пожалуй, за ним пошел, если бы только он меня убедил в своей правоте» [5, с. 279]. Повышенная требовательность к работе и ее качеству рождала почву для конфликтов. Артист был нетерпим к недобросовестной работе на сцене. Его раздражала в партнерах поверхностность игры, отчужденность от театрального действия. Шаляпин был резок по отношению к артистам, неспособным глубоко переживать на сцене и рефлексировать над играемым. О Шаляпине можно сказать, что он относился «к тому типу людей и той небольшой части поколения конца XIX и начала XX века, в которой достиг необычайной остроты и напряженности конфликт личности, неповторимой индивидуальности с общим и родовым» [6, с. 490].

Если перенести данные сведения о Шаляпине на его взаимоотношения с личным поваром и вспомнить о трепетности чувств баса к Николаю Николаевичу, то можно выстроить следующую картину их взаимоотношений.

Шаляпинский повар относился к числу людей, интуитивно чувствующих настроение хозяина и способных коммуницировать с ним. Наблюдательность, чутье и покладистость делали повара удобным человеком, с которым Федор Иванович мог разделить радости и печали как дома, так и во время гастролей. Николай Николаевич виртуозно подстраивался под Шаляпина, ситуативно меняя тактику общения с ним. Предугадывая постоянно меняющиеся эмоции Федора Ивановича, Хвостов угождал ему приготовленными блюдами и своей настроенностью на разговоры / уговоры, что смягчало нрав баса, с удовольствием вкушающего любимое им.

Встает вопрос: какие качества в поваре оказались привлекательными для баса и содействовали их сотрудничеству? Как и Федора Ивановича, Н. Н. Хвостова можно назвать человеком искусства, но особого — кулинарного. Оно тесными узами связано «почти со всеми отраслями человеческого знания»: «химия, живопись, скульптура, архитектура, геометрия, физика, пиротехника — все они в той или иной степени сродни великому искусству приготовления

и подачи блюд, и тот мастер, который с глубокими познаниями в этой последней области соединит познания, почерпнутые из всех названных наук, не столь глубокие, но... разнообразные, будет обладать немалыми преимуществами перед своими собратьями» [7, с. 389]. Кулинарное искусство, постоянно развивающееся и не стоящее на месте, требует от повара следования тенденциям времени, осуществления творческих поисков, умения импровизировать с ингредиентами и рецептами, наличия дара театрально преподнести приготовленное. Данные качества, присущие Н. Н. Хвостову, проявлял на оперной/концертной сцене и Ф. И. Шаляпин.

Чтобы блюдо стало шедевром кулинарного искусства и удовлетворило по своим внешним и вкусовым качествам капризного хозяина, повар должен к своим теоретическим знаниям подключить интуицию, практические навыки и умения, оттачивая их до виртуозного владения. В процессе готовки кулинар многократно дегустирует блюда, учитывая их специфику, температурный режим, жирность и определяя разные фазы готовности (например, процесс заправки, смешения, добавления специй). Чтобы при многократных пробах пищи не потерять вкусовое восприятие, повар снимает периодически пробу с разных блюд. Как отметил А. Гримо де ла Реньер, «нёбо повара должно обладать чрезвычайной чувствительностью и... совершенной невинностью, в противном случае он рискует не заметить собственные недочеты» [7, с. 380].

Важным для повара является обоняние, позволяющее по запаху понять качество пищи и продуктов питания, их свежесть и доброкачественность. Нюхая продукты, повар определяет их годность для процесса приготовления. Талантливый повар благодаря многолетней тренировке обладает уникальным даром — по запаху блюда перечислить состав его ингредиентов.

Еще одним значимым инструментом повара можно назвать осязание. Кончиками пальцев рук он проверяет сырые продукты, губами, языком и нёбом — готовое блюдо. «Указательный палец хорошего повара обязан постоянно двигаться от кастрюли ко рту», что помогает определить состояние приготавливаемого блюда и необходимость внесения в него добавок [7, с. 380]. Зрение и слух косвенно помогают определить качество пищи. Как отмечает А. Гримо де ла Реньер, «повар обязан без устали изострить все свои чувства и упражнять все свои члены»: «надобно иметь тонкий нюх, острый слух и чуткие пальцы, иначе невозможно проверить, хорошо ли

мясо, остры ли приправы, готово ли жаркое, сварились ли овощи и подошло ли тесто» [7, с. 503].

Перечисленные индивидуальные инструменты кулинара связаны с его здоровьем. Оно должно быть безупречным. Даже простуда способна вывести из строя повара. Занятие кулинарным искусством заставляет отказаться от пагубных привычек, в том числе курения и алкоголя, способных нарушить обоняние и вкусовые восприятия.

Обратим внимание еще на одно качество кулинара: он должен чувствовать время приготовления блюд. Как подчеркивает А. Гримо де ла Реньер, «в кухне всему голова — маятник стенных часов»: «мастер поварского искусства знает с точностью до минуты», сколько готовится то или иное блюдо [7, с. 526]. Оно должно быть полностью приготовлено ко времени его подачи на стол. Любая задержка пагубно сказывается и на вкусовых качествах блюда, и на его внешнем виде. Неслучайно «часы, кухня и стол связаны узами нерасторжимыми» [7, с. 527]. Всеми перечисленными качествами и умениями обладал Н.Н. Хвостов, что сделало его профессионалом высочайшего уровня.

На Николае Николаевиче лежала ответственность за шаляпинскую (повседневную / праздничную) трапезу, приготовленную не только вкусно и качественно, но и вовремя. Понимая, что подогретый обед никуда не годится, шаляпинский повар каждый день творчески подходил к составлению меню и комбинации продуктов в блюде. Он следовал чувству меры (подобному гармонии в музыке) и пониманию, что в приготовлении блюд «как промедление, так и спешка... губительны» [7, с. 316]. Кулинар мог виртуозно подавать одно блюдо за другим на стол, и при этом каждое из них соответствовало технологии приготовления, было правильным по температурному режиму (горячим, теплым, холодным) и доведено до готовности. Появлявшиеся за столом блюда должны были вызывать аппетит артиста и вкушающих вместе с ним.

Как художнику кулинару присуще воображение. Плодом воображения повара можно назвать содержимое кастрюль, изобретение рецептов, эстетически оформленное блюдо и накрытый стол. При этом Н. Н. Хвостов, нередко используя один и тот же набор ингредиентов, создавал из них вариации блюд, подвергая различной технологии обработки, меняя сочетания продуктов, заливая их различными соусами, о чем говорит его эго-документ — книга рецептов [8].

Отметим, что не всегда результат удовлетворял как самого повара, так и вкушающих. Подобно миру искусства, «кулинарная прак-

тика сопровождается столькими разочарованиями, неудовольствиями, даже опасностями, что тех, кто решается посвятить ей свою жизнь, следует вознаграждать заботой, уважением, даже прославлением» [7, с. 379]. Сам повар довольно редко наслаждался созданным для других. Он оказывался человеком незаменимым, но незаметным. Восхищение трапезой и приготовленными блюдами выражалось чаще хозяину, а не повару, проявившему усердие, фантазию, честность, бескорыстность, кротость, воспитанность, образованность, культуру, опрятность, чистоплотность, «ум спокойный, наблюдательный и глубокий, умеренность, бдительность, твердость, терпеливость, сдержанность, скромность, трудолюбие, преданность хозяевам» [7, с. 504]. Обладание перечисленными качествами вызывало уважение к Николаю Николаевичу со стороны Ф. И. Шаляпина, любившего профессиональный и качественный подход в любой деятельности.

Николай Николаевич был виртуозом своего дела, готовя еду и создавая кулинарные шедевры не только для членов многочисленной семьи баса, но и для его гостей. Как известно, Федор Иванович обладал широтой русской души, и в его гостеприимном доме всегда были люди. Праздничная шаляпинская трапеза — дело нештучное. Необходимо было угодить и хозяину, и всем пришедшим к нему, сделав каждого присутствующего удовлетворенным встречей за столом. Для застолий Николай Николаевич трудился не покладая рук. Каждое застолье имело собственное меню с несколькими переменами блюд. Вся нагрузка по их приготовлению ложилась на плечи Николая Николаевича, который одновременно на кухне делал несколько важных дел: приглядывал за многочисленными кастрюлями, жарочным шкафом и холодильником, занимался шинкованием и нарезкой продуктов, сервировкой и украшением блюд. При этом опытность повара проявлялась в том, чтобы накормленные им люди при очередной подаче блюд хотели вновь вкушать. И «если ему это удастся, он празднует настоящую победу» [7, с. 296].

Великолепно понимая, что еда — одно из удовольствий жизни, Хвостов создавал блюда и дарил радость вкушения своему хозяину и его окружению. Кулинар создавал особое гастрономическое пространство, способное увлечь вкушающего и забыть (на время) об окружающем мире, его невзгодах и конфликтах. От интуиции и мастерства, умений и навыков повара зависело качество блюда. Изумительное по своим вкусовым качествам блюдо заставляло сосредоточить внимание едока на тарелке. Николай Николаевич как профес-

сионал своего дела понимал: «еда как раздражитель задействует все пять органов чувств личности», а «правильно накрытый стол, уставленный многочисленными блюдами, рождает особую атмосферу, приятно воздействуя на зрение, слух, обоняние и вкус личности» [9].

Силою своего «поварского гения растительным припасам он сообщал вкус острый и пряный» [7, с. 296], а накрытый им стол являл изящество и роскошь, поражая взор. В этом обнаруживает себя театральность натуры повара Н. Н. Хвостова, которая была присуща и Шаляпину. Другое дело, что у баса она была ярко выраженной, демонстрируемой публике на сцене или в кругу родственников и друзей. Театральность повара оказывается вуалируемой: ее не подразумевают и о ней даже не задумываются окружающие люди. Но накрытый стол со множеством эстетически оформленных блюд, обладающих неповторимым ароматом и вкусом, и сидящие за столом люди, восторгающиеся поданным, есть ничто иное как гастрономический модус театральности, где стол выступает в качестве сцены, блюда — в качестве актеров, а вкушающие — в качестве зрителей интерактивного спектакля. Подобный кулинарный спектакль режиссирует повар посредством своих знаний, умений, навыков, вкуса, любви к ремеслу и благожелательности к вкушающим. Н. Н. Хвостов театрально позиционировал хозяев и их дом богато накрытым столом, выступающим подобием сцены. Как подчеркнул А. Гримо де ла Реньер, «столовая — место, где создаются репутации; столовая — театр, на котором невозможно провалиться» [7, с. 285].

Свое кулинарное мастерство Николай Николаевич зафиксировал в книге «История на вкус: кулинарная тетрадь личного повара Ф. И. Шаляпина» [1]. В этом отношении повар поступил подобно своему хозяину, продемонстрировав зеркальность отношений. Идея составить сборник рецептов появилась у Н. Н. Хвостова в 1916 году в Крыму, когда Шаляпин работал с М. Горьким и стенографисткой Е. П. Сильверсван над своей автобиографией. Николай Николаевич, пытаясь накормить многочисленных членов семьи и гостей, решил упорядочить свою деятельность посредством фиксации любимых рецептов шаляпинской семьи. Пребывание в Форосе было плодотворным и для великого баса, и для его повара. Один написал книгу «Страницы из моей жизни», а другой создал тетрадь кулинарных рецептов.

Обратим внимание еще на один нюанс созвучности Ф. И. Шаляпина и Н. Н. Хвостова. Бас отличался любовью к деталям, позволявшим создать концептуальный и законченный оперный и концертный образ. Подобная любовь и внимание к деталям обнаружива-

ется и у Николая Николаевича Хвостова. Судя по оставленным рецептам, он в каждом блюде делал акцент на основном компоненте, расцвечивая его палитрой вкусов, и не забывал о заключительном штрихе. Детализированная проработанность каждого блюда делала его неповторимым и ярким. Например, к числу последних штрихов каждого хвостовского блюда можно отнести соус [8]. Он оказывается последним мазком кисти на полотне (А. Гримо де ла Реньер). Соус не только влиял на внешний вид блюда, но и на его вкусовые качества. В рецептурной тетради Николая Николаевича обнаруживается большое количество соусов, потому что он ими заправлял салаты, горячие закуски, блюда из яиц, рыбные и мясные блюда, десерты и выпечку. При этом соус, нанесенный в качестве узора-орнамента, играл роль эстетического жеста и ставил заключительную точку в приготовлении блюда [8].

Анализ рецептов позволяет говорить, что повар Н. Н. Хвостов учитывал и состояние здоровья хозяина. Несмотря на богатырскую внешность, певец был подвержен множеству заболеваний. Помимо болезней верхних дыхательных путей (ларингитов, синуситов, тонзиллофарингитов) у баса в 1909 году диагностировали сахарный диабет, в 1911 году «появляются симптомы со стороны опорно-двигательного аппарата», а «в 1913 г. у певца стали появляться интенсивные боли в области сердца» [10]. Список заболеваний требовал от певца дисциплины и самоконтроля, касающихся в том числе и рациона питания. Не стоит забывать и о психическом состоянии артиста, слывшим нервным и раздражительным. Учитывая данные обстоятельства, шаляпинский повар в рацион питания баса включал ингредиенты, относящиеся к числу диетических, поддерживающих иммунитет организма, функционирование сердечно-сосудистой и нервной системы, регулирующих уровень сахара в крови и нормализующих пищеварение. Данный факт свидетельствует о проявлении заботы и уважения по отношению к своему хозяину со стороны повара.

Заключение. Шаляпинского повара Николая Николаевича Хвостова можно отнести к числу маленьких людей, необходимых гению в повседневности. Несмотря на разные социальные позиции (оперный певец мирового уровня¹ — повар певца), Хвостов был для Федора Ивановича значимым человеком, которому бас свободно рассказывал о проблемах экзистенциального опыта и неудачах в твор-

¹ Отметим, по паспорту Ф. И. Шаляпин до конца жизни значился в качестве крестьянина Вятской губернии и принадлежал к податному сословию.

честве, демонстрировал свои эмоции и чувства. Н. Н. Хвостов привлекал артиста своими человеческими и профессиональными качествами. Он был знатоком психологии людей и искусным виртуозом кулинарного дела. Н. Н. Хвостова можно назвать главным действующим лицом, находящимся в тени хозяина дома во время повседневных / праздничных трапез. Именно повар и его мастерство определяли настроение баса (и вкушающих вместе с ним), а приготовленные блюда задавали основной тон трапезе и сопровождающим ее беседам. Н. Н. Хвостова можно назвать покладистым исполнителем капризов своего хозяина, мгновенно реагирующим на его настроения. Взаимодействуя с Федором Ивановичем, повар проявлял интуицию, чуткость и наблюдательность. Он знал иерархичность их отношений и хорошо разбирался в особенностях психики хозяина, ментально распознавая его настроения и ситуативно подстраиваясь под него. Общение баса с поваром было доверительным и многогранным. Оно касалось не только меню, но и творчества, экзистенциального опыта, о чем говорят совместные гастрольные поездки и работа Н. Н. Хвостова в качестве костюмера. Успокаивая артиста в минуты его сомнений, волнений и / или провалов, сочувствуя и сопереживая, Николай Николаевич буквально управлял шаляпинскими чувствами и эмоциями, перенаправляя их в позитивное русло. Предпринимая тактики гармонизации внутреннего мира артиста, Николай Николаевич оказывал ему (вербально, эмоционально, посредством приготовленной еды) психологическую помощь, снимая напряжение. Сопереживая Федору Ивановичу, Хвостов позволял ему освободиться от негативных эмоций, высказаться о наблевшем и, возможно, найти искомую деталь для творческого процесса. При взаимодействии с Шаляпиным Николай Николаевич демонстрировал свой голос — голос маленького человека, проявляющийся не только во взглядах на жизнь и попытках помочь хозяину выйти из конфликтных ситуаций, но и в приготовленных блюдах.

Взаимоотношения повара и баса были обоюдными. Федор Иванович ценил своего повара как личность. Исполнительность, чистоплотность, честность, безропотность, покладистость Николая Николаевича были приятны и симпатичны хозяину, испытывающему психологическую зависимость от него. Артист настолько привязался к Хвостову, что брал его в свои гастрольные туры. Созвучность повара Федору Ивановичу Шаляпину проявлялась в театральности природы и возведении приготовления блюд в особое кулинарное искусство, что гармонизировало беспокойную натуру баса. Вкушение

блюдо доставляло Ф. И. Шаляпину радость и стимулировало творческий процесс.

Проведенный анализ позволяет заключить следующее. Маленький человек, находящийся на службе гения, вносит незаметный вклад, имеющий колоссальное значение для культуры. Он создает благоприятные пространства для жизни и творчества художника, что заставляет исследовать судьбы людей, подобных Н. Н. Хвостову.

Список источников

1. История на вкус: кулинарная тетрадь личного повара Ф. И. Шаляпина. СПб.: ОПЕРАНТ, 2018. 352 с.
2. Дмитриевский В. Шаляпин. М.: Молодая гвардия, 2014. 543 с.
3. Федор Иванович Шаляпин. Т. 1. Литературное наследство. Письма. М.: Искусство, 1976. 760 с.
4. Федор Иванович Шаляпин. Т. 2. Воспоминания о Ф. И. Шаляпине. М.: Искусство, 1977. 600 с.
5. Шаляпин Ф. И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах // Шаляпин Ф. И. Страницы из моей жизни. Маска и душа. М.: Кн. палата, 1990. С. 222–431.
6. Бердяев Н. Самопознание. М.: Эксмо, 2021. 544 с.
7. Гримо де ла Реньер А. Альманах гурманов. М.: НЛЮ, 2014. 640 с.
8. Яковлева Е. Л. Книга рецептов Н. Н. Хвостова как эго-документ // Культура и текст. 2023. № 3 (54). С. 106–121. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54810260> (дата обращения: 21.12.2023).
9. Яковлева Е. Л., Юсупова Г. В., Матвеева Е. Л. Сюрреальные нити судьбы: Сальвадор Дали, Галя и Казань. Казань: Познание, 2022. 224 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49327269> (дата обращения: 21.12.2023).
10. Дворецкий Л. И. «Достиг я высшей власти...»: О болезни и смерти Ф. И. Шаляпина // Клинический разбор в общей медицине. 2020. № 3. С. 6–22. DOI: 10.47407/kr2020.1.3.00019. URL: http://klin-razbor.ru/archive/2020/dostig-ya-vysshey-vlasti-o-bolezni-i-smerti-f-i-shalyapina_5961/ (дата обращения: 21.12.2023).

References

1. *Istoriya na vkus: kulinar'naya tetrad' lichnogo povara F. I. Shalyapina* [History for taste: the culinary notebook of the personal chef F. I. Chaliapin]. St. Petersburg: OPERANT, 2018. 352p. (In Russ.)
2. *Dmitrievskij V. Shalyapin* [Chaliapin]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2014. 543p. (In Russ.)
3. *Fedor Ivanovich Shalyapin. T. 1. Literaturnoe nasledstvo. Pis'ma* [Fyodor Ivanovich Chaliapin. Vol. 1. Literary heritage. Letters]. Moscow: Art, 1976. 760 p. (In Russ.)

4. Fedor Ivanovich Shalyapin. T. 2. *Vospominaniya o F. I. Shalyapine* [Fyodor Ivanovich Chaliapin. Vol. 2. Memories of F. I. Chaliapin]. Moscow: Art, 1977. 600 p. (In Russ.)

5. Shalyapin F. I. Mask and soul. My forty years at the theaters. Shalyapin F. I. *Stranicy iz moej zhizni. Maska i dusha* [Pages from my life. Mask and soul]. Moscow: Book Chamber, 1990. Pp. 222–431. (In Russ.)

6. Berdyaev N. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: Eksmo, 2021. 544p. (In Russ.)

7. Grimo de la Ren'er A. *Al'manah gurmanov* [Almanac of gourmets]. Moscow: UFO, 2014. 640 p. (In Russ.)

8. Yakovleva E. L. N. N. Khvostov's recipe book as his-document. *Kul'tura i tekst* [Culture and text]. 2023. No 3 (54). Pp. 106–121. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54810260> (accessed: 21.12.2023). (In Russ.)

9. Yakovleva E. L., Yusupova G. V., Matveeva E. L. *Surreal'nye niti sud'by: Sal'vador Dali, Gala i Kazan'* [Surreal threads of fate: Salvador Dali, Gala and Kazan']. Kazan: Cognition, 2022. 224 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49327269> (accessed: 21.12.2023). (In Russ.)

10. Dvoreckij L. I. "I have reached the highest power ..." *On the illness and death of F. I. Chaliapin. Klinicheskij razbor v obshchej medicine* [Clinical analysis in general medicine]. 2020. No 3. Pp. 6–22. DOI: 10.47407/kr2020.1.3.00019. Available at: http://klin-razbor.ru/archive/2020/dostig-ya-vysshey-vlasti-o-bolezni-i-smerti-f-i-shalyapina_5961 (accessed: 21.12.2023). (In Russ.)

Сведения об авторе

Яковлева Елена Львовна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42)

Information about the author

Elena L. Iakovleva, Doctor of Philosophy Sciences, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (42, Moskovskaya St., Kazan, 420111, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	17.01.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	23.04.2024

**Материалы, публикуемые в рамках
XVI Международной научной конференции
«Семиозис и культура: стратегии
и практики межкультурного диалога»,
29–30 ноября 2023 года**

Научная статья / Article

УДК 070

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-67>

**Культурно-этнографическое своеобразие
Республики Коми в сетевом смеховом фольклоре
(на примере сообщества «Коми мемъяс»)**

Алексей Александрович Бешкарев¹,

Ольга Владимировна Пыстина²

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

¹beshi@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0002-6731-4712](http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6731-4712)

²olga-pystina@yandex.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0001-6148-5070](http://orcid.org/ORCID:0000-0001-6148-5070)

Аннотация. *Статья посвящена исследованию того, как один из самых популярных сегодня жанров интернет-коммуникации — мем — обретает оригинальные признаки в региональном медиаполе и становится важным выразителем идентичности культуры и самосознания жителей национального региона (в нашем случае — Республики Коми). Актуальность статьи определяется распространённостью интернет-мемов в виртуальной среде, а также малой степенью их изученности. Цель статьи — выявить и описать процессы, происходящие с интернет-мемом в локальном сетевом сообществе, посвященном своеобразию культуры и быта коми. Исследование показало, что интернет-мем, несмотря на свою лаконичность, ограниченность вербальных средств, жесткую структуру и обязательную иронию, способен вбирать в себя многочисленные проблемы и темы, уникальные для территории, на которой он находит свое распространение: особенности языка, климата, этнографии и культуры, общественные события. С опорой на существующие научные исследования мем рассматривается в статье как один из ведущих жанров современной сетевой коммуникации,*

© Бешкарев А. А., Пыстина О. В., 2024

который с равным правом может быть отнесен как к журналистским (в гражданском варианте этой профессии), так и к фольклорным («нетлорным») жанрам. Мем (название происходит от сокращенного тегоу — «память») — это всегда отсылка к неким понятным аудитории фактам культуры или общественной жизни, обращение к коллективной памяти. В качестве конкретного материала исследования использовался паблик «Коми мемъяс», наиболее авторитетный в республике источник мемов на местную тематику. При сплошном просмотре всех публикаций сообщества удалось выявить основные темы, интересующие анонимных авторов и подписчиков страницы. По мере убывания их можно объединить в следующие группы: 1) мемы о национальной кухне; 2) об особенностях коми языка; 3) о климате и вытекающих из него обстоятельствах жизни на Севере; 4) о персонажах коми мифов и эпосов; 5) о быте и повседневных событиях. Ироничный и метаироничный подтекст публикаций создается за счет многочисленных приемов, среди которых наиболее частые — это соединение изначально разделенных понятий: современное / архаичное или местное / глобальное. Статья может оказаться полезной как для дальнейшей разработки теории жанровой природы мема, так и для частных наблюдений над содержательной спецификой мемов в различных локальных или узкотематических комьюнити.

Ключевые слова: социальные медиа, паблик, сетевой смеховой фольклор, мем, этнокультурное своеобразие, Республика Коми

Для цитирования: Бешкарев А. А., Пыстина О. А. Культурно-этнографическое своеобразие Республики Коми в сетевом смеховом фольклоре (на примере сообщества «Коми мемъяс») // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 67–80. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-67>

The Cultural and Ethnographic Originality of the Komi Republic in the Network Humor Folklore (Using the Example of the «Komi Memyas» Community)

Alexey A. Beshkarev¹, Olga V. Pystina²

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹ beshi@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6731-4712>

² olga-pystina@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0001-6148-5070>

Abstract. The article is devoted to the study of how one of the most popular genres of Internet communication today — meme — acquires original features in the regional media field and becomes one of the important exponents of the identity of culture and self-consciousness of the inhabitants of the national region (in our case, the Komi Republic). The relevance of the article is determined by the prevalence of Internet memes in the virtual environment, as well as the low degree of their study. The purpose of the article is to analyze and describe the processes occurring with an Internet meme in a local network community dedicated to the unique-

ness of Komi culture and life. The study showed that the Internet meme, despite its conciseness, limited verbal means, rigid structure and obligatory irony, is able to absorb numerous problems and topics unique to the territory in which it finds its distribution: features of language, climate, ethnography and culture, social events. Based on existing scientific research, the article considers meme as one of the leading genres of modern network communication, which can be equally attributed to both journalistic (in the civic version of this profession) and folklore ("net-lore"). A meme (the very name of which comes from the abbreviated word "memory") is always a reference to some facts of culture or social life understandable to the audience, an appeal to its collective memory. The public "Komi memyas", the most authoritative source of memes on local topics in the republic, served as a specific research material. After a continuous review of all the publications of the community, it was possible to identify the main topics of interest of anonymous authors and subscribers of the page. As the number decreases, they can be combined into the following groups: 1) memes about the national cuisine; 2) about the peculiarities of the Komi language; 3) about the climate and the circumstances of life in the North that follow from it; 4) about the characters of Komi myths and epics; 5) about everyday life and everyday events. The ironic and meta-ironic subtext of publications is created due to numerous techniques, among which the most frequent are the combination of initially separated concepts: modern/archaic or local/global. The article may be useful both for further development of the theory of the genre nature of the meme, and for specific observations on the content of memes in various local or narrowly thematic communities.

Keywords: *social media, public, network humor folklore, meme, ethno-cultural identity, Komi Republic*

For citation: Beshkarev A. A., Pystina O. V. The Cultural and Ethnographic Originality of the Komi Republic in the Network Humor Folklore (Using the Example of the «Komi Memyas» Community). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 2: 67–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-67>

Введение. Сегодня функция информирования аудитории не только о текущих событиях, но и о культуре, фольклоре, этнографии переходит от официальных источников к гражданской журналистике: стихийному сетевому творчеству рядовых граждан. Именно в таких неофициальных источниках в наши дни зачастую складываются представления народов и национальностей о своей культурной и исторической идентичности, происходит самопрезентация перед представителями иных этнических сообществ. В связи с этим имеется необходимость в изучении культуры и этнографии региона как феномена, порожденного медиасферой.

При этом особенности отражения культуры региона в независимых местных секторах социальных сетей до сих пор мало изучены. Целью настоящей статьи является выявление тех черт культуры Республики Коми, которые становятся опорными, маркирующими уникальность этой территории в самой популярной в России социальной сети «ВКонтакте».

Несмотря на то что социальные сети не так давно вошли в жизнь интернет-пользователей, они стали неотъемлемой ее частью. При этом уже много лет социальные медиа не воспринимаются исключительно как площадка для поиска друзей, общения и развлекательного контента. Сейчас это мощный источник информации, объединяющий миллионы людей по всему миру, дающий обществу возможность самоинформирования.

Одним из популярных способов распространения контента в социальной сети «ВКонтакте» является создание тематических пабликов. Они выступают в качестве важного средства горизонтальной коммуникации в регионах.

Жанровая система пабликов, как и в целом интернет-коммуникации, отличается от характерной для традиционных медиа. Исследователи отмечают, что сегодня там идет процесс диффузии жанров, размывания границ между ними. Эти изменения связаны с появлением новых творческих приемов и методов, к которым можно отнести визуализацию, эмоционализацию, активизацию аудиторией, модификацию заголовков и текстов [1, с. 115].

Среди сообществ «ВКонтакте», посвященных значимым темам региона, в Республике Коми выделяется созданный 1 июля 2020 года паблик «Коми мемъяс», за короткое время собравший широкий круг подписчиков — порядка двенадцати тысяч. Создатели описывают свое сообщество так: «Вы попали на комиязычное и русскоязычное сообщество, созданное в юмористических целях для поднятия настроения после тяжелого дня! Удачного пребывания!»¹, таким образом делая акцент на аполитичности и развлекательности своего контента, адресованного жителям Коми, говорящим на разных языках и интересующимся культурой своего региона.

Именно это сообщество сегодня можно считать основным комьюнити, объединяющим людей, желающих обсуждать обществен-

¹ Коми мемъяс: паблик. URL: <https://vk.com/komimem> (дата обращения: 10.06.2023).

ную и культурную жизнь республики максимально неформально и без самоцензуры. Темы, освещаемые в сообществе, затрагивают различные сферы жизни Республики Коми: социальные проблемы, взаимоотношения между представителями власти и общества, особенности климата, языка и культуры. В сетевое творчество на этой площадке включены не только авторы и администраторы, но и подписчики разных возрастных групп (преимущественно молодежь), поэтому можно утверждать, что здесь стихийно складывается коллективный медийный образ региона. Юмор является главной чертой каждой публикации паблика.

В частности, «Коми мемъяс» регулярно размещает публикации об особенностях языка и этнографии коми, включая национальные образы в современный контекст, соединяя, например, персонажей народных сказок с героями аниме или популярных западных фильмов и сериалов. Подобное сочетание образов из изначально несочетаемых культурных текстов, противопоставленных по принципам архаичное/современное и местное/глобальное, создает комический эффект для подписчиков, знакомых с обоими типами противопоставленных культур. Само название паблика строится на том же принципе сочетания явного англицизма «мем» с коми суффиксом -яс, означающим множественное число существительных.

В сообществе используются разнообразные жанры: помимо фотографий с комментариями, это создаваемые автором или подписчиками мемы, комиксы и фотожабы, при этом ведущим жанром ресурса является мем, что и нашло отражение в самом названии паблика.

Теоретическая база. Мем — единица интернет-коммуникации, отражающая интернет-культуру наиболее точно. «Использование визуализированных сообщений становится неотъемлемой чертой преподнесения информации в интернет-коммуникации, облегчающей ее восприятие и обработку. В условиях, когда интернет-пользователям приходится принимать и декодировать огромное количество информации, во много раз превышающей то, что воспринимается людьми, находящимися вне Интернета, верно подобранное изображение способствует выделению той или иной новости в пространстве интересов пользователей сети» [2, с. 140]. Кроме того, в современных исследованиях отмечается, что мем является способом идентификации «свой — чужой» в культурном пространстве Интернета [3, с. 196; 4, с. 411]. Д. А. Костоглотов в своей

работе трактует коммуникацию через интернет-мемы как историческое сознание и отсылку к прошлому в повседневной жизни: «В коммуникации посредством интернет-мемов заключается реализация повседневных представлений и мыслительных структур. К этим структурам в числе прочего относится историческое сознание, под которым можно понимать все случаи присутствия прошлого в повседневной жизни» [5, с. 126]. Как утверждает Д. В. Попов, мем рождается как дополнение к уже существующей системе знаний [6, с. 68], мем не могут существовать без привязки к какому-либо культурному или историческому событию. То есть любой мем стоит понимать как культурную отсылку к какому-либо действию, значимому или не очень.

Определить понятие мема позволили исследования С. В. Канашиной [7], Ю. В. Щуриной [8] и Н. В. Часовского [9], посвященные жанровой специфике интернет-мемов. Например, С. В. Канашина дает следующее определение понятия «мем»: «в традиционном широком понимании интернет-мем — комплексный феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целостную, завершенную единицу с текстом и картинкой». Опираясь на теорию Ричарда Докинза, к интернет-мемам можно отнести любую единицу культурной информации, передающуюся от человека к человеку в интернет-среде, например шутки, видео и т. д. [10, с. 85–86]. В статье «Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг» И. В. Ксенофонтова интерпретирует мем как проявление спонтанного распространения какой-либо информации в интернете любыми доступными способами [11, с. 289]. В нашей работе мы будем придерживаться понятия «мем» как жанра сетевого фольклора, обозначающего единицу информации, передающуюся между пользователями в процессе интернет-коммуникации и обладающую особыми характеристиками.

Опираясь на труды современных исследователей, можно выделить такие особенности мемов: 1) вирусность, которая заключается в способности быстро тиражироваться в интернет-пространстве, приобретая популярность среди интернет-пользователей; 2) серийность, которую можно понимать как способность формировать серии однотипных единиц; 3) реплицируемость, которую можно рассматривать как способность репродуцироваться, т. е. воспроизводиться в Интернете; 4) эмоциональность, которая реали-

зуются в способности передавать определенные эмоции, апеллировать к ним; 5) медийность, которая воплощается в функционировании в медиапространстве, что обуславливает компьютерно-опосредованную форму интернет-мема [12, с. 75].

Результаты исследования. Нами были просмотрены все публикации сообщества «Коми мемъяс» методом сплошной выборки и большинство комментариев пользователей к ним, благодаря чему можно выделить основные содержательные и стилистические особенности отражения культуры и этнографии коми на данном ресурсе.

Тематический анализ мемов анализируемого сообщества «Коми мемъяс» позволяет разделить их следующим образом:

1. Кулинария.
2. Коми язык.
3. Климатические особенности территории.
4. Фольклорные и мифологические персонажи.
5. Социально-политические и бытовые особенности жизни и занятий жителей республики.

1. Кулинария. По нашим наблюдениям, наибольшее количество мемов на странице посвящено особенностям коми кухни. Кулинария — элементарный уровень знакомства с культурой, не требующий дополнительных познаний контекстов о языке, мифологии, литературе или политической ситуации региона, и, очевидно, именно причина общедоступности этой темы обусловила подобную популярность обсуждения темы блюд национальной кухни на странице.

Питание людей, проживающих на определенной территории, во многом является отражением их образа жизни, сложившегося под воздействием определенных климатических условий, традиционных способов добывания пропитания, доступных продуктов. Поскольку Республика Коми относится к северным регионам, где изначально сельское хозяйство было развито меньше, чем охотничьи и рыболовные промыслы или собирательство, основными национальными рецептами здесь считаются те, которые основаны на приготовлении мяса, рыбы или лесных ягод. Отсюда частое упоминание на странице «Коми мемъяс» таких национальных блюд, как черинянь («рыбный пирог»), пельмени (от коми слов «пель» — «ухо» и «нянь» — «хлеб»), каша (рок), сур (домашнее пиво), шаньга (открытый пирог из ржаной муки с картофелем или лесными ягодами).

Шаньги — блюдо коми, марийской, удмуртской и русской кухни. Образ национального блюда стал сквозным в публикациях данного паблика, что даже инициировало творческую активность подписчиков, которые стали предлагать собственные мемы про шаньги¹. Согласно сюжетам мемов, подаваемых с характерной постиронией, шаньга превращается в супероружие различных киногероев, она же залог успеха при знакомстве с противоположным полом, главный приз на конкурсах репостов и т. д. Иногда авторы даже объявляют месячные моратории на шутки о шаньгах (как, например, в ноябре 2020 и 2021 гг.), но не придерживаются их. Шаньга стала настолько частым образом, появляющимся в целом ряде мемов, что превратилась в своеобразный символ страницы, наиболее узнаваемую метафору образа жизни в Коми.

Примером может служить иллюстрация, основанная на одном из самых популярных мемов 2021 года: «Вы продаёте рыбов?» — «Нет, показываю». — «Красивое», измененная на «Вы продоёте шаньгов?»² Появившийся позже мем «Што случилася?» — «У нево был недостаток шаньгов, а ему давали ватрушков»³ также строится на использовании аграмматизма как универсального способа маркирования комического. «Универсальность приёма объясняется широким спектром смыслов, которые аграмматизм вводит в контекст: от умиляющей наивности до недостаточной осведомленности в какой-либо сфере и откровенной глупости и безынтеллектуальности говорящего» [13, с. 91]. Таким образом, аграмматизм привлекает внимание аудитории и выступает приметой смеховой природы поста.

Кроме того, на многих изображениях присутствуют продукты, производимые на современных предприятиях Сыктывкара и Республики Коми: «Додо пицца», квас Сыктывкарского пивоваренного завода, продукция региональных молочных заводов, ликероводочного завода, «Коми кола»⁴ и т. д.

¹ Мы с другом, когда в «Коми мемъяс» опять выложили мем о шаньгах // Коми мемъяс: официальная страница паблика. 30 июня 2022. URL: https://vk.com/wall-196788620_7804 (дата обращения: 10.06.2023).

² Вы продоёте шаньгов? // Коми мемъяс: официальная страница паблика. 5 августа 2021. URL: https://vk.com/wall-196788620_2924 (дата обращения: 10.06.2023).

³ — Што случилася? — У нево был недостаток шаньгов, а ему давали ватрушков // Коми мемъяс: официальная страница паблика. 26 сентября 2022. URL: https://vk.com/wall-196788620_9176 (дата обращения: 14.06.2023).

⁴ Коми кола // Коми мемъяс: официальная страница паблика. 1 июня 2023. URL:

2. Коми язык. Ещё одним очевидным отличием одной нации от другой является язык. Коми язык относится к финно-угорской группе и по своему звучанию и грамматике значительно отличается от более распространенного в регионе русского. В то же время за века взаимовлияния в коми язык проникло немало заимствований из современного русского. Публикации сообщества нередко являются билингвальными, обыгрывают случайные созвучия между коми и русскими или английскими словами. Например, в посте от 28 марта 2023 года¹ автор в шутку предлагает расшифровывать сокращенное название партии ЛДПР как коми выражение «лѣк дук петан розь», которое само по себе является мемом. Оно переводится как «отверстие, из которого выходит плохой запах» и в конце 90-х предлагалось поборниками чистоты коми языка в качестве перевода слова «форточка» во избежание заимствования из русского.

Согласно мемам, коми языком пользуются персонажи популярных фильмов и сериалов, авторитетные политики, его слова служат в качестве самых надежных паролей от интернет-сайтов. В сюжетах рисованных историй не владеющие им персонажи попадают в затруднительные ситуации.

В одном из мемов, которые сами авторы публиковали не раз, называя его «классикой», сравниваются два списка слов — из русского и коми языков, где первый оказывается целиком состоящим из английских заимствований вроде «компьютер» или «субтитры», в то время как в списке коми слов на их местах используются оригинальные термины, например «ачпас» вместо «селфи», что должно подчеркивать богатство коми языка в сравнении с русским². Объектом пародии часто оказываются и русские, не понимающие шуток или несуразностей, связанных с употреблением коми языка. Например, в меме от 3 марта 2023 года изображена вывеска из крупной торговой сети с двуязычной надписью «Товары для детей / Вузӧс челядь»³, которую русский персонаж (воплощенный в образе героя

https://vk.com/wall-196788620_12566 (дата обращения: 10.06.2023).

¹ ЛДПР — ЛѣкДукПетанРозь // Коми мемъяс: официальная страница паблика. 28 марта 2023. URL: https://vk.com/wall-196788620_11694 (дата обращения: 10.06.2023).

² Роч Коми // Там же. 21 октября 2022. URL: https://vk.com/wall-196788620_10594 (дата обращения: 10.06.2023).

³ Товары для детей / Вузӧс челядь // Там же. 03 марта 2023. URL: https://vk.com/wall-196788620_11398 (дата обращения: 10.06.2023).

анимационного фильма «Суперсемейка») воспринимает как норму, в то время как коми испытывает неловкость от того, что буквально фраза с коми языка переводится как «дети на продажу».

3. Климатические особенности территории. Облик любой нации неизбежно складывается под влиянием климата на территории ее проживания. Для Республики Коми, часть площади которой относится к Арктической зоне, характерны низкие температуры, долгие зимы, малое количество солнечных дней в году. Эти суровые погодные условия также регулярно находят свое отражение в мемах, размещаемых сообществом. В качестве примера можно привести изображение от 9 июня 2023 года, на котором видно заснеженное кладбище, сопровождающееся подписью: «Обычное лето в Вөркуте»¹. Иронический подтекст достигается за счет контраста между создаваемым в описании ожиданием и реальным фактом. Вообще, Воркута как самый северный город региона с наиболее суровыми условиями жизни часто выступает в мемах как враждебное обычному человеку пространство, существовать в котором способны только приспособленные к этому жители Коми. Например, в меме от 2 июня 2023 года популярный интернет-персонаж — видеоблогер и стример Геннадий Горин реагирует на дорожный указатель в сторону Воркуты своим характерным выражением «Боже я не хочу умирац»². А на меме от 1 марта 2023 года воркутинец стойчески переносит отключение отопления, что метафорически подается через образ средневекового монарха, пронзенного мечом³.

4. Фольклорные и мифологические персонажи. Подчеркивая уникальность культуры коми, авторы паблика часто строят мемы на образах из коми мифологии и фольклора: в них упоминаются боги Ен и Омэль (демиург и трикстер коми космогонии), персонажи прозаического эпоса Пера-богатырь и богатырша Дзудзя⁴ и

¹ Обычное лето в Вөркуте // Коми мемъяс: официальная страница паблика. 9 июня 2023. URL: https://vk.com/wall-196788620_12678 (дата обращения: 10.06.2023).

² Боже я не хочу умирац // Там же. 2 июня 2023. URL: https://vk.com/wall-196788620_12588 (дата обращения: 10.06.2023).

³ Отключение отопления / Вөркутинцы // Там же. 1 марта 2023. URL: https://vk.com/wall-196788620_11356 (дата обращения: 13.06.2023).

⁴ Дзудзя — легендарная богатырша, прародительница коми-зюздинцев // Коми мемъяс: официальная страница паблика. 7 июня 2023. URL: https://vk.com/wall-196788620_12635 (дата обращения: 11.06.2023).

т. д. Всякий раз при их появлении на мемах эти персонажи сталкиваются с современным контекстом: сопоставляются с героями мультфильмов, аниме, комиксов, сериалов или участвуют в актуальных событиях.

5. Социально-политические и бытовые особенности жизни населения республики. К последней группе мы отнесли мемы, в которых отражаются современные реалии жизни в Республике Коми: реакции на актуальные политические события, высказывания об образе жизни в разных населенных пунктах региона, особенности проведения фольклорных праздников, внешнего облика городов, характерные для региона профессии (оленовод, нефтяник). Здесь, как правило, Коми противопоставляется остальной России, или даже миру, как особая территория, зачастую идеализированная (хотя и в явно ироничном ключе). Примерами этому могут служить фразы: «99,98 % россиян живут в постоянном стрессе. Остальные 0,02 % живут в Сыктывкаре»¹ или «Ну же, за Мёской будущее». – «Нет, я останусь в Коми»².

Актуальна и политическая проблематика, которая представлена материалами о действующем губернаторе. В паблике образ современной Республики Коми строится по принципу контраста по отношению к федеральному центру. Последние главы региона и их окружение понимаются как представители этого центра, выступают в качестве отрицательных и высмеиваемых персонажей. В их высказываниях и поступках подчеркиваются черты чуждости, неспособности приобщиться к местным культурным традициям, представленным в виде коми языка, кулинарии, фольклора, ремесел³.

Анализ эмпирического материала показал наличие зависимости формы комического от злободневности образа, положенного в основу мема. «Для обращения к незлободневному образу характерно использование юмора как не направленной на высмеивание чего- или кого-либо формы комического. В то время как при обра-

¹ 99,98 % россиян живут в постоянном стрессе. Остальные 0,02 % живут в Сыктывкаре // Там же. 19 апреля 2023. URL: https://vk.com/wall-196788620_12085 (дата обращения: 11.06.2023).

² Ну же, за Мёской будущее. — Нет, я останусь в Коми // Там же. 21 февраля 2023. URL: https://vk.com/wall-196788620_11159 (дата обращения: 11.06.2023).

³ Чолёмме Уйба // Коми мемъяс: Официальная страница паблика. 7 декабря 2022. URL: https://vk.com/wall-196788620_10144 (дата обращения: 14.06.2023).

щении к политически или социально острым событиям преимущественно используется ирония или даже сарказм» [13, с. 91].

Заключение. Визуальный контент сегодня оказывается доминирующим: иллюстрация заменяет читателям полноценные публикации, на понятном аудитории языке донося высказывания на различные темы. Визуальный контент гораздо легче передавать собеседникам в процессе интернет-коммуникации, что делает этот способ обмена информацией все более популярным и активно проникающим в культурную сферу. Лаконичность и содержательная емкость за счет отсылок к фоновым знаниям пользователей — главные признаки интернет-мема.

Культурно-этнографическое своеобразие Республики Коми в сетевом смеховом фольклоре, отраженное в публикациях изученного нами сообщества «Коми мемъяс», заключается в указании на суровые природно-климатические условия региона, а также на национальность населяющих территорию людей, коми культурное наследие и язык, социально-бытовые и политические проблемы. «Коми мемъяс» публикует мемы, поднимающие вопросы идентичности культуры региона, что выражается в обыгрывании особенностей климата, географии или языка, актуализации героев коми фольклора, национальной кулинарии, перемещении их в контекст современной массовой культуры.

Список источников

1. Градюшко А. А. Жанрово-стилистические особенности новостной веб-журналистики // *Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна*. 2014. № 3 (44). С. 114–118.
2. Голованова Е. И., Часовский Н. В. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 135–141.
3. Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на интернет-пользователей: типология интернет-мемов // *ВЭПС*. 2015. № 1. С. 195–201.
4. Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2017. № 4. С. 410–424.
5. Костоготов Д. А. Историческое сознание в интернет-мемах: к постановке проблемы // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология*. 2021. № 9. С. 126–138.
6. Попов Д. В. Мем как средство коммуникации, сетевая ценность и фактор развития культуры // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2016. № 3 (62). С. 66–71.

7. Канашина С. В. Интернет-мем как современный медиадискурс // Известия ВГПУ. 2018. № 8 (131). С. 125–129.
8. Щурина Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Чеповецкого государственного университета. 2014. № 6 (59). С. 85–89.
9. Часовский Н. В. Интернет-мем как особый жанр коммуникации // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2015. № 2 (61). С. 124–127.
10. Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. № 28 (277). С. 84–90.
11. Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор : сборник статей. М: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. С. 285–294.
12. Канашина С. В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 16 (811). С. 74–80.
13. Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А. Аграмматизм как стилистический ресурс комического в мемах // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения : сб. матер. Междунар. научн. форума (21–22 апреля 2022 г.) : в 2 т. / отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медианапир, 2022. Т. 1. С. 90–92.

References

1. Gradyushko A. A. Genre and stylistic features of web news journalism. *Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina* [Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin]. 2014. No 3 (44). Pp. 114–118. (In Russ.)
2. Golovanova E. I., Chasovskij N. V. Internet meme as a visualization element in the media. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskustvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Art history]. 2015. No 5 (360). Issue 94. Pp. 135–141. (In Russ.)
3. Zinov'eva N. A. The impact of memes on Internet users: typology of Internet memes. *VEPS* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. 2015. No 1. Pp. 195–201. (In Russ.)
4. Lysenko E. N. Internet memes in youth communication. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]. 2017. No 4. Pp. 410–424. (In Russ.)
5. Kostoglotov D. A. Historical Consciousness in Internet Memes: towards the formulation of the problem. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [RGGU Bulletin. «Literary Theory.Linguistics. Cultural Studies»]. 2021. No 9. Pp. 126–138. (In Russ.)
6. Popov D. V. Meme as a means of communication, network value and cultural development factor. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2016. No 3 (62). Pp. 66–71. (In Russ.)
7. Kanashina S. V. Internet meme as a modern media discourse. *Izvestiya VGPU* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. 2018. No 8 (131). Pp. 125–129. (In Russ.)

8. Shchurina Yu. V. Internet memes: the problem of typology. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2014. No 6 (59). Pp. 85–89. (In Russ.)

9. Chasovskij N. V. Internet meme as a special genre of communication. *Uchyonye zapiski ZabGU. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scientific notes of Zabggpu. Series: Philology, History, Oriental Studies]. 2015. No 2 (61). Pp. 124–127. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-osobyu-zhanr-kommunikatsii> (accessed 12.06.2023). (In Russ.)

10. Kanashina S. V. What is an Internet meme? *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* [Questions of journalism, pedagogy, linguistics]. 2017. No 28 (277). Pp. 84–90. (In Russ.)

11. Ksenofontova I. V. Specifics of communication in conditions of anonymity: memetics, image boards, trolling. *Internet ifol'klor: sbornikstatej* [Internet and folklore: collection of articles]. Moscow: The State Republican Center of Russian Folklore, 2009. Pp. 285–294. (In Russ.)

12. Kanashina S. V. Semantic features of the Internet meme as a polymodal discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2018. No 16 (811). Pp. 74–80. (In Russ.)

13. Prokof'eva N. A., Shcheglova E. A. Agrammatism as a stylistic resource of the Comic in memes. *Media v sovremennom mire. 61-e Peterburgskie chteniya: sb. mater. Mezhdunar. nauchn. foruma (21–22 aprelya 2022 g.) : v 2 t.* [Media in the modern world. 61st St. Petersburg Readings: collection of materials of the International Scientific Forum (April 21–22, 2022)]. Otv. red. A. A. Malyshev. St. Petersburg: Mediapapir, 2022. Vol. 1. Pp. 90–92. (In Russ.)

Сведения об авторах

Бешкарев Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, д. 55)

Пыстина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, д. 55)

Information about the authors

Alexey A. Beshkarev, Candidate of Philology, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russia)

Olga V. Pystina Candidate of Philology, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	01.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	11.03.2024

Научная статья / Article

УДК 81-23

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-81>

Приметы орнитологического кода в современном русском языке: глубинные смыслы и способы их актуализации

Ольга Николаевна Иванищева¹, Мэнцзе Лян²

¹ Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия

² Чанчуньский политехнический университет, Чанчунь,
Китайская Народная Республика

¹ oivanishcheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8495-0502>

² 386068494@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5903-4457>

Аннотация. В работе обсуждается проблема актуализации глубинных (актуальных) смыслов, заложенных в концептуальном пространстве русской народной приметы. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления специфики мировосприятия, представленного в языковых единицах зооморфного кода. Предмет исследования составляют глубинные смыслы, выявляющие те части конкретного опыта человека, которые важны для русского народного сознания при определении прогноза погоды или судьбы.

Материал исследования составляют приметы с базовым словом — названием птицы в количестве 2 935 единиц. В исследовании представлена традиционная классификация примет (бытовые и суеверные, в том числе сновидческие) и разработанное в данном исследовании разделение их на приметы с субъектной и объектной доминантой. В последнем случае при разделии примет акцент делается на субъекте действия: птица или человек. Под приметами с субъектной доминантой понимаются такие, в которых субъектом (исполнителем) действия прогнозирующей части (Если...) является птица, а под приметами с объектной доминантой — те, в которых адресат сообщения (человек) является одновременно и субъектом действия (его исполнителем).

Цель настоящей работы — выявить глубинные смыслы, заложенные в русской народной примете орнитологического кода.

Методы исследования — метод сплошной выборки, метод лингвокультурологического анализа, метод пропозитивного и количественного анализа.

Показано, что определить актуальные смыслы позволяет пропозитивный анализ, суть которого состоит в выделении собственно пропозиции и ее участников (актантов и сирконстантов). В результате анализа были выделены группы актуальных смыслов в прогнозирующей части приметы (субъектность, объектность, время, локус, действие и отношение)

и доказано, что они коррелируют с такими же смыслами, отмеченными в народной символике, как-то: единичность (немногочисленность), множественность, цвет, время, местонахождение, место функционирования, действие и др. В результате анализа актуальных смыслов прогнозируемой части примет сделаны выводы о частотности таких элементов, как выбор субъекта / объекта прогноза в примете и его содержание.

Ключевые слова: народные приметы, глубинные смыслы, пропозитивный анализ

Для цитирования: Приметы орнитологического кода в современном русском языке: глубинные смыслы и способы их актуализации // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 81–94. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-81>

Ornithological Code Omens in the Modern Russian Language: Deep Meanings and Ways of their Actualisation

Olga N. Ivanishcheva¹, Mengjie Liang²

¹Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia

²Changchun Polytechnic University, Changchun, China

¹oivanishcheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8495-0502>

²386068494@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5903-4457>

Abstract. *This paper discusses the problem of realisation of the deep (actual) meanings embedded in the conceptual space of Russian folk omens. The relevance of this work depends on the necessity of revealing the specificity of the worldview represented by the linguistic units of the miniature code. The theme of the research is to reveal the deeper meanings of specific human experiences that are important for Russian folk consciousness in determining weather forecasts or fate.*

The study material consisted of 2,935 omens whose basic word was the name of the bird. The classification of omens in the study is represented by the traditional classification of omens (family omens and superstitious omens, including dream omens) and the subject- and object-driven classification of omens proposed in this paper. In the latter case, when classifying omens, the emphasis is on the subject of the act: the bird or the person. In this paper, omens with subject dominance are understood as predictive components (if.....) the subject (performer) of the action is a bird, while omens with object dominance are understood as the recipient of the message (a person) who is also the subject (performer) of the action.

The aim of the paper is to determine the deeper meanings embedded in the Russian folk omens of the ornithological code.

Research methods — continuous sampling method, linguistic and cultural analysis, quantitative analysis of propositions.

The analysis showed that the essence of propositional analysis is the identification of the proposition itself and its participants (actors and determiners), which allows us to determine the actual meaning. The analysis resulted in singling out groups of actual meanings in the predicative part of the annotation (subjectivity,

objectivity, time, place, action and attitude) and demonstrating that they are related to the meanings indicated in folk semiotics, such as: singularity (less), multiplicity of colours, time, place, place of action, action and other meanings. By analysing the actual meanings of the predicted parts of the examples, conclusions were drawn about the frequency of elements such as the choice of the predicted subject/object and its content in the examples.

Keywords: folk omens, deep meanings, propositional analysis

For citation: Ivanishcheva O. N., Liang Mengjie. Ornithological Code Omens in the Modern Russian Language: Deep Meanings and Ways of their Actualisation. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 2: 81–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-81>

Введение. Актуальность работы обусловлена потребностью в описании кодов культуры, которые «зашифрованы» в языковой картине мира. Образы зооморфного кода восходят к одной из древнейших форм культуры, одушевляющей и олицетворяющей животных, — к анимистическому мировосприятию. Поверья и приметы также восходят к глубокой древности.

Вера в приметы (оменализм) оказывается одной из самых жизнестойких форм религии, интенсивно влияя на сознание людей современной информационной цивилизации [1, с. 187].

Примета определяется учеными как проверенное временем предсказание, основанное на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженными в краткой, метафорической форме [2, с. 7].

Предмет исследования. Мы обращаемся к приметам, базовым словом которых являются названия птиц, то есть к приметам орнитологического кода: гусь (и утка) ныряют — на дождь (к дождю) [3, с. 69]; если фламинго строит низкие гнезда — лето будет сухим [4, с. 29]; если ворон сядет на купол или колокольню церкви — там будут отпевать покойника [3, с. 208]; если соловья услышишь раньше кукушки, счастливо проведешь лето [3, с. 230].

В литературе представлено широкое и узкое понимание приметы: при узком понимании она исследуется с точки зрения ее структуры и семантики, а при широком — внимание исследователей распространяется на контекст реализации приметы, особенности её функционирования [5, с. 115], в том числе и на такой аспект ее функционирования, как моделирование поведения человека как участника коммуникативного акта в роли адресата сообщения [6, с. 44–45]. Как отмечает Т. С. Садова, примета, будучи устойчивой речевой единицей, составляет звено национальной культуры и отра-

жает познавательные (когнитивные) усилия человека в ненаучном (наивном, эмпирическом) освоении мира [7, с. 79]. Поэтому важно представить арсенал когнитивных моделей, заложенных в приметах [8, с. 153]. Наблюдения над поведением птиц как выделенные и представленные в языковом выражении части конкретного опыта человека складываются в определенную систему, которую можно назвать реализацией глубинных смыслов языкового сознания. Эти смыслы, названные нами актуальными, являются предметом нашего исследовательского интереса.

Цель настоящей работы — определить глубинные смыслы, заложенные в концептуальном пространстве русской народной приметы орнитологического кода. Материалом исследования являются 2 935 народных примет с субъектной и объектной доминантами. Под приметами с субъектной доминантой понимаются в работе такие, в которых субъектом (исполнителем) действия прогнозирующей части (Если...) является птица (Сорока сидит у окна — будут гости [3, с. 55]), а под приметами с объектной доминантой — такие, в которых адресат сообщения (человек) является одновременно и субъектом действия (его исполнителем) (Если увидишь одну сороку — к несчастью [9, с. 210]). Выделение примет с субъектной и объектной доминантами дополнено в работе традиционной классификацией примет (бытовые, суеверные и сновидческие как разновидность суеверных примет).

Методами исследования в работе явились метод сплошной выборки, метод лингвокультурологического анализа, метод пропозитивного и количественного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. *Глубинные (актуальные) смыслы* в настоящей работе понимаются как «то, что в наибольшей степени интересует человека и что постоянно требует соответствующего языкового выражения» [10, с. 49]. Определить актуальные смыслы позволяет, с нашей точки зрения, пропозитивный анализ примет. Целью такого анализа является вычленение пропозитивного содержания единицы, а его этапами — выделение типов пропозиций и анализ их пропозитивной семантики. Т. В. Шмелева выделяет два уровня детализации изображения ситуации в рамках пропозитивного анализа: первый — выделение собственно пропозиции, обозначаемой глаголами и иными средствами пропозитивной семантики, определение участников (актантов) и выявление обстоятельств (сирконстантов); второй уровень — описание характеристик вышеназванных элементов пропозиции [11,

с. 275]. С учетом того, что среди актантов выделяются субъектный и объектный актанты, нами были определены следующие группы актуальных смыслов в приметах: субъектность, объектность, время, локус, действие и отношение. Эти группы отражают результаты пропозитивного анализа орнитологических примет, проведенного в ходе нашего исследования, и соответствуют смыслам, отмеченным в народной символике (см. [12]).

Так, *единичность (немногочисленность) и множественность*, которые определяются как признаки актантов, относятся к минимальному набору смыслоразличительных признаков, на основе которых выделяются большие группы животных. Наличие таких признаков, как единичность / множественность, доказывает мысль В. М. Иванилова о том, что мотив совокупного множества сопряжен в русской традиции с прогнозированием прибыли и богатства [13, с. 16], хотя в суеверных орнитологических приметах, как показывает наш анализ языкового материала, этот мотив связан больше с удачей и приятной встречей. Парность животных встречается редко, в приметах фигурирует пара аистов, в фольклорных текстах — пара голубей [14, с. 53]. При этом действие «считать птиц», согласно примете, не приносит удачи (Чужих кур не считай — сглазишь [3, с. 202]).

Такие признаки актантов, как *статус, состояние, пол, возраст, цвет, размер*, в народной символике отражают и передают мифологические представления о животных. Так, выбор атрибутивного признака — прилагательного со значением цвета — обусловлен типовыми значениями, которые закреплены за определенным словом-символом в культурной традиции [13, с. 8]. Прилагательные *белый* и *черный*, например, в славянской мифологии ассоциируются с названиями божеств — Белобог и Чернобог. С первым связана положительная коннотация, со вторым отрицательная [15, с. 30–31]. Черный и белый цвет в славянской мифологии выступают как оценочные, образуя оппозиции [14, с. 47]. Белый цвет означает светлое, чистое, непорочное, разрешение проблем, новое начало, а черный предстает как цвет негативных сил и печальных событий [16, с. 202–203]. Смыслоразличительные признаки *живой — мертвый, дикий — домашний*, по мнению А. В. Гура, входят в систему славянских мифологических представлений [14, с. 41, 50]. Оппозиция *полный — пустой*, а в случае с исчисляемыми предметами и числительное *один* — это популярные символы сновидений.

В народных представлениях о птицах имеют значение календарные даты и другие временные периоды, связанные с периодичностью времен года и суток. В исследуемом материале 34 % общего количества названий птиц упоминается в приметах, содержащих хрононимы (Мефодий-перепелятник, Семенов день, Сидор-огуречник и др.), 30 % — названия времен года (зима, весна, лето, осень), 25 % — названия времени суток (утро, вечер, день), 20 % — названия месяцев (январь, февраль, март, апрель, май, сентябрь). Названий дней недели в исследуемом материале практически не отмечено. По замечанию А. В. Гура, они редко выступают смысло-различительным признаком в характеристике поведения животных [14, с. 74].

Обозначение актуального смысла *время* имеет большое значение, так как оно связано с народными представлениями о настоящем и будущем. Так, например, прилет птиц всегда олицетворял приход весны в сознании человека, хотя в этой зависимости, по мнению В. Я. Проппа, отмечено неверное представление о причинно-следственной связи. Ученый утверждает, что первобытный земледelec не до конца понимал закономерности смены времен года. Опасаясь, что зима будет длиться долго, люди пытались призвать весну. А так как начало весны связывали с прилетом птиц, то полагали, что птицы приносят ее с собой [17, с. 41].

Птицы выделяются в класс, по замечанию А. В. Гура, на основании двух дифференциальных признаков — локуса и модуса передвижения [14, с. 527]. Важность признака *локус* подтверждается и нашими данными: 40 % бытовых и 21,4 % суеверных орнитологических примет с *субъектной* доминантой имеют актуальный смысл *местонахождение* в качестве смысловой доминанты. Количество примет, заключающих в себе актуальный смысл *местонахождение* в качестве смысловой доминанты, в группе конструкций с *объектной* доминантой намного меньше: они отмечены только в группе суеверных примет, в группе бытовых примет таких конструкций не выявлено. Разница между приметами с субъектной и объектной доминантами в этом плане объясняется важностью признака локуса при оценке роли птицы как субъекта или объекта действия. Кроме того, разница между приметами с субъектной и объектной доминантами отмечена и в реализации актуального смысла *место функционирования*: в приметах с *объектной* доминантой больше представлен пространственный вектор *север / юг* и *право / лево*, а в приметах с *субъектной* доминантой — вектор *верх / низ*.

Приоритет актуальных смыслов *локус* и *время* в группе бытовых примет с базовыми словами — названиями птиц, как нам кажется, можно объяснить спецификой русской традиционной культуры — по словам В. Я. Проппа, архаической культуры «сил», связанной со временем пробуждения сил земли, нужных земледельцу [17, с. 108, 32]. Связь земли и того, что происходит *под* ней и *над* ней, всегда было важно для крестьянина. Локус (земля) тесно переплетался со временем в рамках календарных обрядов. Поэтому в качестве предварительного вывода проанализированный нами материал подтверждает наблюдения этнографов о том, что главную роль с точки зрения практики сельского хозяйства играют год, пора, погода, то есть влиянию метеорологических факторов придается больше значения, чем трудам человека [18, с. 19].

Доминирование актуального смысла *локус* в погодных и суеверных приметах с базовыми словами — названиями птиц отчасти объясняется тем, что образ жизни птиц в большей степени, чем других животных, тесно связан с периодической сезонной сменой места их обитания [14, с. 529].

Актуальный смысл *действие* формируется признаками, характеризующими способ гнездования, звучания, питания птиц.

Например, пропозиция *действие* с глаголами со значением «звучание» выявлена в приметах о перепеле, коростели, бекасе, кукушке, сове, филине, сыче, дятле, иволге, сойке, дрозде, соловье, синице и овсянке, пропозиция *движение*, представленная в приметах о баклане, гусе, утке, орле, коршуне, куропатке, фазане, журавле, стриже, ласточке, скворце, граче, реализуется глаголами со значением «летать» (гусь, коршун, куропатка, журавль, стриж, ласточка, скворец, грач), «парить» (орел, коршун), «плавать» (баклан, гусь, утка). Безусловно, такая актуализация тех или иных качеств и признаков поведения птиц имеет определенное значение, указывает на важные для носителя языка свойства.

Такие данные приводят любого исследователя народных примет к вопросу, как возникала эта «логика переходов смыслов, когда из предыдущего тезиса разворачивается последующее» [19, с. 13]. В приметах даются образцы поведения, которые наиболее значимы для существования коллектива. Поэтому наблюдения «русских простонародных метеорологов, складывающиеся веками в форму народных примет, так важны, хотя они условны, общи, темны и гадательны» [20, с. 2, 17].

В группе *суеверных* и *бытовых* примет с объектной доминантой в пропозиции «восприятие» определяющим для прогноза является не действие человека — *видеть* и *слышать*, а объект зрительного и слухового восприятия человека — *птица и ее действие и или состояние* (видеть / слышать *раненую / погибшую, живую / мертвую, поющую / молчащую, летящую / сидящую, спящую / танцующую / ныряющую* птицу или видеть / слышать, *как / которые...*). При этом в группе *суеверных* примет (исключая сновидческие приметы) с использованием глаголов *видеть* и *слышать* преобладают названия таких птиц, как кукушка, ласточка, ворон, ворона, журавль и сорока.

В связи с использованием глаголов со значением *слышать* в приметах с объектной доминантой необходимо упомянуть замечание А. В. Гура, что в славянской мифологии акустическая характеристика выделяет птиц из числа других животных [14, с. 530]. В текстах орнитологических примет безусловным «фаворитом» в этом смысле является кукушка, а также сова, соловей и филин.

Следующим популярным мотивом *суеверных* и *бытовых* примет с базовым словом — названием птиц является мотив убийства птиц, который в славянской мифологии тоже имеет символическое значение, хотя там речь идет о нечистых птицах, обладающих демонической силой, или о домашних птицах, таких как курица и петух, чья смерть связана с брачной символикой [14, с. 552–553]. В нашем материале глагол *убить* связан с воробьем, вороном, вороной, галкой, голубем, журавлем, иволгой, кукушкой, куропаткой, фазаном, чайкой, а глагол *застрелить* — с цаплей. Эти глаголы относятся к группе слов со значением «лишение жизни живого существа» [21, с. 230–232] и составляют вторую по количеству группу примет после примет с глаголом *лететь*.

Семантика разорения гнезда в текстах русских народных примет отмечена в соответствии с мифологическими представлениями славян об аисте и ласточке как о покровителях домашнего очага [14, с. 17]. Анализ примет с объектной доминантой выявил наличие примет со словами *ласточка* и *аист* с таким значением.

Актуальный смысл *отношение* формируется в орнитологических приметах в рамках таких характерных признаков, как сопоставительное значение и количественные признаки. Например, такой количественный признак, как *стайность*, является характерной количественной характеристикой птиц в пропозициях «поступательное движение субъекта», «звучание», «питание», то есть всту-

пает в смысловую корреляцию с глаголами движения, ненаправленного перемещения, звучания и потребления пищи.

Актуальные смыслы *субъектность, объектность, время, локус, действие* и *отношение* характерны для прогнозирующей части (Если...) орнитологических примет. Для прогнозируемой части (...то) таких примет формирование актуальных смыслов происходит в сферах, которые составляют основу прогноза в орнитологических приметах, — это погода (в бытовых приметах) и судьба (в суеверных приметах).

Мы считаем, что принятое в нашем исследовании определение бытовой приметы с ее областями прогнозтики (время года, погода, сельское хозяйство) для удобства процесса анализа можно объединить в общую группу — погода, так как все явления, обозначенные как темы бытовых примет (смена времен года, погодные явления и результаты хозяйственной деятельности человека), в конечном счете связаны с необходимостью фиксации погодных явлений.

Анализ актуальных смыслов прогнозируемой части позволяет сделать выводы о частотности таких элементов, как выбор субъекта / объекта прогноза в примете и его содержание.

Так, согласно бытовым приметам с субъектной доминантой, самыми популярными птицами при определении прогноза погоды являются воробей, ворона, гусь, журавль, курица и петух, а при предсказании судьбы — ворон, голубь / голубка и сорока. Кукушка и ласточка «востребованы» примерно в равных отношениях для прогноза погоды и судьбы в бытовых приметах с субъектной доминантой. Согласно бытовым приметам с объектной доминантой, самой популярной птицей при определении прогноза в сфере хозяйственной деятельности является курица, а при предсказании судьбы — аист, ворона, воробей и петух. Голубь / голубка и ласточка востребованы примерно в равных отношениях для прогноза результатов хозяйственной деятельности и судьбы в бытовых приметах с объектной доминантой.

По частотности прогноза погоды в группе бытовых примет с субъектной доминантой самым популярным является прогноз на ненастье (гроза, гром, буря, ветер, гром, непогода) (28,2 % общего количества примет), на дождь (25,6 %), на теплую (ведро, теплое / хорошее лето, теплая зима) (25,6 %) и холодную погоду (холодная / суровая зима, холода) (18 %), а в группе бытовых примет с объектной доминантой — прогноз на плохие результаты в хозяйственной деятельности (падеж скота, плохой урожай или улов) (46 % общего

количества примет), на хорошие результаты в хозяйственной деятельности (богатый урожай) (17 %) и на дождь (13 %).

По частотности прогноза судьбы анализируемые суеверные приметы с субъектной доминантой в своем большинстве прогнозируют счастье / добро / богатство (40 % общего количества примет), несчастье (горе, беда, авария) (40 %), предсказывают смерть (10 %), стихийное бедствие (пожар) (10 %), а суеверные приметы с объектной доминантой — несчастье / неудачу (22 % общего количества примет), счастье (14 %), богатство и любовь / свадьбу (по 10 %).

Заключение. Проведенный в работе пропозитивный анализ орнитологических примет дал возможность выявить глубинные (актуальные) смыслы рассматриваемых примет, то есть обнаружить наиболее важную для носителя языка информацию, получившую языковое выражение.

В прогнозирующей части примет к таким актуальным смыслам относятся признаки: субъективность, объективность, время, локус, действие и отношение, которые в основном соответствуют признакам, соотносимым с символикой птиц в славянской народной традиции. К минимальному набору смыслоразличительных признаков, на основе которых выделяются актуальные смыслы, относятся единичность (немногочисленность) и множественность, признаки цвета, живой — мертвый, дикий — домашний, полный — пустой, которые входят в систему славянских мифологических представлений. Важность актуального смысла *локус* подтверждается ориентацией на пространственные векторы север / юг и право / лево и верх / низ, актуальный смысл *действие* вербализируется языковыми единицами со значениями «способ гнездования», «звучание», «питание птиц», а актуальный смысл *отношение* выявляется в рамках таких характерных признаков, как сопоставительное значение и количественные признаки.

В прогнозируемой части примет к актуальным смыслам отнесены погода (в бытовых приметах) и судьба (в суеверных приметах), анализ которых позволил выявить определенные закономерности в соотношении выбора субъекта / объекта прогноза в примете и его содержания (в определении прогноза погоды или судьбы человека и его частотности). Выявлено, что погоду и судьбу с позиции народного представления, вербализованного в русских народных приметах, предсказывают разные птицы (домашние / дикие, перелетные). Акцент в предсказании погоды делается на ненастной погоде, а судьбы — на счастье.

Список источников

1. Завьялова Е. Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 187–193.
2. Тонкова Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 189 с.
3. Никитина Т. Г., Роголева Е. И., Иванова Н. Н. Большой словарь примет. М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.
4. Лютин А. Т., Бондаренко Г. А. Народное наследие о приметах погоды. Календарь. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1993. 96 с.
5. Шепелева О. А. Ситуации пограничья примет, суеверий, поверий в демонологии (по материалам международных фольклорно-этнографических экспедиций на Верхний Дон) // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 114–121.
6. Христофорова О. Б. К вопросу о структуре приметы // Arbormundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 1998. № 6. С. 30–47.
7. Садова Т. С. Народная примета о традиционных ценностях // Русский язык в школе. 2012. № 3. С. 78–81.
8. Васильев В. П., Васильева Э. В. Примета как культурно-ассоциативный слот метеонимического концепта // Слово: фольклорно-диалектологический альманах : материалы научных экспедиций / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2013. Вып. 10. С. 152–160.
9. Яковлев Г. Н. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогжского уезда // Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии : хрестоматия. Воронеж: Истоки, 2013. С. 194–243.
10. Крысин Л. П. Коммуникативно актуальные смыслы и их лексическое выражение в повседневной речи // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 49–54.
11. Современный русский язык : учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
12. Лян М. Пропозиционный анализ как способ выявления глубинных культурных смыслов в тексте народных примет // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 1. С. 94–112.
13. Иванилов В. М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 279 с.
14. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
15. Славянская мифология : энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
16. Свиридов С. Словарь славянских символов. М.: Велигор, 2012. 235 с.
17. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). СПб.: Тера — Азбука, 1995. 176 с.

18. Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. М.: Советская Россия, 1988. 512 с.

19. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

20. Агринский К. Ф. Русские народные приметы о погоде и их значение для практической метеорологии и сельского хозяйства. Саратов: Типография Т-ва И. И. Лысенко и Н. С. Петровъ, 1899. 364 с. URL: https://vk.com/doc41371964_493426631?hash=JQSfH54jtbuU9kHxZkQCS6y3IUkvhlddM1XioWUz7GFo (дата обращения: 28.12.2022).

21. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.

References

1. Zav'yalova E. E. Omens as a folklore genre: experience of systematization. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2013. No 2. Pp. 187–193. (In Russ.)

2. Tonkova E. E. *Narodnaya primeta s pozicij lingvokognitivistiki i lingvokul'turologii : diss. kand. nauk* [Folk omen from the perspective of linguocognitivism and linguoculturology]. Belgorod, 2007. 189 p. (In Russ.)

3. Nikitina T. G., Rogaleva E. I., Ivanova N. N. *Bol'shojslovar' primet* [A large dictionary of omens]. Moscow: AST, Astrel', 2009. 687 p. (In Russ.)

4. Lyutin A. T., Bondarenko G. A. *Narodnoe nasledie o primetah pogoda. Kalendar'* [Folk heritage about weather omens. Calendar]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. 96 p. (In Russ.)

5. Shepeleva O. A. Borderland situations will signify, superstitions, beliefs in demonology (based on materials of international folklore and ethnographic expeditions to the Upper Don). *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Ser. B: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Donetsk National University. Ser. B: Humanities]. 2017. No 2. Pp. 114–121. (In Russ.)

6. Hristoforova O. B. On the question of the structure of signs. *Arbor mundi. Mezhdunarodnyj zhurnal po teorii i istorii mirovoj kul'tury* [Arbor mundi. International journal on the theory and history of world culture]. 1998. No 6. Pp. 30–47. (In Russ.)

7. Sadova T. S. Folk omen about traditional values. *Russkijazyk v shkole* [Russian Language at School]. 2012. No 3. Pp. 78–81. (In Russ.)

8. Vasil'ev V. P., Vasil'eva E. V. Omen as a cultural-associative slot of a metonymic concept. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskij al'manah. Materialy nauchnyh ekspeditsij*. [Word: folkloric-dialectological almanac. Materials of scientific expeditions]. Edited by N. G. Arhipova, E. A. Oglezneva. Blagoveshchensk, AmGU, 2013. Issue 10. Pp. 152–160. (In Russ.)

9. Yakovlev G. N. Proverbs, sayings, popular words, omens and beliefs collected in the settlement of Sagunakh, Ostrogozh district. *Sueveriya i predrasudki krest'yan Voronezhskoj gubernii : Hrestomatiya* [Superstitions and preju-

dices of the peasants of the Voronezh province. Chrestomathy]. Voronezh: Istoki, 2013. Pp. 194–243. (In Russ.)

10. Krysin L. P. Communicatively relevant meanings and their lexical expression in everyday speech. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verhnevolzhskij Philological Bulletin]. 2016. No 4. Pp. 49–54. (In Russ.)

11. *Sovremennyy russkij yazyk : uchebnik dlya vuzov. Standart tret'ego pokoleniya* [Modern Russian language : a textbook for universities. Third generation standard]. Edited by L. R. Duskaeva. St. Petersburg, Piter, 2014. 352 p. (In Russ.)

12. Lyan M. Propositional analysis as a way to identify deep cultural meanings in the text of folk omens. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Modern studies of social problems]. 2023. Vol. 15. No 1. Pp. 94–112. (In Russ.)

13. Ivanilov V. M. *Associativnyj potencial slova kak osnova tolkovaniya snovidenij. Diss. kand. nauk* [The associative potential of the word as the basis for the interpretation of dreams]. Ekaterinburg, 2006. 279 p. (In Russ.)

14. Gura A. V. *Simvolika zhivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii* [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik, 1997. 912 p. (In Russ.)

15. *Slavyanskaya mifologiya. Enciklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. 512 p. (In Russ.)

16. Sviridov S. *Slovar' slavyanskih simvolov* [Dictionary of Slavic symbols]. Moscow: Veligor, 2012. 235 p. (In Russ.)

17. Propp V. Ya. *Russkie agrarnye prazdniki: (Opytistoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Russian agrarian holidays: (Experience of historical and ethnographic research)]. St. Petersburg: Terra – Azbuka, 1995. 176 p. (In Russ.)

18. Afanas'ev A. N. *Zhivaya voda i veshchee slovo* [Living water and prophetic word]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1988. 512 p. (In Russ.)

19. Bajburin A. K. *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg: Nauka, 1993. 240 p. (In Russ.)

20. Agrinskij K. F. *Russkie narodnye primety o pogoed i ih znachenie dlya prakticheskoy meteorologii sel'skogo hozyajstva* [Russian folk signs about the weather and their significance for practical meteorology and agriculture]. Saratov: Tipografiya T-va I. I. Lysenko i N. S. Petrov", 1899. 364 p. Available at: https://vk.com/doc41371964_493426631?hash=JQSfH54jtbU9kHxZkQC6y3IUkvhlDdM1XioWUz7GFo (accessed: 28.12.2022). (In Russ.)

21. *Tolkovyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Edited by prof. L. G. Babenko. Moscow: AST-PRESS, 1999. 704 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Институт социальных и гуманитарных наук, Мурманский арктический университет (183038, Россия, г. Мурманск, ул. Коммуны, 9)

Лян Мэнцзе, преподаватель русского языка, факультет русского языка, Институт иностранных языков, Чанчуньский политехнический университет (Китайская Народная Республика, г. Чанчунь)

Information about the authors

Olga N. Ivanishcheva, Doctor of Philology, Professor, Philology, Institute of Social and Human Sciences, Murmansk Arctic University (9, Communa St., Murmansk, 183038, Russia)

Liang Mengjie, Instructor, Department of Russian language, Institute of Foreign languages, Changchun Polytechnic University (Changchun, China)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	13.02.2024

Научная статья / Article

УДК 299.572(470)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-94>

Речевая стратегия дискредитации в современной русской языческой публицистике (на примере работ А. А. Добровольского)

Никита Артурович Пробст¹, Роман Витальевич Шиженский²

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия

¹NProbst@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6173-4305>,
ResearcherID Web of Science: L-9334-2019

²heit@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0002-8765-2241

Аннотация. *Сущность и стратегии масскультурного продвижения идеологии, предлагаемой апологетами современного славянского язычества, являются объектами активного изучения отечественного религиоведения и лингвистики.*

При этом на сегодняшний день остается сравнительно малоизученным лингвокоммуникативный аспект механизмов продвижения вышеуказанной идеологии, в частности применения агрессивной риторики как способа популяризации родноверческой идеологии в российском массовом сознании ее носителями и создателями. Особенного внимания в этом плане заслуживает творческое наследие А. А. Добровольского как основоположника и ключевого идеолога указанного движения.

Целью настоящей статьи является исследование комплекса языковых средств дискредитации православия как ключевого конкурента современных славянских язычников в процессе продвижения родноверческой идеологии в публицистическом творчестве А. А. Добровольского.

Основными методическими инструментами реализации данной цели выступают метод функционально-семантического анализа и прагмасемантический метод.

В ходе исследования было установлено, что религиозная публицистика А. А. Добровольского имеет выраженную политическую дискурсивную направленность. Это обуславливает использование автором характерных для данного дискурса манипулятивных стратегий, включая стратегию дискредитации в отношении ключевых социокультурных и политических противников (РПЦ и православия). Концептуальной основой ее использования в рассматриваемом случае является традиционное для популистских идеологий противопоставление вида «свой — чужой», где в содержательное поле «чужого» (еврейства) включается и православие, позиционируемое А. А. Добровольским как насильственно внедренная на Руси итерация иудаизма.

Рассматривается состав и функциональные особенности комплекса представленных в публицистике А. А. Добровольского приемов манипулирования информацией, база которого формируется за счет таких приемов, как стигматизация, инверсия, контраст, подмена данных, осмеяние. Посредством данного речевого инструментария в его работах активно и последовательно создается негативный образ православия как принципиально чуждой и вредоносной для русского этноса религии, дискредитируются сторонники РПЦ, а также легитимизируется идея о необходимости активной борьбы с соответствующим учением и его апологетами. Делается вывод о том, что подобный подход, сочувственно принятый отдельными слоями современного российского общества, в условиях нашего государства недопустим.

Ключевые слова: картина мира, ксенофобия, православие, родноверие, стратегия дискредитации

Финансирование: исследование выполнено за счет проекта РФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, а также программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» БФУ им. И. Канта.

Для цитирования: Пробст Н. А., Шиженский Р. В. Речевая стратегия дискредитации в современной русской языческой публицистике (на примере работ А. А. Добровольского) // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 94–113. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-94>

Speech Strategy of Discrediting in Modern Russian Pagan Journalism (on the Example of the Works of A.A. Dobrovolsky)

Nikita A. Probst¹, Roman V. Shizhenskiy²

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

¹ NProbst@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6173-4305>,

ResearcherID Web of Science: L-9334-2019

² heit@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0002-8765-2241

Abstract. *The essence and strategies of mass-cultural promotion of the identity model proposed by apologists of modern Slavic paganism is one of the objects of active study of Russian religious studies and linguistics.*

At the same time, the linguocommunicative aspect of the mechanisms for promoting the rodnover's model of identity remains relatively little studied today — in particular, the use of aggressive rhetoric as a way to popularize rodnover ideology in the Russian mass consciousness by its bearers and creators. In this regard, the creative legacy of A.A. Dobrovolsky as the founder and key ideologist of this movement deserves special attention.

The purpose of this article is to study the complex of linguistic means of discrediting Orthodoxy as a key competitor of modern Slavic pagans in the process of promoting the rodnover's model of identity in the journalistic work of A. A. Dobrovolsky.

The main methodological tools for the realization of this goal are the method of functional-semantic analysis and the pragmasemantic method.

In the course of the study, it was found that A. A. Dobrovolsky's religious journalism has a pronounced political discursive orientation. This determines the author's use of manipulative strategies characteristic of this discourse, including a strategy of discrediting key socio-cultural and political opponents (the ROC and Orthodoxy). The conceptual basis for its use in this case is the traditional opposition of the "friend-foe" type for populist ideologies, where Orthodoxy, positioned by A. A. Dobrovolsky as an iteration of Judaism forcibly introduced in Russia, is also included in the content field of "alien" (Jewry).

The composition and functional features of the complex of information manipulation techniques presented in A. A. Dobrovolsky's journalism are considered, the base of which is formed due to such techniques as stigmatization, inversion, contrast, data substitution, ridicule. Through this speech toolkit, his works actively and consistently create a negative image of Orthodoxy as a fundamentally alien and harmful religion for the Russian ethnic group, discredit the supporters of the ROC, and legitimize the idea of the need for an active struggle with the relevant teaching and its apologists. It is concluded that such an approach, sympathetically accepted by certain layers of modern Russian society, is unacceptable in the conditions of our state.

Keywords: *identity, worldview, xenophobia, Orthodoxy, rodnoverie, discrediting strategy*

Funding: the research was carried out through the Russian Science Foundation project No. 22-18-00591 “Pragmasemantics as an interface and operational system of meaning formation” at the Baltic Federal University. I. Kant, as well as funds from the strategic academic leadership program “Priority 2030” of IKBFU. I. Kant.

For citation: Probst N. A., Shizhenskiy R. V. Speech Strategy of Discrediting in Modern Russian Pagan Journalism (on the Example of the Works of A. A. Dobrovolsky). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 2: 94–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-94>

Введение. Возникнув в последней трети XX века как религиозный, социально-политический и культурный феномен, современное славянское (русское) язычество¹ в настоящее время обладает необходимым и устойчивым «набором» компонентов, позволяющим данному полицентричному, полирелигиозному явлению позиционировать себя состоявшейся уникальной мировоззренческой системой. Одним из основополагающих элементов современной языческой религиозности является «новояз» – сложный многогранный феномен, формирующийся на стыке филологии, этнографии и истории (см. подробнее: [1]). Под новым языком новых язычников, во-первых, следует понимать сакральный язык [2; 3], используемый современными волхвами в религиозных практиках и представляющий собой эклектику из сохранившихся этнографических, фольклорных источников и мифологических, заговорных текстов идеологов движения. Во-вторых, «новояз» – этнический идентификатор, через терминологию определяющий конструируемую принадлежность той или иной общины [4, с. 14–19; 5, с. 18]. В-третьих, новый язык – своеобразный двигатель новой языческой истории, формирующий «правильное» прошлое за счет все того же «купажа» академических данных и собственной истории «родноверческих» вождей. Ярким примером проявления языческого «новояза» в действии следует считать использование приемов дискредитации.

¹ Современное русское язычество»: мировоззренческий феномен, возникший в РСФСР в 1970-х годах, в основе которого лежит комплекс идеологических, религиозных, социально-политических, культурных парадигм, направленных на возрождение славянских дохристианских верований, характеризующийся: превалярованием конструируемых авторских инициатив над реконструируемыми элементами мифологии, обрядовых практик; эклектикой идей этноцентризма (масштабов суперэтнуса, этнуса, субэтнуса) и природоцентризма; структурной, мировоззренческой пролификацией; конспирологией, футурологией и фолк-истории как набором инвариантов (термин Р. В. Шиженского).

На сегодняшний день определенное освещение получили различные аспекты реализации стратегии дискредитации применительно к религиозным движениям — в том числе к православию (см.: [6; 7 и др.]). Вместе с тем в данной области сохраняется ряд интересных вопросов, включая использование различных агрессивных коммуникативных стратегий в продвижении той или иной мировоззренческой концепции, призванной консолидировать современное российское общество.

В этом плане весьма показательным является современное славянское язычество, которое является своеобразной попыткой синтеза сразу двух направлений социокультурной консолидации: этнической (самоидентификация на основе принадлежности к общеславянской общности) и религиозной (обретение коллективного духовного самоосознания через обращение к «исконной вере предков»). Возникшая конкуренция между родноверами и представителями иных крупных конфессионально-этнических групп за роль национально-объединяющей силы порождает конфликты, которые можно назвать этнополитическими, т. е. подразумевающими противодействие «различных социальных групп, которые организуются по этническому принципу, и этот принцип становится основанием их идеологического и политического противостояния» [8, с. 193]. неотъемлемой частью подобных конфликтов является активная взаимная дискредитация, реализующаяся в языковом пространстве разных жанров различных видов дискурса.

«Языческая дискредитация» напрямую связана с нарративами пионера современного славянского язычества Алексея Александровича Добровольского (Доброслава). Именно он создал комплекс инвариантов, включающих: новоязыческие мифологемы, ритуальный дискурс, празднично-обрядовые действия, религиозную символику. Так, Добровольский создал первый языческий именовослов и календарь, утвердил «коловрат» (восьмилучевой свастический символ) в качестве главного символа «родноверия», отрежиссировал современную Купалу — праздник летнего солнцестояния, возглавил Русское освободительное движение (РОД).

Исследование современного «родноверческого» интернет-дискурса показывает, что многие распространенные в нем идеологемы и тропы очевидным образом восходят к сформированной А. А. Добровольским идейно-философской системе — в том числе те из них, что связаны с оценкой сути и значения (религиозного, культурного, социального и др.) христианства в контексте русской

цивилизации. Соответствующие идеологемы находят отражение в процессе конфликтной коммуникации между сторонниками православия и апологетами неоязычества (см: [9]). Таким образом, изучение публицистического наследия А. А. Добровольского, по нашему убеждению, позволит лучше понять генезис и актуальные особенности мировоззренческой картины современных русских язычников. В конечном счете результаты подобных исследований способствуют расширению теоретической базы противодействия тенденциям, связанным с разжиганием в нашей стране межнациональной и межконфессиональной розни.

Цель статьи — выявление и описание представленного в публицистическом наследии А. А. Добровольского комплекса средств экспликации речевой стратегии дискредитации в отношении православного вероучения и его последователей, реализуемой в контексте общего антихристианского вектора родноверческой¹ идеологии.

Материал и методы исследования. В качестве материала для исследования были выбраны следующие три работы А. А. Добровольского: «Светославие» (2004), «Волхвы» (б.д.), «Об идолах и идеалах» (2007).

Содержательное поле данных изданий — своеобразная мировоззренческая квинтэссенция, раскрывающая авторский взгляд Доброслава на актуальное языческое тематическое поле, и в первую очередь на проблему идеологических противников — врагов по вере.

В процессе изучения указанных источников методом сплошной выборки были выявлены 109 конструкций, репрезентирующие различные виды манипуляций, способствующих реализации стратегии дискредитации в отношении российского православия.

Для достижения вышеуказанной цели нами использовалась комплексная методика, включающая:

¹ Мы учитываем, что родноверие, несмотря на свою достаточно высокую популярность в России, не является неким единым и целостным движением с четкой религиозно-философской системой и социально-политическими установками. Вместе с тем разные родноверческие сообщества, при всех своих различиях, объединены общим примордиалистским («славянорусским») подходом к оценке историко-культурной и политической реальности нашей страны, а также общей идеей о необходимости возрождения «исконно русской» языческой религии. Таким образом, говоря о родноверческой идеологии, мы подразумеваем совокупность синкретических по природе квазирелигиозных и социокультурных конструктов, служащих обоснованием национальной самоидентификации своих трансляторов.

– метод функционально-семантического анализа, оптимальный для выявления и адекватной интерпретации коммуникативных установок идейных компонентов содержательного поля текстов А. А. Добровольского;

– прагмасемантический метод, в основе которого лежит концепция «прагмасемантики» как комплекса и интерфейса смыслообразования, устанавливающего связь между анализом содержания и значения текста с контекстом социально-культурной практики его использования (см.: [10; 11 и др.]).

Результаты исследования. Перед рассмотрением заявленной темы считаем необходимым дать краткий биографический и идейный «портрет» основоположника русского религиозного нативизма. К наиболее значимым факторам биографии, повлиявшим на становление мировоззрения А. А. Добровольского, следует отнести: 1) особенности семейного воспитания (родительская образованность, безрелигиозность, беспартийность, белогвардейский след); 2) специфику окружения в юные годы (роль бабушки, деревенских каникул, романтика фильмов и книг); 3) первое тюремное заключение (1958 г.): знакомство как с оппозиционной историей, так и с моделью альтернативной идеологии; дружба с С. Р. Арсеньевым-Хоффманом и влияние немецкой идеи 1920-х годов; 4) политико-мировоззренческие поиски 1960–1970-х годов: деятельность в НТС, сотрудничество с советским диссидентством, период самообразования; увлечение оккультизмом; 5) конец 70-х годов — мировоззренческий выбор: славянское язычество (младоязычники); 6) 1990 год — начало периода отшельничества, просветительского язычества.

Комплекс идей А. А. Добровольского не укладывается в определение расизма в его классическом, научно трактуемом варианте. Так, например, он выступает против дискриминации, уничтожения других этногрупп. Вместе с тем элементы расового подхода в виде абсолютизации этнических различий, четко сформулированного взгляда на проблему метизации присутствуют в концептуальных построениях данного автора. Доброслав вполне прозрачен и в своем выборе противников «по вере». Индивидуальный прессинг выборочного «расизма» сосредоточен исключительно на приверженцах авраамической религиозности, без деления последних по цвету кожи, национальной принадлежности, внешнему виду и т. д.

Творчество Доброслава построено на достаточно внимательном анализе предшествующего развития религиозной философии (теософии) и в меньшей степени философского идеализма секу-

лярного типа. Высказанная Добровольским точка зрения о преиму- щественно самостоятельном генерировании пантеистическо- мистической концепции, независимо от внешних источников, пу- тем напряжения внутренних интеллектуальных и эмоциональ- ных сил, кажется нам авторским преувеличением. Тем не менее философия Добровольского далека от примитивной компиляции. Она представляет собой сложный синтез мистических представ- лений Запада и Востока, в исторической ретроспективе соединен- ных с собственным, авторским духовным опытом. Анимизм, панте- изм и в конечном счете атеизм подготовили почву для проекций иного, внекультового плана. Мистика с ее отрицанием религиоз- ной надстройки повлияла на социально-экономическую модель об- щественных отношений, отстаиваемую Добровольским и имену- емую автором как «первобытный анархокоммунизм» и «экоанар- хизм» (см. подробнее: [12]). При этом А. А. Добровольский стал од- ним из первых публицистов в нашей стране, критикующим христи- анство с позиций языческой религиозно-мировоззренческой моде- ли. В этом плане мы считаем возможным говорить о данном авторе как одном из родоначальников и идейных вдохновителей «идеоло- гической войны» между родноверческим и христианским сообще- ствами, имеющим все признаки классического межгруппового эт- нополитического конфликта, в основе которого «лежит... взаимная враждебность групп, связанная с наличием значительной культур- ной дистанции между ними» [13, с. 55].

В случае Добровольского указанный факт имеет комплекс- ную природу. С одной стороны, он обусловлен религиозно-фило- софскими взглядами А. А. Добровольского, представляющими со- бой синтез идеократии, этнократии, антиэтатизма, геодетерминиз- ма, теократии, псевдоэгалитарности и биоморфизма.

С другой стороны, выбор православия в качестве основной ми- шени для дискредитации в случае А. А. Добровольского законо- мерен и по другим причинам. Христианство (православие) явля- ется принципиально противоположным язычеству религиозным направлением в силу целого ряда объективных причин, обладая при этом гораздо более конкурентоспособной, нежели славянское («славянорусское») язычество, идейно-религиозной, обрядовой и культурной базой. Это существенно ослабляет позиции роднове- рия в борьбе за роль доминантного базиса для продвижения наци- оналистического мифа на религиозной основе. Таким образом, если воспользоваться классификацией Теджфела [14], русскоязычные

христиане (православные) закономерно становятся для родноверов той аутгруппой, через негативную оценку которой выстраивается позитивный образ собственной. В этой связи активная дискредитация христианства и его последователей со всем сопутствующим набором языковых средств становится для «родноверческой» концепции экзистенциально обусловленным элементом, что ярко иллюстрируют рассматриваемые работы А. А. Добровольского.

Конечная цель стратегии дискредитации, используемой в отношении христианства, — конструирование / деконструкция существующего в картине мира читателя образа христианства таким образом, чтобы формирующие данный образ смыслы имели сугубо негативный характер. Для решения этой задачи А. А. Добровольский использует целый комплекс приемов речевой манипуляции.

Для начала необходимо отметить следующее. Системообразующим элементом картины мира Доброслава является разделение и оценка воспринимаемых им явлений действительности в контексте элементарного противопоставления «свои — чужие», в принципе характерной для этноориентированных социальных групп в целом и родноверов в частности [15, с. 32]. Это вполне закономерно: «формирование категориальных сфер «своё — чужое» в публицистике во многом обусловлено эмоционально-когнитивными процессами объединения / разобщения себя с другими представителями социума по разным основаниям, базовыми из которых являются: 1) социальный статус; 2) политическая позиция; 3) этнический фактор» [16, с. 178]. В модели действительности Добровольского «чужие» — евреи — воплощают архетипический образ «врага», вокруг которого формируется понятийное поле «экзистенциального зла». В нашем случае оппозиция «свои — чужие» реализуется на уровне «своя (истинная) религия — чужая (ложная) религия», что напрямую определяет как формируемые Добровольским в этой связи смыслы, так и комплекс формальных средств их имплементации.

Итак, к числу манипулятивных тактик, наиболее частотно и значительно представленных в анализируемом материале, относятся следующие:

1. Стигматизация. Данная тактика предполагает формирование / трансформацию образа конкретного объекта путем интеграции в его семантическую структуру негативных смыслов и коннотаций с помощью негативно окрашенных в эмоционально-экспрессивном плане лексем и словосочетаний (прием «навешивания» ярлыков).

вания ярлыков»). В рассмотренных нами работах богатый спектр данных лексических средств можно условно разделить на несколько тематических групп:

1) ущербность (неполноценность) христианства и его последователей в следующих отношениях:

– интеллектуальном (нерелевантность требованиям разумности, отсутствие «здорового смысла»): *Тот же, кто, догадываясь о Великой Тайне Природы, все же остается либо атеистом, либо монотеистом* [т. е. тем же христианином], *должен быть **безнадёжным обалдуем*** (Добровольский, 2007, с. 11);

– этическом (морально-нравственном) (нерелевантность традиционным для современного человека морально-нравственным нормам): *Конечно, языческие кумиры были порушены **продажными князьями и попами**, но подспудными причинами, способствовавшими их скоропалительному и бесславному низвержению, было состояние самого Язычества* (Добровольский, Волхвы: 12);

– эстетическом (нерелевантность традиционным для современного человека представлениям о прекрасном): *Искусственные монотеистические религии всегда были **слишком бледны в эстетическом и слишком бедны в этическом отношении*** (Добровольский 2007: 40);

2) деструктивная сущность христианства как религии (экзистенциальная опасность для личности, народа, цивилизации): *Вся **чудовищно-вампирическая** суть **цудохристианства** заключена в евангельских текстах Матфея (гл. 21) и Марка (гл. 11), где Иисус одним злоецим проклятием умервщляет смоковницу — **дереву, олицетворяющее ЖИЗНЬ** у многих народов* (Добровольский 2004: 10) — и т. д.;

3) чужеродный характер христианства по отношению к славянству: *Славянам были **чужды** цудохристианские представления о боге, сотворившем мир и предопределившем вечный адский огонь* (Добровольский 2004: 9); *В отличие от «высшей», «низшая мифология», соприкасавшаяся с культом Предков, оказалась необычайно устойчивой под натиском **чужеродного цудохристианства*** (Добровольский 2007: 19) — и т. д.

4) недостоверность, лживость письменных и устных источников христианства, а также основанных на нем положений и постулатов: *Указывая на зияющие провалы дарвинизма ... цудохристиане вновь поднимают на щит **библейскую небылицу** о сотворении мира Иеговой — **«Богом Авраама, Исаака, Иакова»**...* (Доброволь-

ский 2004: 39); *Именно жуткие церковные рассказы о блуждающих в ночном мраке волках-людоедах, бесах-оборотнях... сделали его столь отверженным и ненавистным* (Добровольский 2004: 47);

5) христианство как инструмент искажения славянской культуры и исторической памяти: *Так и праславянский Волес ничего общего не имеет с «богом богатства и скота», с так называемой «Влескигой», «Русскими Ведами» и прочими хитрыми цудохристианскими подделками, проводящими зловредную мысль, будто христианство «мирно» прижилось на Руси, потому что было созвучно якобы «православному» славянскому язычеству* (Добровольский 2004: 56).

2. Инверсия (изменение смысловых полюсов в оценке отраженных в современном массовом сознании образов исторических событий и персон). В работах А. А. Добровольского инверсия часто связана с деконструкцией образов исторического прошлого, их переосмысления в контексте предлагаемой данным неоязыческим лидером идеологической модели. При этом объектами дискредитации могут выступать и конкретные исторические личности, сыгравшие значительную роль в распространении христианства на Руси, — в первую очередь князь Владимир и его сын Ярослав Мудрый. Для этого используются следующие инструменты:

– определения с выраженной негативной оценкой: *...Нечестивый братоубийца Владимир поставил в Киеве истуканы шести антропоморфных богов во главе с Перуном, повелел молиться им и приносить кровавые жертвы* [Добровольский, Волхвы: 11]; *Через 8 лет князь-отступник [Владимир] сам же и порушил эти не оправдавшие себя бессильные рукотворные изделия, а вместо них приказал молиться другим — иконам, изображавшим и вовсе чужеродного «истинного бога» и его «святых»* (Добровольский 2007: 32) (переосмысление автором исторической роли Владимира Святославовича в оппозиционном официальной точке зрения ключе, представленное в образе данного князя как правителя-преступника, предавшего родную семью (братоубийца), религию и культуру (нечестивый, отступник));

– использование неофициальных прозвищ с уничижительной окраской / кавычек при употреблении закрепившегося в русской историографии прозвищ конкретных правителей (что репрезентирует стремление автора указать на несоответствие данного прозвища «реальной» личности данного деятеля): *Волхв, появившийся в Новгороде при внуке Ярослава Хромого («мудрого»), князе Гле-*

бе, обещал народу в доказательство правильности и превосходства древней религии перейти реку Волхов на глазах у всех как посуху (Добровольский, Волхвы: 18).

3. Контраст (характеристика объекта через его субъективно окрашенное сопоставление с другим объектом, акцентирующая положительные, с точки зрения пишущего, стороны одного и отрицательные — другого). Данная тактика предполагает активное использование приема дифференциации изображаемых объектов по вышеупомянутому принципу «свои — чужие». См.: *Однако наша Идея, хоть и настолько же недоказуема, как и библейское «творение из ничего», все же, во всяком случае, более правдоподобна, научна и философична. И уж, по крайней мере, рисуемая пантеистами картина Мира — логична, целостна, внутренне непротиворечива и гораздо более согласуется с новейшими научными открытиями, чем космогония семитов* (Добровольский 2007: 9) — данный фрагмент содержит сложную манипуляцию, комбинирующую апелляцию: а) к рассудочно-логическому аспекту личности современного читателя, часто отождествляющего понятия научности и истинности (тезис о правдоподобности неоязыческой концепции и ее релевантности актуальному научному знанию); б) к его националистическим чувствам (через упоминание «семитского» генезиса христианской концепции мироустройства).

4. Подмена данных. Этот прием связан с представлением субъективных мнений и непроверенных / заведомо ложных данных как объективных и несомненных фактов. Он ориентирован на замещение одних элементов образа определенного исторического или социального явления другими, выгодными автору текста. Например: *Средневековые демонологи недоумевали: почему женщина настолько больше склонна к чародейству, чем мужчина, что на каждые десять тысяч сожженных ведьм приходится только один колдун?* (Добровольский, Волхвы: 23) — пропозиция данного утверждения включает в себя тезис о колоссальном масштабе преступлений служителей средневековой христианской церкви (сожжение десятков тысяч женщин), данный без какого-либо указания на источник информации и рассчитанный на фоновые знания в целом несведущего в вопросах европейской церковной истории читателя; *В Библии Змей — существо, враждебно относящееся к богу, и доброжелательно — к человеку. И его цудохристиане называют дьяволом и сатаной* (Добровольский 2004: 33) — данный фрагмент содержит: а) утверждение о человеколюбии библейского Змея, что очевид-

ным образом расходится с текстом Священного Писания; б) основывающийся на данном утверждении тезис, представляющий собой, по сути, косвенный речевой акт обвинения (христианства в антигуманности): контекст анализируемого высказывания допускает построение логической цепочки вида «Змей доброжелательно относится к человеку» — «еврействующее христианство демонизирует Змея» — «христианство недоброжелательно относится к человеку».

Частным случаем реализации указанной тактики мы считаем активное использование А. А. Добровольским приема «перетасовки» («подтасовки карт»), предполагающего односторонний характер отбора и репрезентации информации о том или ином объекте: она преподносится либо в исключительно положительном, либо сугубо отрицательном ключе, а все данные, вступающие в противоречие с подобной оценкой, либо игнорируются, либо опровергаются. Так, в исследуемом материале нами не было зафиксировано ни одного положительно окрашенного в семантическом плане текстового фрагмента, связанного с христианством. Напротив, славянское язычество (по крайней мере, в его — по терминологии автора — «исконной», «наивной» форме) и все связанные с ним атрибуты описываются с помощью положительно маркированных языковых средств.

5. Осмеяние. Данная тактика, представляющая собой одно из интенционально ярких и частотных средств дискредитации цели посредством представления различных ее аспектов в уничижительном свете (см., например: [17]), активно используется в публицистике Добровольского; в качестве репрезентантов данной стратегии выступают языковые средства с семей насмешки: *Достоин сожаления, что иные юродствующие «радетели» русского национального единения выдвигают в качестве основы возрождения Отечества столь чуждое славянам мировоззрение, вернее мироотрицание: призывают поклониться «спасителю», приговорившему мир к смерти* (Добровольский 2004: 11) — ироничное использование существительных «радетели» и «спаситель», наделенных в данном случае прямо противоположным их обычной дефиниции значением («невольные противники подлинно национального объединения» и «божество-разрушитель» соответственно); *Тысячу лет назад на Руси полыхали костры, на которых проповедники «любви и милосердия» заживо сжигали Волхвов. Суньте палец в огонь — и вы немного поймете, что значит смерть «без пролития крови»* (Добровольский, Волхвы: 3) — насмешка, имплементируемая по-

средством пропозициональной связи взаимоисключающих понятий: «любовь и милосердие» и «мучительная казнь (сожжение на костре)», что позволяет представить ее смысл в виде утверждения «христианство — религия палачей и лицемеров»; указанный смысл и манипулятивную силу насмешки призвано усилить последующее иронически окрашенное высказывание-рекомендация (*Суньте палец в огонь...*).

Особо отметим такой часто встречающийся в исследуемых работах прием воздействия на читателя, как использование графических средств выделения текста. К числу последних относятся:

1. Различное написание мифонимов и понятий, трактуемых автором как связанные с христианством и с «исконным» славянским язычеством: первые автор всегда пишет со строчной буквы (нередко с использованием кавычек), вторые — с прописной, например: *Очень трудно докопаться хотя бы до ее отголосков, ибо почти всегда изначальная **Языческая** сущность затемнена, загажена и переиначена иудохристианством* (Добровольский, Волхвы: 16), ... *Все христиане признают иудейского Иегову своим **«богом-отцом»** (первым лицом «троицы»)*... (Добровольский 2007: 43) — применяемых, видимо, для усиления эффекта их «десакрализации».

2. Использование только прописных букв при написании отдельных слов и словосочетаний для акцентирования их значения / сакральной сущности: *Истина постигается умом, а ПРАВДА — СЕРДЦЕМ. Это и есть суть того, что называется «тайноведением»* (Добровольский, Волхвы: 17).

3. Использование полужирного шрифта для выделения ключевых тезисов: *Для успешной борьбы с этим злом необходимо осознать не только мировоззренческую несостоятельность иудохристианства: **надо понять всю пагубность этой смертоносной религии, грозящей гибелью всему живому на земле*** (Доброслав 2004: 10) — и т. д.

С помощью перечисленного А. Добровольский акцентирует внимание читателя на ключевых элементах своих умпостроений, формирует определенное отношение к тем или иным выделяемым им объектам реальной / ирреальной действительности и в конечном счете усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

Подытоживая все вышесказанное, отметим следующее. Методика представления Добровольским христианской идеологии и ее носителей тождественна с аналогичной в политическом дискурсе: «Общая логика использования образа Чужого в политике основыв-

вается на таких технологиях, как мифологизация и стереотипизация, дискредитация, унификация, приписывание антиценностей. Особую роль в этом процессе играют клеймение (навешивание ярлыков или использование кличек) или анонимизация (Чужой не имеет собственного имени)» [18, с. 12]. Вышеприведенный анализ демонстрирует, что в процессе утверждения своей мировоззренческой концепции за счет дискредитации идейно-культурных основ христианства труды А. А. Добровольского фактически утрачивают религиозно-публицистический или вероучительный характер и переходят в плоскость политического дискурса: идеолог «родновери» не просто полемизирует с религиозно-мировоззренческой концепцией оппонентов-христиан, но прилагает серьезные усилия для ее откровенной демонизации: «Эффект демонизации заключается в намеренном создании негативного, а еще более желательно — отталкивающего образа оппонента, в результате чего последний выступает во всех своих проявлениях как абсолютное зло» [19, с. 28]. В этом плане воздействующую составляющую текстов Доброслава можно связать с такими выделяемыми отечественными учеными (см.: [20]) разновидностями манипулирования, как запугивание (см. вышеприведенные тезисы о смертоносном характере христианства, его губительности для интеллекта, души и пр.), демонизация, дезинформация. Посредством данных методов фактически реализуется ситуация «контекстуального приравнивания православия к политическим религиозным идеологиям, основанным на насилии (фашизму, нацизму, терроризму, тоталитарным сектам и др.), к психическим заболеваниям» [6, с. 208], что вполне коррелирует с методиками современной нам информационной войны.

Заключение. Проведенное в рамках настоящей статьи исследование позволяет сделать следующие выводы и заключения.

Противодействие христианству (наравне с другими авраамическими религиями) является одной из стержневых интенций публицистического наследия А. А. Добровольского, что обусловлено причинами личного (биографического), религиозно-философского, но в первую очередь политического характера (борьба с доминантной религиозно-философской системой, затрудняющей продвижение националистического «славянского» мифа).

Одним из основополагающих элементов мировоззренческой позиции Доброслава является противопоставление вида «свой (славянин) — чужой (еврей)», которое на религиозно-философском уровне проявляется в оппозиции «истинная религия (славянское языче-

ство) — ложная религия (чужеродное христианство, воспринимаемое Добровольским как итерация иудаизма)». Позиционируя христианство как идеологически чуждую «славянорусам» мировоззренческую систему, Добровольский в своих работах активно и последовательно реализует установку на компрометацию как указанного религиозного учения, так и его последователей. Применяемая для этого речевая стратегия дискредитации (демонизации) в проанализированных нами текстах реализуется с помощью следующих тактик:

1) стигматизации — характеристики конкретного объекта путем интеграции в семантическую структуру его образа негативных смыслов и коннотаций с помощью негативно окрашенных в эмоционально-экспрессивном плане лексем и словосочетаний;

2) инверсии — изменения смысловых полюсов в оценке закрепленных в российском массовом сознании образов, связанных с исторической реальностью;

3) контраста — односторонней (сугубо отрицательной или положительной) характеристики объекта через его субъективно окрашенное сопоставление с другим объектом;

4) подмены данных — представления субъективных мнений и непроверенных / заведомо ложных данных как объективных и несомненных фактов;

б) осмеяния — приема, направленного на дискредитацию цели посредством представления различных ее аспектов в юмористическом ключе.

Следует упомянуть активно используемые А. Добровольским средства графического выделения текста, ориентированные на манипуляцию читательским восприятием (прописные буквы, жирный / полужирный шрифт, кавычки и т. д.).

Анализ содержательного и формального пластов публицистики А. А. Добровольского позволяет сделать вывод, что смысловое ядро различных текстовых фрагментов исследуемых работ, затрагивающих вопросы взаимоотношения христианства и язычества, формируется на основе следующих идейных концептов:

1) «чужеродности и вредоносности христианства» (как религиозного учения и ценностно-регулятивной системы);

2) «язычества как пути возрождения русской нации».

Последовательная языковая имплементация указанных концептов в работах Добровольского (с учетом высокого авторитета данного автора в родноверческой среде), в том числе и посредством вышеуказанных речевых приемов дискредитации, обуслов-

ливают их заметную деструктивную роль в контексте развития родноверческо-православного конфликта, прежде всего проявляющуюся: а) в укреплении и расширении идейной базы дискриминационной политики движений родноверов по отношению к представителям христианского (шире — основанного на исповедании авраамических религий) мировоззрения; б) деформации русской исторической памяти за счет популяризации ряда мифологем, в настоящее время активно транслируемых различными представителями родноверческого движения: мифа о христианстве как орудии культурной войны против славян, как инструменте формирования «рабского менталитета» и др.

Тот факт, что отсылки или прямые ссылки на труды А. А. Добровольского до сих пор можно без труда обнаружить в различных (причем не только родноверческих) пабликах, указывает на их популярность в русскоязычной языческой интернет-среде. В условиях нашего многонационального и многоконфессионального государства — особенно на текущем этапе его истории, требующем всесторонней консолидации нашего общества, — подобный факт, по нашему убеждению, является весьма тревожным симптомом.

Литературные источники

1. Добровольский А. (Доброслав). Волхвы. Б. м., б. г. 79 с.
2. Добровольский А. (Доброслав). Светославие (очерки языческого мироощущения). Киров: Дом печати – Вятка, 2004. 95 с.
3. Добровольский А. (Доброслав). Об идолах и идеалах. Б. м.: Новая Земля, 2007. 89 с.

Список источников

1. Шиженский Р. В. Особенности нового языка («новояза») русских язычников XXI века // Научное мнение. 2017. № 11. С. 25–33.
2. Велеслав. Вещий Словник: Славления родных богов. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. 430 с.
3. Казаков В. С. Именослов. М.: Русская правда, 2011. 240 с.
4. Гаврилов Д. А., Бруталский Н. П., Авдонина Д. Д., Сперанский Н. Н. Манифест языческой Традиции. М.: Ладога-100, 2007. 40 с.
5. Русское языческое мировоззрение: пространство смыслов. Опыт словаря с пояснениями / сост.: Д. А. Гаврилов, С. Э. Ермаков. М.: Ладога-100, 2008. 208 с.
6. Беляева И. В., Куликова Э. Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 22 (160). С. 15–20.

7. Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206–216.
8. Тишков В. А., Шабаев Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 376 с.
9. Пробст Н. А. Коловрат против креста: конфликтная коммуникация между сторонниками неоязычества и православия в интернет-дискурсе // Вестник культурологии. 2023. № 2 (105). С. 215–228.
10. Тульчинский Г. Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. 2022. № 6. С. 9–23.
11. Золян С. Т. Семиозис как диалог между квази-разумами: о незавершенном замысле Чарльза Пирса // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент : сб. науч. ст. / отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2023. С. 40–50.
12. Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). 3-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: Поволжье, 2014. 311 с.
13. Ачкасов В. А., Абалян А. И., Андреев А. А., Никифоров А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2021. 640 с.
14. Tajfel H. Social Categorization, Social Identity and Social Comparison // Differentiation between Social Groups / Taifel H., Ed. London: Academic Press, 1978. Pp. 61–76.
15. Королева Т. А. Лингвистические средства реализации социальной оппозиции «свой — чужой» в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (71). Ч. 2. С. 85–88.
16. Пробст Н. А. Прагмасемантическая деформация идентичности родноверами: фейк в альтернативной картине истории // Политическая наука. 2023. № 3. С. 170–189.
17. Темиргазина З. К., Бачурка М. С. Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 51–57.
18. Морозова Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа другого / чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 121–128.
19. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28–37.
20. Гаврилов Л. А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 89–98.

References

1. Shizhenskij R. V. Features of the new language (newspeak) of Russian pagans of the 21st century. *Nauchnoe mnenie* [The Scientific Opinion]. 2017. No 11. Pp. 25–33. (In Russ.)
2. *Veleslav. Veshchij Slovník: Slavleniya Rodnyh Bogov* [Vernal Dictionary: Glorification of Native Gods.]. Moscow: Institute Obshchegumanitarnykh Issledovanij, 2007. 430 p. (In Russ.)
3. Kazakov V. S. *Imenoslov* [Namesake]. Moscow: Russkaya Pravda, 2011. 240 p. (In Russ.)
4. Gavrilov D. A., Brutal'skij N. P., Avdonina D. D., Speranskij N. N. *Manifest yazycheskoj Tradicii* [The Manifesto of the Pagan Tradition]. Moscow: Ladoga-100, 2007. 40 p. (In Russ.)
5. *Russkoe yazycheskoe mirovozzrenie: prostranstvo smyslov. Opyt slovarya s poyasneniyami* [Russian pagan worldview: the space of meanings. Dictionary experience with explanations]. Edit. D. A. Gavrilov, S. E. Ermakov. Moscow: Ladoga-100, 2008. 208 p. (In Russ.)
6. Belyaeva I. V., Kulikova E. G. Manipulative distortion: the linguistic meaning of euphemisms. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2009. No 22 (160). Pp. 15–20. (In Russ.)
7. Koptina G. A. Speech tactics and techniques of discrediting orthodoxy in the modern information-psychological war (based on the analysis of internet-texts). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2017. No 5 (65). Pp. 206–216. (In Russ.)
8. Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. *Etnopolitologiya: politicheskie funkicii etnichnosti* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 376 p. (In Russ.)
9. Probst N. A. The Colovrat vs the Cross: Conflict communication between neopagans and orthodoxies in internet-discourse. *Vestnik kul'turologii* [Herald of culturology]. 2023. No 2 (105). Pp. 215–228. (In Russ.)
10. Tul'chinskij G. L. Pragmasemantics of digital communications: semantic worldviews, value-regulatory systems and responsibility. *Gosudarstvo I grazhdane v elektronnojsrede* [State and citizens in the electronic environment]. 2022. No 6. Pp. 9–23. (In Russ.)
11. Zolyan S. T. Semiosis as a dialogue between quasi-minds: on Charles Peirce's unfinished project. *Diskurs i yazyk v epohu «bol'shihdannyh»: Variativnost', kreativnost', eksperiment: Sbornik nauchnyh statej* [Discourse and language in the era of "big data": Variability, creativity, experiment: Collection of scientific articles]. Edit. I. V. Zykova. Moscow: R. Valent, 2023. Pp. 40–50. (In Russ.)
12. Shizhenskij R. V. *Filosofiya dobroj sily: zhizn' i tvorchestvo Dobroslava (A. A. Dobrovolskogo)* [The Philosophy of Good Power: the Life and Work of Dobroslav (A. A. Dobrovolsky)]. N. Novgorod: Povolzh'e, 2014. 311 p. (In Russ.)
13. Achkasov V. A., Abalyan A. I., Andreev A. A., Nikiforov A. A. *Etnopoliticheskie konflikty i mobilizaciya v sovremennom mire: postsovetskij kontekst* [Ethnopolitical conflicts and mobilization in the modern world: the post-Soviet

context]. SPb.: Russkaya hristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2021. 640 p. (In Russ.)

14. Tajfel H. Social Categorization, Social Identity and Social Comparison. *Differentiation between Social Groups* / Tajfel H., Ed. London: Academic Press, 1978. Pp. 61–76.

15. Koroleva T. A. Linguistic means to implement social opposition “the native — the outsider” in the political discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2017. No 5(71). P. 2. Pp. 85–88. (In Russ.)

16. Probst N. A. Pragmasemantic deformation of the identity by rodnovers: fake in the alternative historical picture. *Politicheskaya nauka* [Political science (RU)]. 2023. No 3. Pp. 170–189. (In Russ.)

17. Temirgazina Z. K., Bachurka M. S. Speech Acts of Aggressive Character in the Pedagogical Discourse. *Zhanryrechi* [Speech genres]. 2017. No 1 (15). Pp. 51–57. (In Russ.)

18. Morozova E. V. Dehumanization as a technology for forming the image of another / alien in politics. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. 2015. Vol. 10. No 6. Pp. 121–128. (In Russ.)

19. Ivanova S. V. Linguistic resources employed in an information warfare: Demonization effect techniques. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2016. No 5 (59). Pp. 28–37. (In Russ.)

20. Gavrilov L. A. Political discourse in the conditions of information/psychological warfare. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2018. No 2. Pp. 89–98. (In Russ.)

Сведения об авторах

Пробст Никита Артурович, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14)

Шиженский Роман Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией религиозоведческих исследований «Северо-Запад», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14)

Information about the authors

Nikita A. Probst, Candidat of philological sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University (14, Alexander Nevsky Street, Kaliningrad, 236041, Russia)

Roman V. Shizhenskiy, Candidate of historical sciences, assistant professor, head of the laboratory of religious studies «North-West», Immanuel Kant Baltic Federal University (14, Alexander Nevsky Street, Kaliningrad, 236041, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	13.02.2024

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья / Article

УДК 37.378

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-114>

Предпосылки формирования непрерывного профессионального педагогического образования в России в XVII — первой половине XIX в.

**Марина Петровна Герасимова¹,
Мария Николаевна Герасимова²**

¹ Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

² Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж имени И. А. Куратова, Сыктывкар, Россия

¹ gmarinar@yandex.ru; ² mashen_ka_90@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена вопросу становления системы непрерывного профессионального педагогического образования в России. Отмечается, что предпосылки формирования непрерывного профессионального педагогического образования в XVII — первой половине XIX в. легли в основу современной целостной преемственной организации профессионального педагогического образования в разных направлениях. На основе краткого анализа исследований психологов, педагогов и философов показаны основные признаки непрерывности, дана ее характеристика, включающая направленность, целостность и преемственность. Эти характеристики легли в основу рас-*

смотрения в исторической последовательности основных моментов становления системы непрерывного профессионального педагогического образования, выделяются предпосылки ее в России. В заключении статьи приводятся выводы о том, что система непрерывного профессионального педагогического образования в обозначенный период имела линейный тип преемственности с элементами содержательного единства.

Ключевые слова: *непрерывное профессиональное педагогическое образование, целостность, преемственность, предпосылки, подготовка педагогических кадров, вертикальная и горизонтальная интеграция*

Для цитирования: Герасимова М. П., Герасимова М. Н. Предпосылки формирования непрерывного профессионального педагогического образования в России в XVII — первой половине XIX в. // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 114–127. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-114>

Prerequisites for the Formation of Continuous Professional Pedagogical Education in Russia in the XVII — first half of the XIX Centuries

Marina P. Gerasimova¹, Maria N. Gerasimova²

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

² Syktyvkar Humanitarian Pedagogical College named after I. A. Kuratov, Syktyvkar, Russia

¹ gmarinap@yandex.ru; ² mashen_ka_90@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the issue of establishing a system of continuous professional pedagogical education in Russia, which is an aspect of our research. It is noted that the prerequisites for the formation of continuous professional pedagogical education in the 17th — first half of the 19th centuries. formed the basis of the modern holistic successive organization of professional pedagogical education in different discretions. The article, based on a brief analysis of the research by psychologists, educators and philosophers, shows the main signs of continuity and gives its characteristics, including direction, integrity and continuity. These characteristics formed the basis for considering in historical sequence the main points in the formation of the system of continuous professional pedagogical education, and its prerequisites in Russia are highlighted. In conclusion, the article provides conclusions that the system of continuous professional pedagogical education, during the indicated period, had a linear type of continuity with elements of substantive unity.*

Keywords: *continuous professional pedagogical education, integrity, continuity, prerequisites, teacher training, vertical and horizontal integration*

For citation: Gerasimova M. P., Gerasimova M. N. Prerequisites for the Formation of Continuous Professional Pedagogical Education in Russia in the XVII —

first half of the XIX Centuries. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 2: 114–127. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-114>

Актуальность нашего исследования состоит в том, что современное общество ориентировано на постоянное изменение в экономической и социальной сферах. Одним из важных факторов такого развития является образование, а учитель — ключевая фигура этого процесса. Сегодня в России существует проверенная временем система непрерывного педагогического образования, традиции которой необходимо укреплять и развивать.

Рассмотрение предпосылок формирования непрерывного профессионального педагогического образования в России позволяет выяснить истоки, причины, особенности и этапы его возникновения на основе историко-педагогического анализа как метода научного исследования. Полнота представлений о генезисе изучаемой проблемы позволит, с одной стороны, уточнить исходные аспекты о становлении компетентности и профессиональных качеств педагогов, с другой — уточнить реальные практические потребности общества, связанные с изменениями в духовно-нравственной, социальной, производственно-экономической сферах жизни России.

Истоки концепции непрерывного образования можно найти у Аристотеля, Сократа, Платона, Сенеки, Конфуция и других мыслителей древности [1, с. 121]. Идеи непрерывного образования представлены во взглядах Вольтера, Гете, Руссо, которые связывали их с достижением полноты человеческого развития. Первые попытки реализовать идею непрерывности образования были предприняты в XIII–XIV вв. в городах Европы на базе так называемых цеховых школ [2, с. 129]. Основная их задача — обучение грамоте на первом этапе и получение профессии (ремесла) на втором.

По мнению А. И. Пискунова, основателем современных представлений о непрерывном образовании признан Я. А. Коменский, в педагогическом наследии которого содержится идея универсальности образования, которая воплощена в наши дни в концепции непрерывного образования. Смысловое определение понятия «непрерывность» было введено именно им. «Крепким, — писал он, — может быть только то, что тесно связано во всех своих частях». Обучение, считал он, только тогда будет успешным, «если всему будет прочное основание, если указанные основания будут закладываться глубоко; все последующее будет опираться на предыдущее; все связываемое между собой будет связываемо постоянно» [3, с. 296].

Трактовка принципа непрерывного образования, изложенная ЮНЕСКО в 1984 году, включает аспекты сознательного действия человека по приобретению профессиональных знаний, умений и способностей в образовательных учреждениях и в разные периоды жизни за их пределами. При этом исследователи вопроса непрерывности профессионального образования из числа психологов (С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский и др.), педагогов (С. И. Змеев, О. В. Купцов, И. Штурм, П. Ленгранд, Р. Дейв, В. В. Краевский, В. Г. Онушкин, Ю. Н. Кулюткин, В. Г. Осипов, В. Н. Просvirкин, А. А. Дедюхов, А. Я. Наин, А. М. Новиков, С. И. Дворецкий и др.) и философов (И. Ялом, Б. С. Гершунский, М. А. Вейат, О. В. Купцов и др.) отмечают следующие признаки непрерывности:

– разноуровневость и последовательность как объективная необходимость человека оставаться в позиции ученичества в горизонтальном и вертикальном направлениях, связанных с периодическим накоплением и обновлением имеющихся знаний и навыков в процессе обучения, а затем и работы, в той степени, в которой этого требуют постоянно изменяющиеся условия современной жизни;

– системность, целостность и преемственная организация образовательного процесса и логичная взаимосвязь учебного материала на всех этапах обучения для перехода человека на более высокую ступень развития профессиональных способностей, сочлененность в вертикальном направлении, а также интеграция в горизонтальном и «глубинном» направлениях.

Понятие непрерывного профессионального образования трактуется как отсутствие разрывов между взаимосвязанным содержанием программ ступеней и образовательных звеньев профессионального образования, построенных по законам функционирования открытых сложных систем, создающих предпосылки для перехода на новый уровень образования, обеспечивающих непрерывающееся развитие в период всей профессиональной жизни учителя, для реализации эффективной и качественной профессиональной деятельности в ответ на требования и запросы общества и рынка труда (В. В. Краевский, В. Г. Онушкин и Ю. Н. Кулюткин, Е. Н. Жильцов и Н. Н. Оттенберг). Обобщая сходные по своей сути определения понятия «система», предложенные в работах системотехников, возможно принять за основу наиболее простую и четкую его дефиницию: система есть упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое единство, при котором вес отдельных факторов и призна-

ков дифференцируется и определяется в соответствии с особенностями обучения в каждом отдельном звене.

Становление системы непрерывной профессиональной подготовки педагогических кадров в России прошло ряд этапов.

Если в период с X до начала XVII вв. наблюдалось лишь создание отдельных, не связанных между собой образовательных организаций разных ступеней, то период с XVII до первой половины XIX в. в России решались вопросы создания системного педагогического образования. Именно в этот период появляются предпосылки создания непрерывного профессионального педагогического образования, выраженные как в выстраивании звеньев системы педагогического образования, так и в реализации одного из принципов непрерывности — преемственности, когда появляется возможность перехода с одной ступени профессионального образования на другую для освоения нового знания.

Исследователи (М. П. Войтеховская, Ф. Г. Паначин, М. Г. Плахова, Н. Г. Калиникова и др.) считают, что для осуществления реформ в стране Петру I требовались специалисты, что и определило развитие образования, для осуществления которого требовались квалифицированные учителя. Для подготовки учителей в Москве Петром I была создана профессиональная Школа математических и навигационных наук, где обучающиеся изучали русскую грамоту, математику, астрономию, геодезию, географию и навигацию. Часть из выпускников направлялась в «цифровые школы», обеспечивающие начальное обучение математике, геометрии и географии. Архиерейские школы вели подготовку учителей для низших духовных училищ [4, с. 22–23]. С появлением профессиональных школ в эпоху Петра I начинает формироваться одно из звеньев профессионального педагогического образования — начальное профессиональное педагогическое образование.

Первым шагом к реализации преемственности в непрерывной подготовке педагогических кадров и централизации подготовки педагогических кадров можно считать учреждение в России в 1724 году Академии наук с четырьмя направлениями подготовки (научно-исследовательское, технико-прикладное, культурно-просветительское, педагогическое) и созданными при ней Академическим российским университетом с тремя факультетами (юридическим, медицинским и философским) и Академической гимназии (первое общеобразовательное среднее учреждение) [5, с. 77]. Эти учреждения объединились в Академический комплекс. В этой

связи мы прослеживаем построение 3-го уровня педагогического образования, напоминающее одну из характеристик непрерывности — преемственность, т. е. приспособление программ и методик к конкретным задачам, специфичным для каждого образовательного учреждения в ее вертикальной интеграции. При этом Академическая гимназия готовила обучающихся для продолжения обучения в Академическом университете, после окончания которого лучшие студенты становились адъюнктами Академии, что соответствовало основному ее направлению деятельности — подготовке национальных кадров, в том числе и педагогических.

Предпосылки непрерывной и преемственной подготовки учителей, попытки построения целостной системы на уровне горизонтальной интеграции содержания образования исследователи (М. П. Войтеховская, Н. Г. Калиникова, П. Н. Милуков и др.) также связывают с деятельностью «Комиссии об устройстве Народных училищ» (1782 г.), которая утвердила учебный план заведений по подготовке педагогических кадров. В 1783 году в Санкт-Петербурге, а затем по велению Екатерины II во всех губерниях и областях были открыты главные народные училища с тремя типами образования (малые, средние, главные), содержащиеся за счет государства. Малые народные училища с двумя классами подготовки и средние народные училища с тремя классами подготовки обеспечивали общеобразовательную подготовку учащихся, которые могли перейти для обучения в главных народных училищах. Главные народные училища с четырьмя и пятью годами обучения включали изучение истории (всеобщей и русской), подробного курса географии и естественной истории, географии, российской грамматики с упражнениями по деловому письму, основания геометрии, механики, физики, гражданской архитектуры и рисования. Начиная с 1-го класса всем желающим преподавались языки: латинский и один из новейших. Под руководством преподавателей университетов желающие могли подготовиться к должности учителя малых народных училищ, где на практике и в теории изучался курс методики обучения и вырабатывался «способ учения». После окончания главного училища с правом преподавания в низших школах можно было продолжить обучение в университете. Деятельность «Комиссии об устройстве народных училищ» совместно с главным народным училищем часто связывают и с работой аттестационной комиссии, поскольку преподаватели должны были сдавать экзамен на право заниматься этой деятельностью. Таким образом, была создана своеобразная разноуровневая система непрерыв-

ной подготовки учителей, включающая несколько горизонтальных (малые, средние училища с общеобразовательной подготовкой и главные училища с начальной педагогической подготовкой) и вертикальных звеньев (главные училища и университеты / аттестационная комиссия).

Отдельные предпосылки формирования непрерывного профессионального педагогического образования наблюдались и в годы правления Елизаветы Петровны, когда в 1755 году в Москве был создан Московский университет, а при нем две гимназии для подготовки поступления в университет. Учителей для гимназий подготавливали также при университетской семинарии («Бакалаврский институт»), преобразованной в 1804 году в Учительский институт. В этой связи наблюдается преемственность между ступенями обучения на уровне методологии, содержания и применяемой методики обучения. Часть студентов Московского университета имела статус «гимназических информаторов», а при университетской гимназии — «старших учащихся», которые напрямую готовились к педагогической деятельности, совершая движение по вертикали профессионального образования. Другая часть выпускников университета — «казеннокоштные», не имея специального профессионального педагогического образования, приобретала его по желанию в процессе практического педагогического опыта или самообразования, что связано с мотивацией и готовностью реализовать свою траекторию развития в процессе непрерывного профессионального образования [6, с. 25].

Поскольку понятие «непрерывное образование» тесно примыкает к понятию «возобновляющееся образование», означающее чередование образования с другими видами деятельности, главным образом с работой, можно говорить о том, что Московский университет не только интегрировал в себе разные формы педагогического образования, но и был связан с периодическим накоплением и обновлением имеющихся знаний и навыков в той степени, в которой этого требовали постоянно изменяющиеся условия жизни. В нем проходила аттестация домашних иностранных учителей и держателей воспитательных пансионов.

В связи с промышленным развитием России, созданием школ для города и села в годы правления Екатерины II подготовка учителей значительно выросла. В 1786 году был издан «Устав народных училищ», в котором были сформулированы государственные требования к учителю, акцентировалось внимание не только на об-

учении, но и воспитании, введении классно-урочной системы обучения. Учитель должен был воспитывать детей, а значит, «обладать христианским благочестием, добронравием, учтивостью, прилежанием... и снисходительностью к детям. Должность учительская обязывает наипаче стараться быть искусным в том, чему детей обучать...» [7, с. 162–165].

Прообразом непрерывного профессионального педагогического образования трех ступеней в 1775 году становятся Славяно-греко-латинская академия в Москве и Киевская академия, которые явились первыми в России высшими образовательными учебными учреждениями непедagogического профиля, подготавливающими профессиональных учителей. Академии включали получение высшего образования, среднего образования в семинарии при Академии, а также предпрофессионального образования в школе. Будущим учителям преподавали чтение, грамматику, письмо на трех языках, риторiku, краткую физику, политику, философию и богословие. При академиях существовали «приготовительные» отделения, составляющие первую ступень профессионального педагогического образования. Важной инноватикой стало открытие Ф. И. Янковичем в 1783 году в Санкт-Петербурге при Главном народном училище учительской семинарии, подготавливающей учителей для народных училищ. Там велась подготовка по двум направлениям (историческому и математическому), углубленное изучение курса педагогики, была организована практика пробных уроков в нижних и малых народных училищах, на основании которой выдавались аттестаты. Уже с 1782 года в семинарии проходили преподавательскую переподготовку 20 обучающихся из Александровской семинарии [8, с. 31].

К периоду царствования Александра I профессиональное педагогическое образование включало в себя несколько звеньев (университеты, гимназии и семинарии), которые еще не были объединены в систему, решающую вопросы непрерывного педагогического образования. В этой связи профессиональное педагогическое образование в этот период если и не рассматривается еще как непрерывная система образовательных организаций разного уровня, но уже решает вопрос формирования отдельных ее звеньев с селекцией содержания образования на каждом уровне.

Первые шаги в направлении построения непрерывного профессионального педагогического образования в России на разных уровнях, с целями и задачами обучения, которые обусловлены запроса-

ми общества и государства, были предприняты в 1804 году. Тогда в Санкт-Петербурге на основе «Устава учебных заведений, подведомственных университетам» появляется первый в империи педагогический институт, преобразованный из учительской семинарии Московского университета и готовивший учителей для училищ и гимназий. Это было своего рода первое учебное заведение, которое специализировалось именно на подготовке педагогических кадров. Срок обучения был определен в 6 лет, позднее — в 5, а затем в 4 года. Студентами института становились выпускники Московского университета при условии успешной сдачи устного и письменного испытаний, после чего определялась специализация на отделения: математическое, естественное, филологическое, историческое. За счет государственной казны студенты получали вторую университетскую степень. На первых двух курсах обучающиеся изучали дисциплины по специальностям и наставления «в искусстве преподавания наук ясным и систематическим образом» [9, с. 34], на последующих двух курсах осваивали педагогику. Для получения педагогического образования студенты знакомились с теорией педагогики, содержанием школьных дисциплин, дидактикой, методикой преподавания и проходили учебную практику (присутствовали на занятиях, сами давали пробные уроки, готовили наглядные пособия, вместе с учениками отмечали наиболее значительные для российской культуры события и устраивали праздничные мероприятия). Также в целях организационно-педагогического наблюдения в нем собирались сведения о выпускниках других педагогических институтов, созданных при университетах для рационального их распределения. Выпускники института работали учителями в гимназиях, которые, в свою очередь, вели подготовку учителей для начальной школы. Позже в Московском, Петербургском, Казанском, Харьковском, Виленском и Дерптском университетах были открыты педагогические институты с изучением дисциплин, имеющих отношение к предметам преподавания в гимназиях.

С 1816 года уже Главный педагогический институт помимо учителей училищ и гимназий готовил высококвалифицированных педагогов для университетов — магистров, адъюнктов, профессоров. В первые два года на «начальном курсе» изучали основы фундаментальных наук, за исключением медицинских. После сдачи экзаменов переводились на курс «высших наук» и получали статус студентов на одном из факультетов (философских и юридических наук, физических и математических наук, исторических и словесных наук).

Последний год обучения был посвящен наставлению в «педагогии» (методе преподавания) [10, с. 216]. В 1817 году для подготовки учителей для уездных и приходских училищ при Главном педагогическом институте учреждается Учительский институт второго разряда с четырехлетним сроком обучения. В институт принимали подростков 12–14 лет, преимущественно из семей уездных учителей. Учащиеся знакомились на уроках преподавателей-предметников с основами дидактики, педагогики и психологии. С 1838 года в институт второго разряда принимаются выходцы из свободных сословий в возрасте 16–18 лет, умеющие читать и писать, знающие краткий катехизис и первые четыре правила арифметики [11, с. 21].

Таким образом, с появлением педагогического института в России система непрерывного профессионального педагогического образования стала охватывать сразу три уровня и была нацелена на движение «вперед»: среднее профессиональное педагогическое образование, высшее профессиональное педагогическое образование и постпрофессиональное педагогическое образование (повышение квалификации).

Сказывающийся острый дефицит учителей в России вынудил С. С. Уварова в 1843 году указать в докладной записке Николаю I на необходимость специальной подготовки учителей для всех видов школ с учётом уровней образования и предложить расширить сеть средних и высших педагогических учебных заведений. Однако эта докладная записка была проигнорирована. И, несмотря на то, что выпускники Учительского института второго разряда получали хорошее по тем временам педагогическое образование и были востребованы, уже в 1847 году он был закрыт. Развитие непрерывного профессионального педагогического образования тормозилось убеждением правительств в том, что с подготовкой учителей могут справиться гимназии и университеты, а также необходимостью ужесточения контроля за содержанием образования. В 1859 году все педагогические институты университетов были закрыты [4, с. 31–40].

Учительские семинарии того времени, деятельность которых регулировалась «Положением об учительских семинариях 1807 года», в России являлись наиболее распространенными средними педагогическими заведениями. Они имели цель «дать педагогическое образование молодым людям всех сословий, православного исповедания, желающим посвятить себя учительской деятельности в начальных училищах» [8, с. 75].

Рассматривая непрерывное педагогическое образование как систему, охватывающую несколько уровней подготовки с собствен-

ным на каждом уровне содержанием образования, можно выделить еще один ее элемент — педагогические курсы. В 1858 году, в годы царствования Александра II, для решения вопроса подготовки учителей открываются педагогические курсы с двухгодичным сроком обучения и пятью профилями подготовки по специальностям, организованные на основе «Положения об окружных педагогических курсах». Обязательным на них было изучение курса педагогики с дидактикой, проведение одной пробной лекции, написание выпускной квалификационной работы, представление двух сочинений научного и педагогического характера. При этом лучшие выпускники переходили на должности бакалавров и доцентов в университеты, остальные, в зависимости от учебных успехов, разделялись на учителей средних учебных заведений и учителей уездных училищ с правом последующего перевода на работу в гимназии на основе дополнительного конкурса и обязаны были отслужить в образовательных организациях не менее 6 лет [12, с. 317].

Открытие педагогических курсов способствовало то, что решающим для правительства стал экономический фактор, когда казны они обходятся дешевле, а отдача в виде подготовленных специалистов — быстрее.

Однако педагогические курсы любой продолжительности критиковались многими учеными того времени, среди которых был Н. И. Пирогов. В частности, он говорил о том, что такие курсы являются нерадикальным решением и полумерой, и обращал внимание на необходимость проведения практики в школах, изучения педагогики и психологии и отработки методик преподавания.

Последующие попытки открытия педагогических институтов были, к сожалению, малоудачны. Так, например, известна Петербургская педагогическая академия (с 1908 года), открытая Лигой образования, которая, просуществовала на пожертвования всего 8 лет, а также Московский городской народный университет имени А. Л. Шинявского, где даже не выдавали выпускникам документа.

Обращаясь к одному из признаков непрерывности, последовательности получения образования, на наш взгляд, можно говорить о том, что одним из образцов непрерывного педагогического образования в России стали «французские» классы для подготовки гувернанток и домашних учительниц, открытые по инициативе императрицы Марии Федоровны в 1808 году в Петербургском воспитательном доме. При этом первую ступень педагогического образования представляли Институты благородных девиц, педагогические классы в гимназиях и женских епархиальных училищах. Вто-

рой ступенью был Женский педагогический институт, организованный в 1911 году и просуществовавший до 1917 года, со сроком обучения 4 года, куда принимали выпускниц Институты благородных девиц и гимназий.

Таким образом, в описываемый нами период в России подготовка учителей зависела от социально-экономических запросов страны и типов образовательных учреждений, большая часть которых представлена учреждениями среднего профессионального образования. Существовали лишь предпосылки становления непрерывного профессионального педагогического образования, опирающиеся на попытки создания национальной государственной системы народного просвещения. Реальной непрерывности в профессиональном педагогическом образовании возможно достичь лишь путем создания системы связанных друг с другом учреждений, создающих пространство педагогического образования, обеспечивающих взаимосвязь и преемственность программ, способных удовлетворять запросы и потребности населения. В России же этого периода создавались лишь отдельные звенья системы профессионального педагогического образования с признаками непрерывности в части разноуровневости и последовательности. Непрерывное профессиональное педагогическое образование в России в этот период представляло собой линейный тип преемственности с элементами содержательного единства на каждом уровне профессионального педагогического образования.

Список источников

1. Джуринский А. Н. История зарубежной педагогики : учебное пособие для вузов. М.: Форум-Инфра-М, 1998. 272 с.
2. Мялкина Е. В. Анализ развития системы непрерывного профессионального образования в России и за рубежом // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2019. Т. 16. № 3 (43). С. 128–139.
3. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века : учебное пособие для педагогических учебных заведений / под общ. ред. акад. А. И. Пискунова. 3-е изд., испр. и доп. М.: ТЦ «Сфера», 2007. 496 с.
4. Войтеховская М. П. История педагогического образования в России : учебное пособие. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 2013. Ч. I. 212 с.
5. Каменская Ю. А. К вопросу об использовании европейского опыта в период становления российской системы образования // Власть. 2007. № 2. С. 75–79.

6. Гриценко А. И. Казеннокоштные студенты московского университета второй четверти XIX века как социальная группа // Человеческий капитал. 2022. № 8 (164). С. 25–27.

7. Устав народных училищ // Хрестоматия по истории педагогики : в 5 т. / сост. Н. А. Желваков М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1938. Т. 4. Ч. 1. С. 162–165. URL: https://archive.org/download/ru_educ_hist_1 (дата обращения: 28.03.2024).

8. Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в России. М.: Педагогика. 1979. 215 с.

9. Красновский А. А. Педагогические идеи Н. И. Пирогова. М.: Учпедгиз, 1949. 194 с.

10. Авдеева Т. К. Эволюция педагогического образования в России в XIX — начале XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2 (46). С. 213–219.

11. Поздняков А. Н. Государственная политика по формированию и развитию педагогического образования в России первой четверти XIX века // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2018. № 1. С. 18–22.

12. Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века / под ред. В. Г. Пискунова. М.: Педагогика, 1976. 600 с.

References

1. Dzhurinsky A. N. *Istoriya zarubezhnoy pedagogiki : uchebnoye posobiye dlya vuzov* [History of foreign pedagogy : textbook for universities]. Moscow: Publishing group "Forum"—"Infra-M". 1998. 272 p. (In Russ.)

2. Myalkina E. V. Analysis of the development of the system of continuous professional education in Russia and abroad. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya Psikhologo-pedagogicheskiye nauki* [Bulletin of the Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences]. 2019. Vol. 16. No 3 (43). Pp. 128–139. (In Russ.)

3. *Istoriya pedagogiki i obrazovaniya. Ot zarozhdeniya vospitaniya v pervobytnom obshchestve do kontsa XX veka : uchebnoye posobiye dlya pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [History of pedagogy and education. From the origins of education in primitive society to the end of the 20th century : a textbook for pedagogical educational institutions]. Ed. acad. A. I. Piskunov. Moscow: Sphere shopping center, 2007. 496 p. (In Russ.)

4. Voitekhovskaya M. P. *Istoriya pedagogicheskogo obrazovaniya v Rossii: uchebnoye posobiye. Chast' I* [History of pedagogical education in Russia: textbook. Part I]. Tomsk: Publishing house of Tomsk State Pedagogical University, 2013. 212 p. (In Russ.)

5. Kamenskaya Yu. A. On the issue of using European experience during the formation of the Russian education system. *Vlast' [Power]*. 2007. No 2. Pp. 75–79. (In Russ.)

6. Gritsenko A. I. Kazennokoshtnye students of Moscow University in the second quarter of the 19th century as a social group. *Chelovecheskiy kapital* [Journal of Human Capital]. 2022. No 8 (164). Pp. 25–27. (In Russ.)

7. *Ustav narodnykh uchilishch. Khrestomatiya po istorii pedagogiki* [Charter of public schools. Reader on the history of pedagogy]. In 5 volumes. Vol. 4. Part 1. Comp. N. A. Zhelvakov. Moscow: State. textbook - ped. publishing house, 1938. Pp. 162–165. Available at: https://archive.org/download/ru_educ_hist_1 (accessed: 28.03.2024) (In Russ.)

8. Panachin F. G. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. Moscow: Pedagogy, 1979. 215 p. (In Russ.)

9. Krasnovsky A. A. *Pedagogicheskiye idei N. I. Pirogova* [Pedagogical ideas of N. I. Pirogov]. Moscow: Uchpedgiz, 1949. 194 p. (In Russ.)

10. Avdeeva T. K. The evolution of pedagogical education in Russia in the 19th — early 20th centuries". *Uchenyye zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Scientific notes of the Oryol State University. Series: humanities and Social Sciences]. 2012. No 2 (46). Pp. 213–219. (In Russ.)

11. Pozdnyakov A. N. State policy on the formation and development of pedagogical education in Russia in the first quarter of the 19th century. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations]. 2018. No 1. Pp. 18–22. (In Russ.)

12. *Ocherki po istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. Vtoraya polovina XIX veka* [Essays on the history of school and pedagogical thought of the peoples of the USSR. Second half of the 19th century]. Ed. V. G. Piskunov. Moscow: Pedagogy. 1976. 600 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Герасимова Марина Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, 55)

Герасимова Мария Николаевна, преподаватель, Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж имени И. А. Куратова (167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, 24)

Information about the authors

Marina P. Gerasimova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Maria N. Gerasimova, teacher, Syktyvkar Humanitarian and Pedagogical College named after I. A. Kurastov (24, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

17.01.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

02.02.2024

Принята к публикации / Accepted for publication

23.03.2024

Научная статья / Article

УДК [811.124 + 811.111 + 811.112.2 + 811.161.1], 811.11-112, [372.881.111.1 + 372.881.111.22]

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-128>

**Систематизация слов индоевропейского происхождения
в латинском, русском, английском и немецком языках
по тематическому принципу как способ формирования
полиязыковой личности на начальном этапе подготовки
учителей иностранных языков¹**

Жанна Кимовна Гух¹, Екатерина Владимировна Власкина²

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

¹zhanna_guh@mail.ru; ²vlaskina29012004@icloud.com

***Аннотация.** Для становления грамотного специалиста в области преподавания иностранных языков большое значение имеет не только овладение практическими иноязычно-речевыми навыками, но и формирование научного подхода к изучаемым языкам. Это становится возможным уже на начальном этапе обучения в рамках курса «Латинский язык и античная культура». В условиях изменившейся методической действительности материал лексического минимума в учебнике латинского языка под редакцией В. Н. Ярхо и В. И. Лободы становится связующим звеном на пути получения теоретических знаний о сходстве в области общеиндоевропейской лексики четырёх языков: латинского, русского как исходного у обучающихся и двух изучаемых германских языков. Цель исследования — систематизация слов индоевропейского происхождения в латинском, русском, английском и немецком языках по тематическому принципу на основе лексического минимума учебника по латинскому языку и этимологических словарей. В работе используются метод сплошной выборки из лексического минимума учебника «Латинский язык», анализ словарных статей этимологических словарей, количественный анализ, этимологический анализ. Исследование общеиндоевропейской лексики в латинском, русском, английском и немецком языках показывает: а) обширный пласт лексики, заложенной ещё в глубокой древности и обнаруживающей большую устойчивость во всех четырёх языках; б) количественное преобладание этимологических параллелей во всех четырёх языках (48 %); в) достаточно большое количество индоевропейских параллелей в латинском, английском и немецком*

© Гух Ж. К., Власкина Е. В., 2024

¹ Материал публикуется в рамках XVI Международной научной конференции «Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога», 29–30 ноября 2023 года, г. Сыктывкар.

языках (22 %), что позволяет более сознательно изучать современные германские языки с опорой на латинский и с проведением связей между этими языками; з) антропоцентричный характер индоевропейской лексики; д) разнообразие тематических групп индоевропейской лексики и разную степень прозрачности между родственными словами сравниваемых языков; е) две основные причины лакун в сопоставляемых словах индоевропейского происхождения. Проведённое впервые исследование индоевропейской лексики четырёх языков из перспективы латинского способствует формированию полиязыковой личности уже на начальном этапе подготовки будущих учителей иностранных языков.

Ключевые слова: полиязыковая личность, учитель иностранных языков, слова индоевропейского происхождения в латинском, русском, английском и немецком языках, тематическая группа

Для цитирования: Гух Ж. К., Власкина Е. В. Систематизация слов индоевропейского происхождения в латинском, русском, английском и немецком языках по тематическому принципу как способ формирования полиязыковой личности на начальном этапе подготовки учителей иностранных языков // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 128–145. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-128>

Systematization of Words of Indo-European Origin in Latin, Russian, English and German on a Thematic Basis as a Way of Forming a Multilingual Personality at the Initial Stage of Training Teachers of Foreign Languages

Zhanna K. Gukh¹, Ekaterina V. Vlaskina²

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹zhanna_guh@mail.ru; ²vlaskina29012004@icloud.com

Abstract. *For the formation of a competent specialist in the field of teaching foreign languages it is of great importance not only to master practical foreign language and speech skills but also to develop a scientific approach to the languages studied. It becomes possible already at the initial stage of studying in the framework of the course “Latin Language and Ancient Culture”. In the conditions of changed methodological reality the material of the lexical minimum in the textbook of the Latin language edited by V. N. Yarkho and V. I. Loboda becomes a link on the way obtaining theoretical knowledge about the similarity in the field of common Indo-European vocabulary of four languages: Latin, Russian as the source language for students and two Germanic languages studied. The purpose of this study is to systematize words of Indo-European origin in Latin, Russian, English and German along thematic lines based on the lexical minimum of the textbook of the Latin language and etymological dictionaries. The paper uses the method of continuous sampling from the lexical minimum of the textbook “Latin Language”, analysis of dictionary entries of etymological dictionaries, quantitative analysis, etymologi-*

cal analysis. A study of the common Indo-European lexicon in Latin, Russian, English and German on different bases shows a) an extensive stratum of vocabulary laid down in ancient times and revealing great stability in all four languages; b) a quantitative predominance of etymological parallels in all four languages (48 %); c) quite a large number of Indo-European parallels in Latin, English and German languages (22 %) which makes it possible to study modern Germanic languages more consciously with reference to Latin and with drawing connections between these languages; d) anthropocentric nature of common Indo-European words; e) the variety of thematic groups of Indo-European lexis and different degrees of transparency between related words of the compared languages; f) two main reasons for lexical gaps in comparing words of Indo-European origin. The study of Indo-European vocabulary in four languages conducted for the first time from the perspective of the Latin language contributes to the formation of a multilingual personality already at the initial stage of training future teachers of foreign languages.

Keywords: *a multilingual personality, a teacher of foreign languages, words of Indo-European origin in Latin, Russian, English and German, a thematic group*

For citation: Gukh Zh. K., Vlaskina E. V. Systematization of Words of Indo-European Origin in Latin, Russian, English and German on a Thematic Basis as a Way of Forming a Multilingual Personality at the Initial Stage of Training Teachers of Foreign Languages. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 2: 128–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-128>

Введение. Поступив в Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, будущие учителя иностранных языков изучают два языка: английский и один из трёх языков: немецкий, французский или испанский. Традиционно обучение студентов начинается с дисциплины «Латинский язык и античная культура» (ранее — «Латинский язык»). Вместе с тем методическая действительность (термин Б. П. Годунова [1, с. 24]), определяющаяся многими факторами (социальный заказ общества на профессию учителя, предмет и содержание обучения, условия обучения, уровень общего и интеллектуального развития обучающихся, уровень владения иностранным языком и др.), значительно изменилась. В рамках специалитета один язык изучался как основной с первого по пятый год обучения с классическим набором практических и теоретических дисциплин, а обучение второму языку шло на третьем – пятом курсах исключительно в практическом плане. На бакалавриате студенты обучаются обоим языкам, начиная с первого курса (английский язык — с первого семестра, второй язык — со второго), и наряду с практическими дисциплинами проходят теоретические дисциплины по обоим языкам. По этой и другим объективным причинам (введение новых ФГОС и связанное с этим увеличение количе-

ства часов на неязыковые дисциплины, на разные виды практик) в институте иностранных языков отказались от некоторых теоретических курсов.

К примеру, актуальным учебным планом будущих учителей английского и немецкого языков такие теоретические дисциплины, как «Введение в германскую филологию», «История немецкого языка» и «История английского языка», не предусмотрены. Отсюда следует, что студенты изучают языки: а) без теоретического знакомства с характерными чертами группы германских языков в составе индоевропейской языковой семьи и с отличительными особенностями обоих германских языков в сопоставительном аспекте, б) лишь в синхронном срезе, что не позволяет теоретически осмыслить явления и категории изучаемых языков в их исторической обусловленности, в установлении закономерностей их развития. Таким образом, теряется связующее звено, способствующее более тонкому активному овладению современными языками и более осознанному становлению полиязыковой личности.

Б. П. Годунов утверждал, что «языковая личность — это человек, взаимодействующий с социумом с помощью языка. <...> Полилингв — это иная языковая личность, способная к более совершенному мировосприятию, структурирующая мир более разнообразно и готовая осмысливать его разными способами» [2, с. 14]. Формирование полилингвистической личности было целью функционально-познавательного подхода (ФПП) к организации образовательного процесса по иностранным языкам на факультете иностранных языков, а исходным положением ФПП является единство лингвовербальных актов и познавательных процессов [1, с. 8]. Подчеркнём ещё два важных положения ФПП, актуальных при подготовке учителей иностранных языков и сегодня. Первое положение состоит в том, что обучающиеся овладевают иностранным языком ради обучения других и профессионально значимые качества следует формировать с начала обучения. Говоря словами Б. П. Годунова, выпускник «должен знать и мочь значительно больше того, что записано в школьной программе» [1, с. 25]. Вторая закономерность заключается в «комплексном иноязычно-речевом и страноведческо-филологическом образовании студентов», а вытекающий отсюда принцип предполагает «развитие способности делать переносы в теоретические знания фактов из речевой практики, с одной стороны, и оречевлять иноязычными средствами получаемые теоретические сведения, с другой» [Там же].

Итак, учитывая изложенную выше изменившуюся методическую действительность, зададимся вопросом, какой вклад в формирование лингвистического мышления и полилингвистической личности может внести дисциплина «Латинский язык и античная культура». Иначе говоря, как помочь студентам научиться делать переносы из языковой практики (а в рамках курса по латинскому языку мы можем говорить только о языковой, а не речевой практике) в теоретические знания о языке и языках и как проложить мостик к теоретическим знаниям по изучаемым иностранным языкам.

Как показывает практика преподавания латинского языка, формированию лингвистического мышления и полилингвистической личности способствует работа по учебнику под редакцией В. Н. Ярхо и В. И. Лободы. Этот учебник предназначен для студентов педагогических вузов, т. е. для будущих учителей. В предисловии к учебнику авторский коллектив отмечает, что латинский язык является специальной лингвистической дисциплиной, призванной «не только расширить общелингвистический кругозор учащихся, но и содействовать выработке у них научного подхода к изучаемому современному иностранному языку» [3, с. 3]. В соответствии с этим учебник содержит не только систему латинской грамматики в сопоставлении с грамматическими явлениями современных иностранных языков (французского, английского и немецкого), но и необходимый лексический минимум, в состав которого включены наиболее употребительные слова латинского языка, преимущественно непроизводные, являющиеся в то же время особенно продуктивными в образовании словарного состава современных иностранных языков и «интернациональной» терминологии [Там же]. К словам лексического минимума (в отличие от словаря) линейно наряду с переводом даются соответствующие родственные слова из новых языков и заимствования из латинского в новых языках.

Несмотря на то что немецкий язык для большинства ещё *terra incognita*, обучающиеся англо-немецкой группы предвосхищают начало его изучения во втором семестре и регулярно самостоятельно работают над материалом лексического минимума в качестве домашних заданий. Они оформляют его в предложенную преподавателем таблицу «Латинское слово и его лексические параллели в русском, английском и немецком языках» и на практике формируют понятие о родстве языков и заимствованиях. Заполняя таблицу, студенты разграничивают два важных понятия и наглядно обнаруживают, что один и тот же латинский корень может встречаться как в родственных ему словах, имея с ними происхождение из одного ис-

точника — индоевропейского праязыка, так и в словах, заимствованных новыми языками из латинского позже. Проводя эту достаточно кропотливую аналитико-поисковую работу, обучающиеся развивают наблюдательность, внимательное отношение к языковым фактам, аналитические способности, делают первые открытия, испытывают при этом разные чувства (удивления, растерянности, дискомфорта, радости и др.).

Цель исследования. Настоящая статья представляет результаты индивидуального исследования, проведённого студенткой Е. В. Власкиной под руководством преподавателя. Целью исследования является количественно-качественный анализ этимологических параллелей и выделение тематических групп родственных слов латинского, русского, английского и немецкого языков на основе лексического минимума учебника по латинскому языку и этимологических словарей.

Методология исследования. Поставленная цель предусматривает индуктивно-дедуктивный путь познания объекта и определила комбинацию эмпирических и теоретических методов исследования. Метод сплошной выборки из лексического минимума учебника «Латинский язык» подкреплён целенаправленным наблюдением, количественным анализом, сравнением. Теоретический уровень познания включает в себя анализ лингвистической литературы, словарных статей этимологических словарей, систематизацию и интерпретацию полученных результатов.

При исследовании родственных слов из четырёх языков мы обратились к работам известных отечественных лингвистов в области германских языков: Н. И. Филичевой, В. М. Жирмунского, О. И. Москальской, авторского коллектива учебника «Введение в германскую филологию». Для пополнения списка индоевропейских параллелей использовались этимологические словари: этимологический словарь немецкого языка Вольфганга Пфайфера¹, этимологический словарь современного немецкого языка М. М. Маковского [4], этимологический онлайн-словарь русского языка Г. А. Крылова², этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера³.

¹ Wolfgang Pfeifer et al., *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen* (1993), digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (дата обращения: 10.04.2023).

² Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г. А. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 02.04.2023).

³ Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 02.04.2023).

Ход, результаты исследования и их обсуждение. Рассматриваемые нами языки относятся к индоевропейской семье и образованы от одного праязыка. Индоевропейская семья состоит из отдельных ветвей, распадающихся на группы более тесно связанных друг с другом языков. Так, латинский язык — представитель романской ветви индоевропейской семьи, русский язык относится к восточнославянской группе славянской (или шире: балто-славянской) ветви, а английский и немецкие языки — западногерманские языки германской ветви. Сравнительно-историческим языкознанием было установлено, что языки индоевропейской семьи объединяются по сходству в области лексики, фонетики и грамматики. Древнейший слой лексики составляет общеиндоевропейская лексика – «слова, засвидетельствованные во всех или в нескольких индоевропейских языках и унаследованные этими языками от эпохи индоевропейской общности» [5, с. 326]. Именно сходство в области общеиндоевропейской лексики, обозначающей «устойчивые реалии» [6, с. 129], составляет предмет настоящего исследования.

Мы изучили 27 разделов учебника, содержащих лексический минимум, и оформили индоевропейские параллели в таблицу.

Таблица 1

Латинское слово и родственные ему слова в русском, английском и немецком языках на основе лексического минимума учебника «Латинский язык» (пример оформления материала)

<i>Латинское слово</i>	<i>Родственное слово</i>		
	<i>в русском</i>	<i>в английском</i>	<i>в немецком</i>
lingua, f 'язык'		tongue	Zunge, f
vinco 'побеждать'			sich weigern 'сопротивляться'
clamo (1) кричать'	колокол		Hall, m 'звук, отзвук'
decem 'десять'	десять	ten	zehn

Подсчет латинских слов как исходных при установлении индоевропейских параллелей в целом и подсчет по отдельным частям речи выявил следующее: среди 155 латинских слов преобладают имена существительные — 61, что составляет 39 %, на втором месте находятся глаголы — 50, что составляет 32 %, третье место занимают местоимения — 16, что равно 10 %. На долю этих трёх частей речи выпадает, таким образом, 81 % всех отобранных слов.

Численное преобладание имён существительных связано с обозначением ими предметов в широком смысле слова: предметов и людей, явлений природы, окружающей среды в целом. Остальные 19 % представлены прилагательными (7 %), числительными и наречиями (по 4 %), предлогами (3 %) и одной частицей (1 %).

При анализе полученных данных мы обнаружили «пустоты», т. е. не каждое латинское слово имело этимологические параллели во всех трёх языках. Для того чтобы убедиться, что эти лакуны действительно существуют и существовали уже на более ранних этапах развития рассматриваемых языков или, напротив, могут быть восполнены, мы обратились к этимологическим словарям и оформили результаты в новой таблице (см. табл. 2).

Таблица 2

**Латинское слово и его этимологические соответствия
 (фрагмент дополненной данными из словарей таблицы)¹**

Латинское слово	Родственное слово		
	в русском языке	в английском языке	в немецком языке
linqua, f 'язык' <i>alat. dingua</i>	russ. jazýk (язык)	tongue aengl. tunge	Zunge, f ahd. zunga (8. Jh.)
vinco 'побеждать'	russ. vek (век) (<u>первоначальное значение — сила</u>)	aengl. wīgan 'сражаться'	sich weigern ,сопротивляться' ahd. weigarōn (um 1000) ahd. wahan 'отгонять огнем (диких зверей)'
clamo (1) 'кричать'	колокол		Hall, m 'звук, отзвук' ahd. hellan hell 'яркий'

Анализ по встречаемости общего индоевропейского корня во всех четырёх языках, в трех и в двух языках выявил следующее².

¹ Дополненные из словарей сведения даны синим цветом; информация из словаря В. Пфайфера имеет стандартное начертание; дополнительные сведения, не встречающиеся в словаре В. Пфайфера, но имеющиеся в словаре М. М. Маковского — курсивное начертание, из русских этимологических словарей — подчёркивание. При оформлении данных сохранены приняты в каждом слове обозначения.

² Список сокращений названий языков: лат. — латинский, рус. — русский, англ. — английский, нем. — немецкий, да. — древнеанглийский, днв. — древневерхненемецкий, гот. — готский, церк.-слав. — церковно-славянский.

Таблица 3

**Встречаемость слов индоевропейского происхождения
 в латинском, русском, английском и немецком языках**

<i>Родственные слова</i>	<i>Количество слов</i>	<i>Процентное соотношение, %</i>	<i>Примеры</i>
в четырёх языках: лат., рус., англ., нем.	74	48	лат. sol, рус. солнце, англ. sun, нем. Sonne лат. dormire 'спать', англ. dream, нем. Traum 'мечта, сон' лат. cor 'сердце', рус. сердце, англ. heart, нем. Herz
в трёх языках:	43	28	
лат., англ., нем.	35	82	лат. via, англ. way, нем. Weg лат. fundere 'лить', англ. gush 'литься', gut 'кишки', нем. gießen 'лить', Guss 'литье'
лат., рус., англ.	4	9	лат. pons 'мост', рус. путь, англ. path 'путь' лат. scribere 'писать', рус. скребу, англ. scrape 'скрести' лат. vivere 'жить', рус. жить, англ. quick лат. ovis 'овца', рус. овен, овца, англ. ewe
лат., рус., нем.	4	9	лат. clamare 'кричать', рус. колокол, нем. Hall 'звук' лат. is, es, id 'он, она, оно', рус. его, ее, ему, ей, нем. er 'он' лат. suus 'свой', рус. свой, нем. sein лат. sui 'себя', рус. себя, нем. sich
в двух языках:	38	24	
лат., рус.	35	92	лат. fama 'молва', рус. басня лат. poena 'наказание', рус. цена
лат., англ.	2	5	лат. defendere 'защищать', англ. fence 'забор' лат. vestis 'одежда', англ. wear
лат., нем.	1	3	лат. contendere 'натягивать', нем. dehnen 'растягивать'

Из таблицы следует, что **почти половина латинских слов (48%) имеет этимологические параллели в русском, английском и немецком языках.** На долю слов индоевропейского происхождения **в трёх языках** приходится 28 %, при этом обращает на себя внимание факт, что для 35 из 43 слов этой группы есть родственные слова в английском и немецком языках. Что касается встречаемости слов общеиндоевропейского фонда **в двух языках**, то 35 из 38 латинских слов родственны словам в русском языке. Таким образом, в рядах этимологических параллелей **в 52 %** можно констатировать наличие **лакун**: одной (при встречаемости слов индоевропейского происхождения в трёх языках) или двух (при встречаемости слов индоевропейского происхождения в двух языках).

Следующий шаг — объединение родственных слов в тематические группы. Под тематической группой понимается «совокупность слов разных частей речи по их сопряженности с одной темой на основе экстралингвистических параметров» [7, с. 400]. Вслед за авторами «Введения в германскую филологию» [8, с. 46] мы посчитали целесообразным расположить общеиндоевропейскую лексику по частям речи как лексико-грамматическим классам, при этом исходным является латинское слово и его частеречная принадлежность. В данной статье покажем результаты на примере существительного и глагола.

Анализ тематической направленности слов показывает антропоцентричный характер общеиндоевропейской лексики: всё крутится вокруг человека и видится из его перспективы. В лексике индоевропейского происхождения человек предстаёт и как тело, и как дух, и как социальное существо с определёнными характеристиками и ролями / функциями, в ней отражены и внешнее окружение, и внутренний мир человека. Тематические группы родственных слов — имён существительных — в рассматриваемых языках можно объединить в две большие группы: ближний круг (сам человек) и дальний круг (его внешнее окружение):

Ближний круг (сам человек, внутри человека, с человеком):

1) Части тела и органы («человек как тело»):

лат. caput ‘голова’, **англ.** head, **нем.** Haupt

лат. pes ‘нога’, **рус.** пеший, **англ.** foot, **нем.** Fuss

2) Самоидентификация и разные роли / функции:

a) самоидентификация:

лат. vir ‘человек’, ‘мужчина’, **англ.** world ‘мир’, **нем.** Welt ‘мир’

лат. homo ‘человек’, **да.** brūd(i)guma, **нем.** Bräutigam ‘жених’,
досл. ‘человек жены’

б) отношения родства:

лат. mater ‘мать’, **рус.** мать, **англ.** mother, **нем.** Mutter

лат. pater ‘отец’, **англ.** father, **нем.** Vater

в) роли и функции человека:

лат. dux ‘вождь’, **да.** heretoha, heretoga, **нем.** Herzog ‘герцог’

лат. rex ‘царь’, **да.** rīce ‘королевство’, **нем.** Reich ‘царство’

лат. hostis ‘чужестранец’, ‘враг’, **рус.** гость, **англ.** guest, **нем.** Gast

3) Духовные / внутренние «данности» человека как его отличительные характеристики:

лат. mens ‘ум’, **рус.** память, **англ.** man, **нем.** Mann

лат. sententia ‘мнение’, **да.** sinnan ‘заботиться’, **нем.** sinnen ‘чувствовать’

Дальний круг (вне человека), т. е. окружающий мир представлен элементами и явлениями природы, флорой и фауной, а также материальными благами. Например, элементы и явления природы:

лат. stella ‘звезда’, **англ.** star, **нем.** Stern

лат. mensis ‘месяц’, **рус.** месяц, **англ.** month, moon, **нем.** Monat, Mond

лат. nox ‘ночь’, **рус.** ночь, **англ.** night, **нем.** Nacht

лат. ver ‘весна’, **рус.** весна

Исходя из латинских глаголов, можно выделить следующие тематические группы родственных слов в рассматриваемых языках:

1) проявление жизни человека или внешнего окружения:

а) процессы бытия, существования:

лат. est ‘есть’ (3 л.ед.ч.), **рус.** есть, **англ.** is, **нем.** ist

лат. valeo ‘быть здоровым’, **рус.** владеть, **да.** wealdan ‘управлять’, **нем.** walten ‘господствовать’

б) процессы, связанные с физической природой человека:

лат. dormire ‘спать’, **англ.** dream, **нем.** Traum ‘мечта, сон’

лат. edere ‘есть’, **рус.** еда, **англ.** eat, **нем.** essen

2) покой / положение и перемещение в пространстве:

лат. stare ‘стоять’, **рус.** стоять, **англ.** stay, stand, **нем.** stehen

лат. sedere ‘сидеть’, **рус.** сидеть, **англ.** sit, **нем.** sitzen

лат. ire ‘идти’, **рус.** идти

лат. venire ‘приходить’, **англ.** come, **нем.** kommen

3) процессы психической жизни (чувственного и умозрительного восприятия, умственной, речевой, волевой деятельности):

лат. videre ‘видеть’, **рус.** ведать, видеть, **англ.** wit ‘ум’, wise ‘мудрый’, witness ‘свидетель’, **нем.** wissen ‘знать’, Witz ‘остроумие’, weisen ‘указывать’

лат. cognoscere 'узнавать', **рус.** знать, **англ.** can, know, **нем.** kennen 'знать', können 'мочь'

лат. velle 'хотеть', 'желать', **рус.** воля, велеть, **англ.** will 'воля', willing 'готовый', 'согласный', **нем.** wollen 'желать', 'хотеть', Wille 'воля', Wahl 'выбор'

лат. dicere 'говорить', **англ.** token 'знак', teach 'учить', **нем.** Zeichen 'знак', zeigen 'показывать'

4) механические действия, производимые человеком при работе (воздействие на объекты):

лат. trahere 'тащить', 'влечь', **рус.** дергать, **да.** dragan 'тащить', **англ.** draw 'тянуть', **нем.** tragen 'носить'

лат. solvere 'отвязывать', 'освобождать', **англ.** loosen 'развязывать', '-less, **нем.** lösen 'развязывать'

лат. coniungere 'соединять', 'связывать', **рус.** иго, **англ.** yoke 'ярмо, иго', **нем.** Joch 'ярмо, иго'

5) производственная деятельность:

лат. struere 'строить', **рус.** строить

лат. semen 'семя', serere 'сеять', **рус.** семя, сеять, **англ.** sow 'сеять', seed 'семя', **нем.** säen 'сеять', Same 'семя'

6) борьба:

лат. capere 'брать', 'захватывать', **англ.** heave 'поднимать', have, **нем.** heben 'поднимать', Heft 'дрожжи', heften 'сшивать', haben 'иметь'

лат. defendere 'защищать', 'отражать', **англ.** fence 'забор'

лат. vincere 'побеждать', **рус.** век, **да.** wigan 'сражаться', **нем.** sich weigern 'сопротивляться'

Распределение родственных слов по тематическим группам показало, что:

1) есть много рядов этимологических соответствий, **значения** которых **одинаковы** во всех четырёх языках, и слова относятся к **одной тематической группе**, например: термины родства: **лат.** frater 'брат', **рус.** брат, **англ.** brother, **нем.** Bruder; названия частей тела, явлений природы, числительные.

Однако не всегда этимологические соответствия между сравниваемыми языками прозрачны. Н. И. Филичева объясняет это так: «Этимологически тождественные слова в основном словарном составе разных (даже близкородственных) языков, обладавшие в древности одинаковым значением, впоследствии могли приобрести разные значения» [6, с. 130];

2) в этимологических параллелях есть слова, которые **связаны по значению** и относятся к **одной тематической группе**: **лат.** hora

‘час’, **рус. церк.-слав.** яра (весна), **англ.** year, **нем.** Jahr ‘год’; **лат.** vincere ‘побеждать, одержать верх в борьбе’, **рус.** век (первоначальное значение — ‘сила’), **да.** wīgan ‘сражаться’, **нем.** sich weigern ‘отказываться, сопротивляться’.

Остановимся подробнее на последнем ряде родственных слов, дополнив его данными из этимологических словарей: **гот.** weihan ‘бороться’, **двн.** weigaþon ‘противиться, отклонять’ (около 1000 г.), **двн.** weigar ‘упрямый, противящийся чему-л.’ (XI в.), **двн.** wīgan ‘спорить’, ‘бороться’ (около 800 г.), **двн.** wīhan ‘сокрушать, разбить в борьбе’ (IX в.), **двн.** wahan ‘отгонять огнем (диких зверей)’.

Согласно словарю В. Пфайфера, в индоевропейском предположительно был корень **ueik-* со значением «энергичное, особенно враждебное выражение силы, бороться с врагом». Этот корень встречается в латинском и русском словах с индоевропейским звуком k. В готском индоевропейскому k уже соответствует звук h, а в древневерхненемецком из-за грамматического чередования (закон Вернера) параллельно были формы с g и h: см. два разных слова с разными значениями; в древнеанглийском же была только форма с g, она не сохранилась. И уже от двн. формы с g *wīgan* ‘streiten, kämpfen’, тоже не сохранившейся, было образовано прилагательное, давшее начало глаголу *weigern*¹. По сути, значение борьбы, силы, направленной на что-то враждебное, сохранилось в немецком *sich weigern*: «сопротивляться чему-л., отказываться что-то делать» означает борьбу;

3) есть слова, которые **связаны по значению**, но относятся к **разным тематическим группам**: **лат.** pecunia ‘деньги’, **англ.** fee ‘оплата’, **нем.** Vieh ‘скот’; **лат.** puer ‘ребенок’, ‘мальчик’, **англ.** foal ‘жеребенок’, **нем.** Fohlen ‘жеребенок’; **лат.** clamare ‘кричать’, **рус.** колокол, **нем.** Hall ‘звук’, hell ‘яркий’; **лат.** primus ‘первый’, **англ.** first, **нем.** früh ‘ранний’, Fürst ‘князь’, Frau первоначально ‘госпожа’.

На первый взгляд не связаны понятия «первый» в лат. *primus* и «женщина» в нем. *Frau*. В двн. *frouwa* служило для обозначения сословного понятия: оно имело значение «госпожа, супруга господина» и было верхненемецким новообразованием от двн. *frô* ‘господин’ [5, с. 338; 9, с. 317]. Однако ещё в германский период слово **frawjon* могло обозначать как господина, так и госпожу, первоначальное его значение было «стоящий / стоящая во главе» [10, с. 46];

¹ *weigern* in: Wolfgang Pfeifer et al., Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/weigern> (дата обращения: 20.08.2023).

4) значение слова в современных языках **отличается** от значения латинского слова, слова попадают в **разные тематические группы**: **лат.** fructus ‘фрукт, плод, польза’ — **нем.** brauchen ‘нуждаться в ч.-л./к.-л.’ Этимологи предполагают, что исходное значение ие. корня *bhr̥g- было ‘срывать плоды для потребления’¹, ‘есть / потреблять (плоды, урожай, еду, напитки)’ [11, с. 146]. Обобщая данные словарей В. Пфайфера и Ф. Клуге, семантическое развитие немецкого глагола можно представить в направлении ‘потреблять в пищу’ → ‘получать радость, удовлетворение, иметь пользу от чего-л.’ → ‘использовать’ → ‘что-то не использовать’ = ‘не нуждаться в ч.-л.’ (в предложениях с отрицанием с XVII в.) → ‘нуждаться в ч.-л.’ (с XVII в.).

Итак, в ряде случаев этимологические соответствия между сравниваемыми языками были затемнены в результате того, что слово постепенно получило в отдельных языках различающиеся значения. Отсюда несовпадение в тематических группах в разных языках. Однако этимологический анализ позволяет установить, что разные значения этимологических параллелей восходят к общему исходному значению.

При анализе встречаемости слов индоевропейского происхождения (см. выше) и при выделении тематических групп в некоторых языках обнаружили лакуны. Выявление причин лакунарности может стать предметом отдельного исследования. В рамках данной статьи подчеркнём две причины, установленные нами на основе анализа специальной литературы.

Одной из причин появления «пустот» является вытеснение старых индоевропейских наименований новыми словами, в частности германскими. Индоевропейская лексика в словарном фонде немецкого и английского языков перекрывается более поздним слоем общегерманской лексики, которая появляется в древнегерманскую эпоху и отражает жизнь германцев в новых областях проживания. В. М. Жирмунский отмечает, что имеется довольно значительная группа общегерманских слов, не имеющих этимологических соответствий в других индоевропейских языках, и предполагает, что они представляют собой древние заимствования из неиндоевропейских языков, поглощённых германскими в процессе скрещивания [9, с. 301]. Другой точки зрения придерживается О. И. Москальская, не исключая, что «часть этих слов восходит также к общеиндоевропейским корням, не сохранившимся в других языках,

¹ brauchen in: Wolfgang Pfeifer et al., Etymologisches Wörterbuch des Deutschen URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/brauchen> (дата обращения: 17.08.2023).

и что этимологические связи их с соответствующими индоевропейскими корнями с течением времени были очень затемнены» [5, с. 329]. Например, новое германское слово гот. *wintrus* (двн. *wintar*, да., англ. *winter*, нем. *Winter*) вытеснило слово с индоевропейским корнем **ghim*, а двн., да., гот. *hûs*, нем. *Haus*, англ. *house* — корень **dem*(ə). Однако старый индоевропейский корень **dem*(ə), означавший «соединять, строить», обнаруживает себя в германской основе **temra-* со значением «что-то построенное» или «строительный материал» и в современных словах: англ. *timber* 'лесоматериал, древесина' (да. *timbr*), нем. *Zimmer* 'комната' (двн. *zimbar* 'дерево для постройки', 'комната'), *zähmen* 'приручать' («одомашнивать» животных) [10, с. 47]. Примеры показывают, что старые индоевропейские слова вытеснялись германскими бесследно или оставив следы в современных языках.

Вторая причина лакун — вытеснение одного из синонимов, существовавших на древней ступени развития языков для обозначения жизненно важных понятий. Так, в древних индоевропейских языках существовали синонимы для таких понятий, как «вода», «огонь», «человек», «мужчина», «женщина» и др. К примеру, есть два индоевропейских названия воды: лат. *aqua*, гот. *ahwa* 'река', двн. *aha* '(текущая) вода', с одной стороны, и русск. *вода*, гот. *watô*, двн. *wazzar*, да. *wæter*, (англ. *water*, нем. *Wasser*), с другой. В значении «текущая вода» двн. *aha*, *ouwe* было вытеснено словом нем. *Fluss*. Однако *aha* сохранилось в названиях рек *Aach*, *Aa* и др., города *Aachen* и в географических названиях на *-ach*, *-a*: *Steinach*, *Salzach*, *Werra*, *Fulda*, в производном *Aue* 'пойменный луг' (от герм. **agwja*, двн. *ouwa*), в сложном слове *Eiland* *поэт.* 'остров', дословно 'земля в воде' (ср. да. *ëgland* 'island').

Западногерманское слово двн. *scâf* (нем. *Schaf*), да. *scêar* (англ. *shear*) заменило индоевропейский по происхождению синоним двн. *ou*, да. *eowu* (англ. *ewe*), ср. лат. *ovis*, рус. *овца*. Вытеснению двн. *ou* «овца» и двн. *aha* «вода» способствовало, по словам В. М. Жирмунского, чрезмерное укорочение их звукового состава в результате фонетической редукции — сочетания гласного с согласными, легко поддающимися дальнейшему фонетическому ослаблению [9, с. 324].

Заключение. Для становления грамотного специалиста в области преподавания иностранных языков большое значение имеет не только овладение практическими иноязычно-речевыми навыками, но и формирование научного подхода к изучаемым языкам. Это возможно уже на начальном этапе обучения при изучении курса «Ла-

тинский язык и античная культура». Лексический минимум в учебнике латинского языка предлагает богатейший материал для исследования. Систематизация слов индоевропейского происхождения в латинском, русском, английском и немецком языках по разным критериям выявила:

- обширный пласт лексики, заложенной ещё в глубокой древности и обнаруживающей большую устойчивость во всех четырёх языках;
- количественное преобладание этимологических параллелей во всех четырёх языках (48 %);
- достаточно большое количество слов — индоевропейских параллелей в латинском, английском и немецком языках (22 %), что позволяет более сознательно изучать современные германские языки с опорой на латинский и с проведением связей между этими языками;
- антропоцентричный характер общеиндоевропейской лексики;
- разнообразие тематических групп, по которым можно распределить индоевропейскую лексику, и разную степень прозрачности между родственными словами сравниваемых языков;
- две основные причины лакун в рядах сопоставляемых слов индоевропейского происхождения.

Проведённое впервые исследование индоевропейской лексики в четырёх языках из перспективы латинского языка способствует формированию полиязыковой / полилингвистической личности уже на начальном этапе подготовки будущих учителей. Необходимыми условиями этого процесса являются целенаправленное наблюдение за языковыми феноменами и осознание связей между изучаемыми языками, бережное обращение с языковыми фактами и внимательное отношение к языковой форме.

Список источников

1. Годунов Б. П. Функционально-познавательный подход к обучению иностранным языкам как педагогической специальности : статьи и доклады. Сыктывкар: Коми пединститут, 2010. 130 с.
2. Годунов Б. П. Функционально-познавательный подход к обучению иностранному языку на современном этапе // Согласованное обучение родному, региональному и иностранным языкам на основе личностно-ориентированного функционально-познавательного подхода и современных информационных технологий : сб. науч. ст. (по комплексной проблеме НМЛ). Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2008. С. 8–17.
3. Ярхо В. Н., Кацман Н. Л. и др. Латинский язык : учеб. для студентов пед. вузов / под ред. В. Н. Ярхо, В. И. Лободы. 8-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2010. 399 с.

4. Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. М.: Азбуковник, 2004. 630 с.
5. Москальская О. И. История немецкого языка : учеб. пособие для студентов пед. факультетов и ин-тов иностр. языков. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1959. 391 с.
6. Филичева Н. И. История немецкого языка : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. уч. заведений. М.: Академия, 2003. 304 с.
7. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилгрим, 2010. 486 с.
8. Введение в германскую филологию : учебник для филологических факультетов / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьёва. М.: ГИС, 2000. 314 с.
9. Жирмунский В. М. История немецкого языка : учебник для ин-тов и фак-тов иностр. языков. М.: Высш. шк., 1965. 408 с.
10. Штарк Ф. Волшебный мир немецкого языка / пер. с нем. Т. В. Юдиной. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. 240 с.
11. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; New York: de Gruyter, 2002. 1023 s.

References

1. Godunov B. P. *Funkcional'no-poznavatel'nyj podhod k obucheniju inostrannym yazykam kak pedagogicheskoj special'nosti. Statyi i doklady* [Functional-cognitive approach to teaching foreign languages as a pedagogical specialty. Articles and reports]. Syktyvkar: Komi Pedagogical Institute Publ. 2010. 130 p. (In Russ.)
2. Godunov B. P. Functional-cognitive approach to teaching a foreign language at the present stage. *Soglasovannoe obucheniye rodnomu, regional'nomu i inostrannym yazykam na osnove lichnostno-orientirovannogo funkcional'no-poznavatel'nogo podhoda i sovremennyh informacionnyh tehnologij: sbornik nauchnyh statej (po kompleksnoj probleme NML)* [Coordinated teaching of native, regional and foreign languages on the basis of a personality-oriented functional-cognitive approach and modern information technologies: a collection of scientific articles (on the complex problem of NML)]. Syktyvkar: Komi Pedagogical Institute Press, 2008. Pp. 8–17. (In Russ.)
3. Yarho.V. N., Kaczman N. L. et al. *Latinskij yazyk : ucheb. dlya studentov ped. vuzov* [Latin language : Textbook for students of pedagogical university]. Edited by V. N. Yarkho, V. I. Loboda. 8th ed., corr. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2010. 399 p. (In Russ.)
4. Makovskij M. M. *Etimologicheskij slovar' sovremennogo nemetskogo yazyka* [Etymological dictionary of the modern German]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2004. 630 p. (In Russ.)
5. Moskal'skaya O. I. *Istoriya nemetskogo yazyka : uchebnoye posobiye dlya studentov pedagogicheskikh fakul'tetov i institutov inostrannyh yazykov* [History of the German language : Textbook for students of pedagogical faculties and institutes of foreign languages]. Leningrad: State Educational and Pedagogical Print

House of the Ministry of Education of the RSFSR Leningrad Branch, 1959. 391 p. (In Russ.)

6. Filicheva N. I. *Istoriya nemeckogo yazyka : ucheb. posobiye dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. uch. zavedenij* [History of the German language : Textbook for students. philol. and lingv. fac. higher educational institutions]. Moscow: Academy Publ., 2003. 304 p. (In Russ.)

7. Zherebilo T. V. *Slovar` lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran: LLC "Pilgrim" Publ., 2010. 486 p. (In Russ.)

8. *Vvedeniye v germanskiyu filologiyu : uchebnik dlya filologicheskikh fakul'tetov* [Introduction to Germanic Philology : Textbook for philological faculties] / M. G. Arsenyeva, S. P. Balashova, V. P. Berkov, L. N. Solovyova. Moscow: GIS Publ., 2000. 314 p. (In Russ.)

9. Zhirmunskiy V. M. *Istoriya nemeckogo yazyka : uchebnik dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [History of the German language : Textbook for institutes and faculties of foreign languages]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1965. 408 p. (In Russ.)

10. Stark F. *Volshebnyj mir nemeckogo yazyka / per. s nem. T. V. Yudinoy* [Fascination of the German language / Translated from German by T. V. Yudinina]. Moscow: Moscow University Press, 1996. 240 p. (In Russ.)

11. Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* [Etymological dictionary of the German language]. Berlin; N. Y.: de Gruyter Publ., 2002. 1023 s. (In Germ.)

Сведения об авторах

Гух Жанна Кимовна, кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Власкина Екатерина Владимировна, студентка 2-го курса направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое направление (с двумя профилями подготовки): Иностранный язык (английский). Иностранный язык (немецкий), Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Information about the authors

Zhanna K. Gukh, PhD in Philology (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrski prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Ekaterina V. Vlaskina, Second year bachelor-student Pedagogic with two profiles: Foreign language (English). Foreign language (German); Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrski prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	17.01.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	23.03.2024

Научная статья / Article

УДК 378.61

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-146>

**Лингвокультурологический подход
в преподавании русского языка как иностранного
студентам медицинского вуза¹**

**Евгения Евгеньевна Шлейникова¹,
Антонина Александровна Дементьева²,
Анна Алексеевна Кисельникова³**

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский
университет, Санкт-Петербург, Россия

¹jevgenija@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7584-4744>

²antoninadementyeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7864-724X>

³a.a.kiselnikova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7016-6872>

Аннотация. настоящая статья посвящена вопросам реализации лингвокультурологического подхода к обучению русскому языку как иностранному в работе Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета (СПбГПМУ). Авторы анализируют основные механизмы формирования вторичной и поликультурной языковых личностей в качестве одной из главных задач иноязычного лингвистического образования. В статье последовательно проводится мысль о специфичности языковой подготовки иностранных студентов-медиков, что определяется высокой лингвоактивностью профессии врача. Формирование лингвокультурологической компетенции связывается с важностью воспитательного и развивающего потенциала русского языка как образовательной дисциплины, способствующей привитию аксиологических основ мировоззрения будущих специалистов. Освещается практика работы СПбГПМУ по имплементации лингвокультурологического подхода на этапах довузовского и вузовского обучения в медицинском университете, предполагающая последовательное сочетание собственно языковых дисциплин и дисциплин историко-культурной направленности; аудиторной языковой подготовки и профессионально ориентированных форм внеаудиторной деятельности. Обосновывается важность комплексного сочетания форм аудиторной и внеаудиторной работы при реализации лингвокультурологических практик как основополагающего принципа для эффективного формирования не только поликультурной

© Шлейникова Е. Е., Дементьева А. А., Кисельникова А. А., 2024

¹ Материал публикуется в рамках XVI Международной научной конференции «Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога», 29–30 ноября 2023 года, г. Сыктывкар.

компетенции обучающихся, но профессионального облика будущих медиков-иностранцев в целом.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, медицинское образование, лингвокультурологический подход, иноязычное образование, языковая картина мира, языковая личность, межкультурная коммуникация, поликультурная компетенция

Для цитирования: Шлейникова Е. Е., Деметьева А. А., Кисельникова А. А. Лингвокультурологический подход в преподавании русского языка как иностранного студентам медицинского вуза // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 146–165. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-146>

Linguocultural Approach to Teaching Russian as a Foreign Language to the Students of the Medical University

Evgenia E. Shleynikova¹, Antonina A. Demytyeva²,
Anna A. Kiselnikova³

^{1,2,3} St. Petersburg State Pediatric Medical University, St. Petersburg, Russia

¹jevgenija@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7584-4744>

²antoninademtyeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7864-724X>

³a.a.kiselnikova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7016-6872>

Abstract. This article is devoted to the implementation of the linguocultural approach to teaching Russian as a foreign language in the work of the St. Petersburg State Pediatric Medical University (SPbSPMU). The authors analyze the main mechanisms of the secondary and multicultural linguistic personas' formation as one of the main tasks of foreign language studies. The article consistently presents the idea of the specificity of foreign medical students' language training, which is determined by the high linguistic activity of the doctor's profession. The formation of linguocultural competence is associated with the importance of the educational and developmental potential of the Russian language as an educational discipline that contributes to the inculcation of the axiological foundations of the future specialists' worldview. The St. Petersburg State Pediatric Medical University implementation practice of the linguoculturological approach at the stages of pre-university and university education is highlighted. It involves a consistent combination of linguistic disciplines and disciplines of a historical and cultural orientation; classroom language training and professionally oriented forms of extracurricular activities. The importance of a complex combination of classroom and extracurricular work forms in the implementation of linguistic and cultural practices is substantiated as a fundamental principle for the effective formation not only of the students' multicultural competence but also as the future foreign doctors' professional appearance in general.

Keywords: *Russian as a foreign language, medical education, linguocultural approach, foreign language studies, linguistic world-image, linguistic persona, intercultural communication, multicultural competence*

For citation: Shleynikova E. E., Demytyeva A. A., Kiselnikova A. A. Linguocultural Approach to Teaching Russian as a Foreign Language to the Students of the Medical University. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 2: 146–165. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-146>

Введение. Организация языковой подготовки иностранных граждан, выбирающих вузы России для получения высшего профессионального образования, выступает одним из основополагающих факторов в повышении уровня привлекательности и конкурентоспособности системы российского образования в целом. Основную долю иностранных студентов, обучающихся в настоящее время в высшей школе РФ, составляют студенты нефилологических специальностей, для которых русский язык является средством приобретения будущей профессии. В этом ряду наиболее востребованным на международном рынке образовательных услуг традиционно является обучение в медицинских вузах России.

Лингвоактивный характер профессии определяет специфику языковой подготовки врачей: формирование профессиональной коммуникативной компетенции медиков-иностранцев не может быть ограничено изучением лексико-грамматического строя языка, тактик и стратегий речевого поведения в различных ситуациях общения. Аксиологическая составляющая профессии определяет необходимость активизации воспитательной и развивающей функций преподавания языка как образовательной дисциплины, направленной на формирование личности будущего специалиста.

Исходя из базового для современной лингводидактики постулата Е. И. Пассова об изучении «культуры через язык, а языка через культуру» особый потенциал в аспекте формирования всесторонне развитой языковой личности будущего профессионала имеет лингвокультурологический подход, являющийся одним из ведущих в сфере современного преподавания русского языка как иностранного. Многообразие методик реализации указанного подхода определяет актуальность освещения наиболее эффективных форм его имплементации в практической деятельности языковых кафедр медицинских вузов. Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование и обзор методов комплексной

реализации лингвокультурологического подхода в преподавании русского языка как иностранного на примере опыта работы Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета (СПбГПМУ).

Методология работы исходит из системного подхода: авторами использовались методы критического анализа и синтеза лингводидактической литературы, описательный и сопоставительный методы исследования практики преподавания русского языка как иностранного. Образовательный потенциал лингвокультурологического подхода рассматривается через призму понятий «языковая картина мира», «вторичная языковая личность», «диалог культур», «межкультурная коммуникация», «поликультурная образовательная среда», «поликультурная компетенция» и т. п.

Основная часть. Компетентностная парадигма образовательного процесса определяет новые вызовы современной лингводидактики, важнейшим ориентиром которой становится ориентир «коммуникативно-прагматический, предполагающий обращение к антропоцентристскому аспекту исследований, диалектике взаимоотношений коммуникантов» [1, с. 6]. В последние годы этот вектор развития лингводидактической мысли определяет основные подходы в обучении иностранным языкам в аутентичной среде. Обучение не только языку как инструменту общения, но и способности адаптироваться к новой социокультурной среде выдвигает на первый план лингвокультурологический подход и позволяет говорить о лингвокультурологии как эффективном формате в преподавании иностранных языков.

Следует сказать, что здесь и далее мы понимаем под лингвокультурологией «отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии и исследующую проявления культуры народа, которая отразилась и закрепилась в языке» [2, с. 29]. Целью лингвокультурологии является изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру [Там же]. Общеизвестно, что лингвокультурология появилась в науке при взаимодействии трех дисциплин: лингвострановедения, страноведения и культуроведения. Появление ее было обусловлено изменением образовательной парадигмы, требовавшим более комплексного подхода к изучению связи между языком, культурой и обществом. В процессе глобализации оказалось недостаточным сопровождать обучение языку только изучением элементов общенациональной культуры, находящихся выражение в литературном языковом стандарте [1,

с. 26], подходить к культуре как к совокупности духовных ценностей страны изучаемого языка [Там же]; потребовалась новая дисциплина, каким-то образом соединяющая в себе предшествующие. Точкой преломления трех вышеназванных отраслей науки стало понятие концепта, являющееся основополагающим в лингвокультурологии. Вслед за В. В. Колесовым мы будем понимать под концептом «чистый смысл, не обретший языковой формы» [3, с. 114]. В этом свете основная задача лингвокультурологического подхода в обучении языку мыслится как необходимость научить студента оперировать системой концептов, которая глубже, чем вербальный и культурный код, рассматриваемые по отдельности.

В публикациях последнего времени исследователи сходятся во мнении, что основной метод лингвокультурологии в практике обучения русскому языку как иностранному заключается в формировании целостного представления об иноязычной культуре и её квинтэссенции – языковой картине мира – посредством изучения и описания системы культурных концептов [1, с. 29]. Таким образом, иноязычное образование должно объединять обучение практическому владению языком и соизучение культур (как национальных, так и социальных) [1, с. 27–28]; последнее уточнение особенно важно, так как общение обучающегося в социально-бытовой и профессиональной сферах сопряжено с необходимостью коммуникации с носителем определенных языка и культуры, являющимся в то же время представителем определенной социальной группы. При таком подходе язык становится средством осознания и изучения многообразия культур, средством преодоления национально-культурной ограниченности [1, с. 27], следовательно, изучение языка предоставляет возможность считывать вербальную и невербальную информацию на основе соположения с фактами родного языка и родной культуры.

В процессе лингвистической подготовки освоение иноязычного мира и иноязычная коммуникация связаны с формированием новой языковой картины мира и появлением вторичной языковой личности. Говоря о сложности этого процесса, И. И. Халеева отмечает, что приобщение к новой картине мира замкнуто на акте познания и является сопоставлением двух отражений – актуального отражения реальности и ее отсроченного отражения в языковом материале [4, с. 19].

Исходя из модели Ю. Н. Караулова, определяющей структуру языковой личности как сочетание вербально-семантического,

лингвокогнитивного, тезаурусного и мотивационного уровней [5, с. 43], в аспекте овладения новым языком формирование вторичной языковой личности представляет проекцию пути, который проходит обучаемый. Начальный этап предполагает овладение общекультурной лексикой и основными грамматическими закономерностями изучаемого языка, затем происходит знакомство с культурными особенностями, ценностно-смысловыми ориентирами, национально-культурными традициями. Результат этого знакомства со своеобразием иноязычной культуры должен выражаться в способности к эффективному взаимодействию, выражению собственных идей, достижению профессионального и социального благополучия в иноязычном социуме. Успех в изучении языка на описанных этапах предполагает сформированность трех компетенций: языковой, коммуникативной и социокультурной, сочетание которых обеспечивает возможности успешной межкультурной коммуникации.

В преподавании русского языка как иностранного формирование вторичной языковой личности, способной к полноценному участию в межкультурной коммуникации, выступает одной из основных целей обучения, «без чего преодоление психологических, культурных и языковых барьеров представляется невозможным» [6, с. 92]. В процессе обучения акцент переносится с усвоения языковых явлений на построение межкультурной коммуникации, приоритетом становятся сопоставление и соизучение разных концептуальных систем, требующих от иностранных студентов способности к эффективному функциональному использованию языка в рамках диалога культур на принципах уважения, равноправия и понимания.

Согласно принципам поликультурного образования, диалог культур становится одним из условий овладения собственно лингвистической и профессиональной компетенциями. В связи с этим положением в научной литературе определяются критерии, предъявляемые к различным субъектам педагогической деятельности: обучающему и обучаемому. Одним из таких критериев является размывание традиционной зависимости «коммутатор – реципиент» / «адресант – адресат», при которой обучение понималось как однонаправленный процесс. Условия же диалога предполагают как минимум двунаправленность процесса, что даёт возможность каждому из его участников выполнить свою роль. Важно помнить, что «императивным условием для межкультурного диалога следует признать готовность встретиться с необычным для себя и, чтобы

убережешься от удивления и досады <...>, по возможности узнать, что в его [реципиента] вербальном и невербальном поведении может казаться экзотическим, неожиданно смущать» [7, с. 81]. Это утверждение В. Г. Костомарова позволяет говорить о том, что условия для позитивного межкультурного диалога должны быть подготовлены, и в первую очередь подготовлены преподавателем как человеком, находящимся в «своём» культурно-речевом пространстве.

Не подвергается сомнению тот факт, что основы межкультурной коммуникации и сотрудничества в среде иностранных обучающихся закладываются на занятиях по русскому языку. Преподавателю русского языка как иностранного важно осмыслить свой предмет как систему [21, с. 86], обращение к элементам которой позволяет сформировать поликультурную личность. В свою очередь, правильная организация педагогического процесса способствует формированию позитивных поликультурных ценностей, так как пребывание в образовательной среде должно способствовать улучшению социально-психологических связей в ежедневном взаимодействии обучающихся и профессорско-преподавательского состава. При соединении личностных качеств преподавателя и особенностей образовательного процесса должны рождаться те условия, которые необходимы для достижения учебной цели, а именно формирование всесторонне развитой личности студента.

Важнейшей оказывается задача по формированию такой педагогической среды, в которой станет возможно самоопределение личности, способной увидеть мир во всем многообразии и определить свое место в нем, вести продуктивный диалог с носителями других культур, быть успешной в обучении и в профессии. Результатом погружения обучающегося в поликультурную среду является формирование поликультурной языковой личности, готовой к восприятию концептосферы не только страны изучаемого языка, но и языковых и культурных особенностей обучающихся из других стран. Вслед за Р. К. Боженковой мы определяем «поликультурную языковую личность иностранного студента как личность, в структуре которой средствами русского языка сформирован комплекс компетенций, позволяющий ей ориентироваться в социокультурной, этнокультурной и индивидуально-культурной концептосферах, обеспечивающий ей возможность активного позитивного взаимодействия с представителями поликультурного мира. Это личность с развитым чувством толерантности и эмпатии, обладающая активной жизненной позицией, способностью жить в согласии с

представителями различных культурных и этнических групп, способная к успешному самоопределению и продуктивной профессиональной деятельности» [9, с. 308].

Обучение в российских вузах дает возможность иностранным студентам погрузиться в учебную поликультурную среду. Согласно Закону Российской Федерации «Об образовании» (ст. 12 п. 1), «содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечивать развитие способностей каждого человека, формирование и развитие его личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями»¹.

В структуре поликультурной среды вуза В. В. Гладких выделяет отдельные компоненты — поликультурная внутренняя и поликультурная внешняя среды [10, с. 41]. Под внешней поликультурной средой понимается практическое овладение культурой профессионального общения. Внутренняя поликультурная среда вуза включает обучающий, воспитывающий, развивающий компоненты и обеспечивает успешную социализацию, способствует обучению субъектов образования устанавливать социальные контакты через постоянное взаимодействие.

Лингвокультурологический формат работы позволяет выйти за рамки только учебного диалога и попытаться построить диалог межкультурный. Следует отметить, что сама постановка вопроса о формировании лингвокультурологической компетенции говорит о комплексном, всеохватывающем характере данного формата при изучении иностранных языков. Возможность использования его как в аудиторной, так и во внеаудиторной деятельности позволяет сформировать единый комплекс методических инструментов, направленных на достижение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения.

Исследователи отмечают, что лингвокультурологический подход в обучении способствует: 1) адаптации студента в системе межличностных и социальных отношений; 2) повышению уровня само-

¹ Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. (последняя редакция). URL: <https://zakonobobrazovani.ru/glava-2/statya-12> (дата обращения 04.11.2023).

реализации; 3) развитию потенциала индивидуальности; 4) стимуляции ассоциативного мышления; 5) расширению культурного кругозора; 6) развитию критического мышления; 7) познанию языка культуры [8, с. 86]. Успешная реализация этих аспектов в обучении способствует формированию лингвокультурологической компетенции, которая рассматривается в Государственном образовательном стандарте в качестве «одного из показателей развития ценностного сознания обучающегося. Такой подход способствует усилению мотивационного фактора в процессе усвоения языка, активизации познавательных интересов обучающихся» (цит. по: [1, с. 42]).

Формирование лингвокультурологической компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному начинается с подготовительного курса, дающего объем языковой подготовки, необходимый прежде всего для успешного общения в социально-бытовой сфере. По мере овладения языком увеличивается и объем предъявляемой лингвострановедческой информации, обеспечивающий более тесное знакомство с культурой страны обучения. К примеру, постепенное усложнение в предъявлении лексического материала предполагает переход от изучения конкретно-предметной лексики к абстрактной («дающей имя культурному концепту») [1, с. 29] и семантически связанной (устойчивым сочетаниям и фразеологизмам). Некоторые исследователи отмечают важность включения в учебный материал прецедентных текстов в качестве инструмента успешной адаптации к социальной среде [11, с. 30]. Знакомство с ними может быть включено в изучение различных тем, связанных с языком специальности. Так, при изучении темы «Части тела» можно задействовать фразеологические обороты, содержащие рассмотренную специальную лексику: *одна голова хорошо, а две лучше; держать язык за зубами; одна нога здесь, другая там; взять себя в руки; как свои пять пальцев* и другие. Прецедентный текст, являющийся культурным символом и отражением национального сознания, приближает обучающегося к пониманию языковой картины мира носителя языка, что выступает одной из главных целей в реализации лингвокультурологического подхода. Работа с текстом как производной от социальных сфер общения традиционно является одним из основных способов приобщения к новой культуре. Текст выступает не только источником обогащения лексического и грамматического запаса, но и «носителем» знаний о мире. М. М. Бахтин писал, что человека можно понимать и изучать только через тексты, созданные или создаваемые им [12, с. 292]. Ра-

бота с текстом позволяет заложить основы языкового и когнитивного сознания вторичной языковой личности. Восприятие аутентичных текстов, отражающих реалии и ценностные ориентации, правила поведения и взаимодействия представителей иной культуры также является неотъемлемой частью социокультурной адаптации.

При этом полноценная социокультурная адаптация невозможна без широкого спектра внеаудиторной деятельности, предполагающей различные формы взаимодействия с обучающимися и позволяющей приблизить их к живой социокультурной среде вне рамок учебного занятия. При всем многообразии способов организации внеаудиторной работы (посещение спектаклей, музеев, выставочных залов; организация праздников, фестивалей; участие в олимпиадах и конкурсах; экскурсии; разговорные клубы; конференции и другие культурные и профессиональные мероприятия) цель их заключается в одном — изучении человека как носителя языка, осознания его как языковой личности, несущей в себе особенности национального мышления, сформированного образом жизни нации [13, с. 35–40].

На этапе вузовского обучения спектр лингвокультурологического и лингвострановедческого материала расширяется за счет включения в программу дисциплины «История России». Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту, указанный предмет входит в базовый блок дисциплин гуманитарного профиля, цели изучения которого для российских и зарубежных студентов унифицированы. Однако для иностранного контингента освоение истории наравне с отечественными обучающимися сопряжено с определенными трудностями, связанными с недостаточной языковой компетенцией, а также отсутствием должного уровня знаний о национально-культурной специфике России. Исходя из этого наиболее эффективным выступает включение «Истории России» и иных лингвострановедческих и лингвокультурологических дисциплин в предметную парадигму преподавания русского языка как иностранного.

Подобная практика реализуется при обучении зарубежных студентов в Санкт-Петербургском государственном педиатрическом медицинском университете. Интердисциплинарный характер языковой подготовки определяет возможности комплексного подхода к формированию не только коммуникативной, лингвокультурологической, но и поликультурной компетенций иностран-

ных студентов-медиков. Таким образом, блок дисциплин, обучение по которым осуществляют преподаватели русского языка как иностранного, включает как языковые курсы: «Русский язык как иностранный: начальный и основной этапы обучения», «Язык специальности: медико-биологический профиль», «Культура профессиональной речи» — так и дисциплины, знакомящие с культурой и историей среды обучения: «История России» и «История и культура Санкт-Петербурга». В рамках данного предметного ряда выстраиваются две основные парадигмы лингвокультурологической подготовки иностранных студентов-медиков: первая направлена на знакомство со страной обучения, другая ориентирована на формирование профессионального профиля языковой личности медика-иностранца.

Отправной точкой каждого из направлений выступает базовая языковая подготовка, в рамках которой закладываются предпосылки для дальнейшего более углубленного знакомства с лингвокультурологическим материалом. Так, на довузовском этапе изучение лексико-грамматических тем «Город», «Транспорт», «Страна» строится на основе учебных текстов «Санкт-Петербург», «Москва», «Россия», а учебной моделью для отработки тем «Моя семья», «Биография», «Будущая профессия» выбираются тексты, рассказывающие о жизни исторических личностей, известных деятелей культуры и науки России: «Екатерина II», «Петр I», «М. В. Ломоносов», «Д. И. Менделеев» и др.

При переходе к вузовскому обучению основной объем лингвострановедческой тематики приходится на изучение предметов «История России» и «История и культура Санкт-Петербурга», преподавание которых базируется исключительно на лингвокультурологическом подходе. С целью снятия языковых трудностей в восприятии учебного материала большую долю в изучении указанных дисциплин занимает речевая работа, то есть знакомство с историческими фактами и реалиями культуры идет в параллели с изучением лексико-грамматического материала, необходимого для полноценного понимания предъявляемой информации и достижения качественного уровня лингвокультурологической компетенции. Организация учебного процесса придерживается четкой дидактической структуры: предтекстовая работа: введение новой лексики, отработка необходимых лексико-грамматических структур; лекционный формат предъявления материала с использованием средств наглядности (презентации, видеofilьмы); закрепление материала

ла — работа с учебным текстом по отдельным аспектам изучаемой темы: чтение, беседа по вопросам, выполнение заданий по трансформации известных лексико-грамматических конструкций, сопоставительный анализ культурно-исторических явлений России и других стран в формате обсуждения; натурный урок / экскурсия в соответствии с тематикой проведенных аудиторных занятий (обязательна при изучении «Истории и культуры Санкт-Петербурга» / факультативна при изучении «Истории России»).

При изучении лингвострановедческого материала преподаватели акцентируют внимание прежде всего на отражении тех или иных исторических реалий в современной культуре России, помогают обучающимся считывать те или иные коды отечественной языковой картины мира. В результате подобного подхода в преподавании истории зарубежным обучающимся решаются такие задачи, как формирование уважительного отношения к ценностям и достоинствам русской культуры; улучшение социокультурной адаптации в среде обучения; совершенствование качества взаимодействия с представителями различных национальных культур и умения работать в мультинациональном коллективе, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия. Данный спектр задач, направленный на создание поликультурной языковой личности студентов, весьма положительно сказывается на уровне межкультурной компетенции будущего профессионала-медика.

Языковая подготовка будущих врачей обладает особой спецификой относительно формирования вторичной языковой личности профессионала. В данном случае основополагающим подходом к обучению будущих медиков является принцип восприятия русского языка как иностранного в качестве образовательной дисциплины, а не учебного предмета. По верному замечанию В. Б. Куриленко, «в современных условиях преподавание русского языка иностранным медикам нельзя ограничить обучением лексике, грамматике, стратегиям расспроса и тактикам убеждения. Оно должно интегрировать ценности и нормы профессиональной культуры медицинского сообщества, должно быть нацелено не только на учение, но также на развитие и воспитание. Иными словами, “Русский язык как иностранный”, рассматриваемый как образовательный предмет, система профессионально-коммуникативной подготовки иностранных медиков реализуют не только обучающую, но также вос-

питательную и развивающую функции в процессе развития личности иностранного специалиста-медика» [14, с. 149].

В связи с этим, выстраивая образовательную парадигму дисциплин «Русский язык как иностранный: начальный и основной этапы обучения» — «Язык специальности: медико-биологический профиль» — «Культура профессиональной речи», кафедра русского языка СПбГПМУ уделяет внимание не только лексико-грамматической составляющей языка медицины, но также и воспитанию личности будущего врача. Принципы формирования академических программ сочетают в себе знаниецентричные и культууроориентированные языковые подходы, учебные материалы базируются на примерах медицинского дискурса, содержащего большой образовательный потенциал с точки зрения привития социогуманитарных и деонтологических норм врачебного сообщества.

Так, к примеру, в рамках дисциплины «Язык специальности: медико-биологический профиль» при изучении различных номинаций, бытующих в медицинском дискурсе, внимание уделяется ономастическим реалиям (системе русских имен и фамилий, правилам этикета при обращении и т. п.) и эпонимическим терминам (болезнь Боткина, рефлекс Бехтерева, повязка Пирогова и т. п.), обсуждение которых позволяет углубить поликультурную компетенцию обучающихся благодаря включению информации лингвокультурологического толка о национальных особенностях установления контакта в межличностном общении врача и пациента, а также за действия информации о жизненном и профессиональном пути известных российских ученых-медиков. При изучении «Культуры профессиональной речи» основу учебных материалов для отработки навыков компрессии текста, ведения профессиональной дискуссии, ораторского выступления составляют прецедентные тексты и высказывания знаковых деятелей медицинской науки, избранных в качестве ролевой модели для будущих специалистов. Таким образом, закладываются ценностные основы профессионального языкового портрета обучающихся.

Помимо предметов базовой и вариативной частей учебного плана, существенную роль в формировании лингвокультурологической основы языковой личности будущего медика играют профессионально ориентированное направление внеаудиторной работы в рамках Студенческого научного общества (СНО), а также факультативные занятия по дисциплине «Волонтерская деятельность». В СПбГПМУ оба блока на начальных курсах вузовской подго-

товки также включены в сферу ответственности кафедры русского языка, что позволяет эффективно интегрировать речевые умения обучающихся с отработкой социокоммуникативных стратегий поведения в различных сферах профессионального взаимодействия.

С целью введения иностранцев-медиков в сферу коммуникации профессионального сообщества, поступательного приобщения к исследованиям молодых ученых вуза на кафедре русского языка СПбГПМУ действует кружок СНО, в задачи которого входит формирование умений работать с научным дискурсом в целом и медицинским в частности. На начальном этапе участия в работе СНО организуются регулярные встречи иностранных студентов с ведущими преподавателями, специалистами-медиками университета. В естественной языковой среде происходит знакомство с научным дискурсом, а также закладываются навыки коммуникации профессиональной направленности. Участникам встречи предоставляется возможность получить информацию об особенностях отечественной системы медицинского образования от профессионалов-медиков, каждый из которых может служить ролевой моделью для будущего врача. Кроме того, обсуждение различий в системе медицинской подготовки в разных странах способствует культурному взаимообмену и повышает взаимопонимание между членами мультинационального образовательного сообщества, тем самым совершенствуют поликультурную компетенцию как учащихся, так и преподавателей.

Деятельность СНО кафедры русского языка СПбГПМУ также реализуется в привлечении зарубежных обучающихся к участию в секции «Лингвокультурология» ежегодного научного форума «Студенческая наука», выступление в рамках которого демонстрирует наиболее эффективные результаты комплексной реализации лингвокультурологического подхода в обучении иностранных граждан. «Основными задачами данной работы выступает совершенствование навыков восприятия языковых реалий, взаимодействия на русском языке в профессиональной сфере, а также более углубленное вхождение в академическую среду университета. В зависимости от уровня языковой подготовки и исследовательской инициативы участников тематика выступлений может быть ориентирована на изучение особенностей медицинского дискурса либо направлена на представление лингвострановедческого материала в аспекте сопоставления культур» [15, с. 177]. Так, за 20 лет работы секции «Лингвокультурология» можно выделить работы по исследованию национальных традиций и обычаев, а также их отражению

в языках разных стран: *«Репрезентация национального характера в узбекских пословицах»*; *«Особенности туркменской антропоники»*; *«Фразеологизмы как свернутые тексты культуры (на примере бытовых русских и турецких фразеологизмов)»*; *«Все как у зверей: зоологические метафоры в русском и вьетнамском языках»*; доклады, направленные на изучение специфики медицинского дискурса с точки зрения лексико-грамматических особенностей: *«Лингвистическая составляющая профессиональной компетенции врача»*; *«Остеопатия в терминах и понятиях»*; *«Медицинская фразеология»*; работы, исследующие особенности общения врача и пациента в свете ценностных ориентиров медицинской деонтологии: *«Стратегии и тактики речевого поведения врача в профессиональном медицинском общении (современное состояние изучения вопроса)»*; *«Характеристики профессионального общения логопеда»*.

Профессиональная специфика медицинской деятельности напрямую связана с волонтерством, что повлияло на включение его как одного из приоритетных направлений дополнительных форм внеаудиторной работы при подготовке будущих медиков. Важность участия студентов медицинских вузов в волонтерских проектах отражается в учете добровольческой деятельности в качестве индивидуальных достижений, дающих дополнительные баллы при поступлении в ординатуру. Факультатив «Волонтерская деятельность» введен в учебные планы медицинских вузов относительно недавно, но уже стал довольно востребованным среди российского студенчества. Иностранцы обучающиеся также проявляют интерес к участию в различных проектах студенческих волонтерских организаций. Однако на начальном этапе сталкиваются с определенными трудностями в силу недостаточной языковой подготовки, а также отсутствия каналов взаимодействия с действующими волонтерскими объединениями. С учетом указанных сложностей в СПбГПМУ выстраивается система включения иностранцев в сообщество российского волонтерства, предусматривающая предварительную кураторскую и языковую подготовку волонтеров-иностранцев. При содействии преподавателей русского языка как иностранного представители волонтерских проектов организуют ознакомительные презентации действующих добровольческих сообществ, среди которых *«Добро детям»* (помощь детям, оставшимся без попечения родителей в клиниках Санкт-Петербурга); *«Магическая смехотерапия»* (социально-культурная реабилитация детей в стационарах больницы методами арт-терапии, клоунотера-

пии и игротерапии); «*Ты ж врач*» (обучение студентов первой доврачебной помощи); «*Капля крови*» (вовлечение студентов в донорское движение); «*Дети детям*» (оказание психологической поддержки детям, находящимся на лечении в медицинских учреждениях Санкт-Петербурга); «*Мотылёк*» (помощь кризисным центрам для женщин).

Знакомство с проектами обеспечивается кураторской поддержкой преподавателей русского языка, предусматривающей определенную языковую подготовку студентов и направленную на снятие возможных сложностей в выстраивании взаимодействия и коммуникации в рамках волонтерских организаций. С точки зрения формирования поликультурной языковой личности профессионала-медика работа волонтера обладает богатым лингвокультурологическим и социогуманитарным образовательным потенциалом. По верному замечанию О. А. Семеновой, «студенческое волонтерство в медицинском вузе ... является многоаспектным феноменом: и определенным этапом профессионального становления личности студента-медика, и воспитательной деятельностью, влияющей на субъективные и объективные характеристики социального самочувствия будущего врача, и социальной технологией, стимулирующей самоопределение, самоорганизацию и самоутверждение студенческой молодежи» [16, с. 25]. Таким образом, благодаря участию в волонтерских проектах, студенты-иностранцы не только совершенствуют свою коммуникативную компетенцию, ближе знакомятся со средой проживания и обучения, выходят в свободное общение с представителями российского студенчества и медицинского сообщества, но также приобретают и такие неотъемлемые компетенции профессионально-коммуникативной личности медика, как эмпатия, толерантность, отзывчивость и милосердные отношения к пациенту, составляющие основу нравственной ценностной иерархии врачебного дела.

Заключение. Проведенный обзор показывает, что применение лингвокультурологического подхода обладает большим образовательным потенциалом, так как позволяет интенсифицировать реализацию не только обучающей, но также воспитательной и развивающей функций преподавания русского языка как иностранного. Стратегии лингвокультурологического подхода, применяемые в деятельности СПбГПМУ, демонстрируют многообразие методов аудиторной и внеаудиторной работы, комплексная реализация которых не ограничивается формированием межкультурной и профес-

сионально коммуникативной компетенций, но также способствует совершенствованию социогуманитарной ценностной составляющей облика будущих медиков-иностранцев.

Список источников

1. Теремова Р. М., Гаврилова В. Л., Игошина О. А. и др. Лингвокультурология в теории и методике обучения русскому языку как иностранному : коллект. монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 256 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. М.: Академия, 2001. 208 с.
3. Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 106–124.
4. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: (подготовка переводчиков) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02; 10.02.19. М., 1990. 32 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Линник Л. А., Фаршатов Р. С. Особенности формирования вторичной языковой личности у иностранных обучающихся медицинского вуза // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25–1. С. 91–93.
7. Костомаров В. Г. Язык и «язык культуры» в межкультурном общении. М.: Русский язык, 1998. 128 с.
8. Колесникова Л. Н. Лингвокультурология. Языковая личность в аспекте диалога культур. Орёл: Изд-во ОГУ, 2013. 358 с.
9. Боженкова Р. К., Боженкова Н. А., Шульгина Н. П. Формирование поликультурной языковой личности иностранного студента в процессе обучения русскому языку как иностранному // Филология и культура. 2015. № 2. С. 308–313.
10. Гладких В. В. Сущность и особенности формирования поликультурной информационной среды учреждения образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12 (92). С. 41–46.
11. Еремкина В. Н. Прецедентные феномены и их роль в формировании вторичной языковой личности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (136). С. 115–118.
12. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 423 с.
13. Митрофанова О. Д. Лингводидактические уроки и прогнозы XX века // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. С. 35–40.
14. Куриленко В. Б. Методология и методика непрерывного профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных медиков : дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. М., 2017. 523 с.
15. Шлейникова Е. Е. Особенности академической адаптации иностранных обучающихся на этапе довузовской подготовки // Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных

факультетах для иностранных граждан : сб. ст. VII Всеросс. науч.-практ. конф. 24–25 ноября 2022 г. / отв. ред.: С. С. Аду, Н. А. Маркина. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2023. С.175–179.

16. Семенова О. А. Особенности волонтерской деятельности в медицинском вузе // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 9 (87). Ч. 2. Сентябрь. С. 24–27.

References

1. Teremova R. M., Gavrilova V. L., Igoshina O. A. [et al.] *Lingvokul'turologiya v teorii i metodike obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu : kollekt. monografiya* [Linguoculturology in the theory and methodology of teaching Russian as a foreign language : a collective monograph]. Saint-Petersburg: Print. House of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2019. 256 p. (In Russ.)

2. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya Print, 2001. 208 p. (In Russ.)

3. Kolesov V. V. Reflection of the Russian mentality in the word. *Chelovek v zerkale nauk* [The Man in the Mirror of Science]. Saint-Petersburg: St. Petersburg State University Print, 2000. Pp. 103–124. (In Russ.)

4. Khaleeva I. I. *Osnovy teorii obucheniia ponimaniu inoazychnoi rechi (podgotovka perevodchikov) : avtoref. dis. ...dokt. pedagog. n.: 13.00.02; 10.02.19* [Fundamentals of the theory of teaching the understanding of foreign language speech (translators training) : Extended abstract of Doctor's thesis]. Moscow, 1990. 32 p. (In Russ.)

5. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaia lichnost* [Russian language and language personality]. Moscow: LKI Press, 2010. 264 p. (In Russ.)

6. Linnik L. A., Farshatov R. S. Features of the Formation of a Secondary Linguistic Personality among Foreign Students of a Medical University. *Lingvori-toricheskaja paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguistic paradigm: theoretical and applied aspects]. 2020. No 25–1. Pp. 91–93. (In Russ.)

7. Kostomarov V. G. *Yazyk i «yazyk kul'tury» v mezhkul'turnom obshchenii* [Language and the language of culture in intercultural communication]. Moscow: Russkij yazyk Print, 1998. 128 p. (In Russ.)

8. Kolesnikova L. N. *Lingvokul'turologiya. Yazykovaya lichnost' v aspekte di-ologa kul'tur* [Linguoculturology. Linguistic personality in the aspect of dialogue of cultures]. Oryol: Print. House of Orel State University, 2013. 358 p. (In Russ.)

9. Bozhenkova R. K., Bozhenkova N. A., Spul'gina N. P. The development of multicultural linguistic personality of foreign students in the course of learning russian as a foreign language. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. 2015. No 2. Pp. 308–313. (In Russ.)

10. Gladkikh V. V. The essence and features of the formation of a multicultural information environment of an educational institution. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov State University. Series: Humanities]. 2010. No 12. Pp. 41–46. (In Russ.)

11. Eremkina V. N. Landmark phenomena and their role in the formation of secondary linguistic personality. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]. 2019. No. 3 (136). Pp. 115–118. (In Russ.)

12. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. *Sost. S. G. Bocharov, primech. S. S. Averincev i S. G. Bocharov*. Moscow: Iskusstvo Publ, 2007. 423 p. (In Russ)

13. Mitrofanova O. D. Linguodidactic lessons and forecasts of the XX century. *Materialy IX Kongressa MAPRYAL* [Materials of the 9th MAPRYAL Congress]. Bratislava, 1999. Pp. 35–40. (In Russ)

14. Kurylenko V. B. *Metodologiya i metodika nepreryvnogo professional'no orientirovannogo obucheniya russkomu yazyku inostrannykh medikov : diss. ... d. pedagog. n.* [Methodology and methodology of continuous professionally oriented teaching of the Russian language to foreign doctors: dissert.]. Moscow, 2017. 523 p. (In Russ.)

15. Shleynikova E. E. Specific of foreign students' academic adaptation during pre-university training. *Aktual'nye voprosy realizacii obrazovatel'nykh programm na podgotovitel'nykh fakul'tetakh dlya inostrannykh grazhdan : sb. st. VII Vserossijskoj nauch.-prakt. konf.-i 24–25 noyabrya 2022 g.* [Current issues in the implementation of educational programs at preparatory faculties for foreign citizens : Collection of articles of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, November 24–25, 2022]. Moscow: State Institute of Russian Language named after. A.S. Pushkina, 2023. Pp. 175–179. (In Russ.)

16. Semenova O. A. Features of volunteer activity at medical university. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. 2019. No. 9–2 (87). Pp. 24–27. (In Russ.)

Сведения об авторах

Шлейникова Евгения Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (194100, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2)

Дементьева Антонина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный медицинский педиатрический университет (194100, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2)

Кисельникова Анна Алексеевна, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (194100, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2)

Information about the author

Evgenia E. Shleynikova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Russian Language Department, St. Petersburg State Pediatric Medical University (2, Litovskaya str., St. Petersburg, 194100, Russia)

Antonina A. Dementyeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State Medical and Pediatric University (2, Litovskaya str., St. Petersburg, 194100, Russia)

Anna A. Kiselnikova, Senior Lecturer, St. Petersburg State Pediatric Medical University (2, Litovskaya str., St. Petersburg, 194100, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	11.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	14.04.2024

Научная статья / Article

УДК 81'373.7

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-165>

Агионимы в идиомах и паремиях говоров низовой Печоры

Ирина Серафимовна Урманчеева

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, isurman@rambler.ru

Аннотация. *Фразеологизмы с именами собственными привлекают к себе особое внимание и вызывают неослабевающий интерес в научном сообществе. Общеизвестным является факт, что и фразеологизмы, и антропонимы обладают национально-культурной спецификой, поэтому регулярно становятся объектом современных исследований в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнолингвистики и др. Интерес вызывают не только устойчивые обороты литературного языка, но и фразеологический материал территориальных и социальных подсистем. Такой территориально ограниченной подсистемой национального языка являются говоры низовой Печоры, фразеология которых на данный момент довольно слабо изучена, а публикации, посвященные именам собственным в составе печорских фразеологизмов, единичны. Отдельного комплексного исследования агионимов в составе идиом и паремий говоров низовой Печоры пока нет. Настоящая статья призвана заполнить эту исследовательскую лауну, в частности выявить фразеологические единицы с агионимами, зафиксированные в словарях печорских говоров, отграничить агионимы от хрононимов и описать культурную референцию агионимов в печорском диалекте с применением метода лингвокультурологического анализа и при необходимости — историко-этимологического метода. Результатом исследования стало выявление идиом и паремий, не представленных в словарях русского литературного языка, с такими агионимами в их составе, как Петр, Павел, Иисус Христос, Каин (за Петром Павел; что Пав-*

лу, что Петру, что брюху, что хребту; Христос ногой ступил; Христа ради не даром и др.). Анализ устойчивых оборотов позволил выявить у библейских имен собственных культурные смыслы, сформировавшиеся в культурной среде староверов и их потомков с богатейшей старообрядческой книжной культурой. Анализ агионимов в составе фразеологических единиц говоров низовой Печоры открывает перспективы изучения других типов имен собственных, выполняющих референтную функцию к различным культурным пластам, — мифонимов, хрононимов, литературных и исторических онимов и др.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, агионим, теоним, мифоним, говоры низовой Печоры, фразеология говоров низовой Печоры

Для цитирования: Урманчиева И. С. Агионимы в идиомах и паремиях говоров низовой Печоры // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 165–184. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-165>

Agionyms in Idioms and Paremias of Dialects of Lower Pechora

Irina S. Urmancheeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia, isurman@rambler.ru

Abstract. *Phraseologisms with proper names attract special attention and arouse unflagging interest in the scientific community. It is a generally accepted fact that both phraseological units and anthroponyms have national and cultural specificity, therefore they regularly become the object of modern research in the field of linguoculturology, cognitive linguistics, ethnolinguistics, etc. Not only the stable turns of the literary language are of interest, but also the phraseological material of territorial and social subsystems. Such a territorially limited subsystem of the national language is the dialects of lower Pechora, the phraseology of which is currently rather poorly studied, and publications devoted to proper names as part of Pechora phraseological units are rare. There is no separate comprehensive study of agionyms in the idioms and paremias of the dialects of lower Pechora. This article is intended to fill this research gap, in particular, to identify phraseological units with agionyms recorded in dictionaries of Pechora dialects, to distinguish agionyms from chrononyms and to describe the cultural reference of agionyms in the Pechora dialect using the method of linguocultural analysis and, if necessary, the historical and etymological method. The result of the study was the identification of idioms and paremias that are not represented in dictionaries of the Russian literary language, with such agionyms in their composition as Peter, Paul, Jesus Christ, Cain (after Peter Paul; what to Paul, what to Peter, what to the belly, what to the ridge; Christ stepped foot; for Christ's sake, not in vain, etc.). The analysis of stable phrases made it possible to identify the cultural meanings of biblical proper names that were formed in this cultural environment — the environment of the Old Believers and their descendants with the richest Old Believer book culture. The analysis*

of agionyms as part of phraseological units of dialects of lower Pechora opens up prospects for the study of other types of proper names that perform a referential function to various cultural layers — mythonyms, chrononyms, literary and historical onyms, etc.

Keywords: proper name, anthroponym, agionim, theonym, mythonym, dialects of lower Pechora, phraseology of lower Pechora dialects

For citation: Urmancheeva I. S. Agionyms in Idioms and Paremias of Dialects of Lower Pechora. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 2: 165–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-165>

Введение. По словам П. А. Флоренского, «имена более других слов являются ... центрами сгущения, концентраторами общечеловеческого смысла» [1, с. 343]. Собственные имена в паремиях и идиомах выполняют важнейшую культурно-языковую функцию — быть носителями культурных смыслов, воплощенных в языковую оболочку; служить олицетворенными символами, эталонами, мифологемами, стереотипами и таким образом участвовать в процессах семиотизации ценностно значимого содержания культуры. Будучи компонентами идиом и паремий, имена собственные интерпретируются в слоях культуры — мифологическом, религиозном, фольклорном, литературном, историческом и т. п. [2, с. 7].

По слоям культуры, в которых хранится информация о тех или иных персонах или персонажах и репрезентантами которой являются собственные имена в паремиях и идиомах, М. Л. Ковшова выделяет такие типы собственных имен, как мифонимы, хрононимы, агионимы, литературные онимы, исторические онимы и собственные антропонимы [3, с. 174].

В науке об именах собственных — ономастике — под **агионимом** принято понимать имя святого. Календарная привязка агионима отразилась в богатой восточнославянской календарной фразеологии: *у Евдокеи вода, у Егорья трава; с Петрова дня пожня* (т. е. покос, косьба). Отсюда вообще один из активных источников фразеологизмов, содержащих в своем составе антропонимы. С агионимами связаны и так называемые народные значения личных имен: *Касьян на что ни взглянет — все вянет*. В данном случае представления связаны с високосным годом, который считается тяжелым, а так как день св. Касьяна приходится на 29 февраля, то и признак «нехороший», «недобрый» переносится на носителя антропонима [4, с. 12].

В словаре Н. В. Подольской **агионим** также понимается как имя святого [5, с. 27]. Ученые выделяют, кроме того, **теонимы** — назва-

ния божеств (*Перун, Дажьдбог, Волос, Мокошь, Зевс, Гера, Посейдон, Будда, Шива*), и **мифонимы** — имена мифологических персонажей, легендарных объектов (*Кощей Бессмертный, баба Яга, Тридевятое царство, Китеж-град, Дунай-река*) [6, с. 31].

М. Л. Ковшова употребляет термины мифоним и агионим несколько иначе, считая мифонимами имена собственные, предназначенные для называния антропоморфных языческих богов и демонов, героев мифов, а агионимами — имена собственные, предназначенные для называния того или иного персонажа из сказаний Ветхого и Нового Заветов, библейских текстов и легенд [2, с. 8]. В статье термин агионим используется в соответствии с концепцией М. Л. Ковшовой: имя собственное библейского персонажа [3, с. 185–197]. Также в соответствии с этой концепцией агионимы будем отличать от **хрононимов** — имен собственных, предназначенных для называния отрезков времени в народном календаре и связанных с церковно-календарными именами (*Петров, Никола, Борис, Юрьев, Варвара*) [2, с. 8].

Каждой подсистеме свойственна специфическая лексика и особый подбор и оформление собственных имен. Даже имена единого церковного списка обретают в устах представителей различных социальных и территориальных групп свою специфику [7, с. 223]. В связи с этим рассмотрение легендарных, окультуренных имен собственных в региональной диалектной системе, связанной с особенностями жизни, культуры, традиций, религиозных воззрений, представляется важным и интересным.

Таким образом, статья нацелена на выявление культурных референций антропонимов, восходящих к текстам Ветхого и Нового заветов и употребляющихся в устойчивых оборотах (идиомах и паремиях) говоров низовой Печоры¹, зафиксированных в словарях региональной фразеологии и фольклористики [9; 10]. Фразеологизмам с именами собственными в нижнепечорских говорах посвящена статья Д. В. Андриановой [11]. Агионимы в составе печорских идиом и паремий отдельно не изучались, что определяет актуальность и научную новизну исследования.

Методы исследования, теоретическая база. Основным методом анализа фразеологического материала в статье является лингвокультурологический, направленный на выявление способов воплощения культуры в содержании фразеологизмов, свое-

¹ Более подробно о говорах низовой Печоры и печорской фразеологии см.: [8, с. 7–9].

бразия фразеологизма как знака и на описание участия фразеологии в языковой концептуализации мира [12, с. 7]. Во фразеологии лингвокультурологический подход впервые заявил о себе в работах В. Н. Телия и ее школы (М. Л. Ковшова, В. В. Красных, И. В. Зыков, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и др.). Поскольку источником культурной информации, закрепленной за именами собственными во фразеологизмах, являются библейские тексты, дополнительно использовался метод историко-этимологической реконструкции с опорой на энциклопедии по мифологии и православию, фразеологические этимологические словари. Применялся также контекстный метод, когда выявление смысловой нагрузки агнионима непосредственно зависело от саморефлексии носителей диалекта.

Именам собственным в составе фразеологизмов и паремий посвящено большое количество научных работ как в нашей стране, так и за рубежом. Обзор научных исследований с их подробным анализом представлен в монографии М. Л. Ковшовой «Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры» (Москва, 2019), там же см. список трудов таких авторов, как М. А. Соломонов, С. Рибарова, С. Симоска, М. Ю. Котова, Л. П. Дядечко, В. М. Мокиенко, М. М. Вознесенская, Д. Б. Гудков, Н. Н. Воропаев, К. А. Власова и мн. др. Эта монография, обобщающая исследования по именам собственным, послужила теоретической базой исследования [3].

Результаты исследования и их обсуждение¹. В нескольких устойчивых выражениях говоров низовой Печоры упоминаются имена *Петр* и *Павел*: за *Петром Павел*; как за *Петром Павел*; *Пётр да Павел* — хороший парень, а *Кузьма да Демьян* — чистый грубиян; что *Павлу*, что *Петру*, что *брюху*, что *хребту*; что для *Павла*, то для *Петра*, что для *брюха*, то для *горба*.

Такое парное употребление этих имен позволяет предположить, что это не просто антропонимы, а окультуренные имена, приобретшие символическое значение. Парное употребление этих имен в устойчивых оборотах позволяет отнести их к агнионимам и связать с христианской традицией. Петр (Симон) был одним из ближайших учеников Христа при Его земной жизни, Павел (Савл) не имел никакого отношения к евангельским событиям, был римским гражданином, фарисеем и гонителем первых христиан, но позднее начал проповедовать. Он даже не был «официально утвержден» в

¹ В кратком виде материал был представлен на Февральских чтениях — 2024 (г. Сыктывкар). Благодарю коллег за некоторые уточнения.

роли одного из двенадцати апостолов [13]. По традиции считается, что Петр — учитель иудеев, а Павел — язычник. Христианская иконография часто совмещает образы Петра и Павла, а к концу IV в. окончательно складывается иконографический тип, в соответствии с которым Петр изображается с широким лицом, курчавыми волосами и округлой бородкой в отличие от узколицего, лысого и длиннородного Павла [14, с. 439–440].

Отмечается, что в литературном русском языке парный образ *Петра и Павла* в устойчивых оборотах встречается нечасто, тогда как в западноевропейской традиции это довольно распространенное явление. В частности, в английской¹ и французской² фразеологии можно заметить мотив мены, взаимодополняющих противоположностей, чего в русском лексическом и фразеологическом материале не наблюдается. Кроме того, святые считаются привратниками загробного мира и функционируют в фольклорных текстах в качестве посредников и «усилителей» магической составляющей. На материале всех трех языков прослеживаются элементы близнецного культа, что, по всей видимости, связано с его древностью и архетипичностью как для европейской, так и для славянской культуры [15].

В словарях русского литературного языка приводятся такие паремии с парным употреблением Петра и Павла: *была правда у Петра и Павла; правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла;*

¹ Англ.: *to rob Peter to pay Paul* ‘обокрасть Петра, чтобы заплатить Павлу’, *borrow from Peter to pay Paul* ‘занять у Петра, чтобы заплатить Павлу’, *unclothe Peter and clothe Paul* ‘раздеть Петра, чтобы одеть Павла’ = ‘отобрать что-то у одного, чтобы заплатить другому; отдать одни долги, сделав новые; поддерживать одного в ущерб другому’ (примеры по: [15, с. 26]).

² Франц.: *prendre (Saint) Pierre pour (Saint) Paul (принять (святого) Петра за (святого) Павла)* ‘принять одного за другого, обознаться’; *Paul et Pierre* ‘каждый встречный’; *décoiffer saint Pierre pour coiffer saint Paul* ‘растрепать святого Петра, чтобы причесать святого Павла’; *déshabiller saint Pierre pour habiller saint Paul* (раздеть святого Петра, чтобы одеть святого Павла) ‘обделить одного, чтобы наделить другого; поддерживать одно в ущерб другому’; *découvrir saint Pierre pour couvrir saint Paul* (обнажить святого Петра, чтобы прикрыть святого Павла) ‘отобрать у одного, чтобы дать другому’; *l'on ne doit taut donner à saint Pierre, que saint Paul demeure derrière* (нельзя отдавать все святому Петру, пусть святой Павел стоит за ним) ‘нельзя отдавать все кому-то одному’; *qui loue saint Pierre ne blasme sant Paul* (кто восхваляет святого Петра, не хулит святого Павла) ‘тот, кто хвалит одного, не ругает другого’ (примеры по: [15, с. 24]).

что Петру, то и Павлу [2, с. 174]; *Пётр и Павел жару прибавил* [16, с. 314]. Во фразеологизме *была правда у Петра и Павла* антропонимы указывают на места пыток, казней или лишения свободы — либо на церковь Св. Петра и Павла, при которой была дыба для пыток и виселица, либо на Петропавловскую крепость [17, с. 568]. В любом случае *Петр и Павел* здесь — обозначение локуса, сокращенное именование церкви или крепости [15, с. 30–31]. Хотя другие источники приводят оборот *правда — у Петра и Павла* с таким комментарием: в старину на Руси Петров день был сроком судов и взноса даней и пошлин [16, с. 314].

С указанием на севернорусский ареал распространения приводятся устойчивые выражения *Пётр и Павел дня прибавил; Пётр и Павел полчаса сбавил* [16, с. 314]. Очевидно, что здесь *Петр и Павел* употребляются как хрононимы, день апостолов Петра и Павла приходится на 29 июня по старому стилю, 12 июля по новому.

В говорах низовой Печоры с богатейшей старообрядческой книжной культурой¹ пара Петр и Павел символизирует неразрывное единство, привычный порядок следования одного за другим: *за Петром Павел* ‘выражение используется в значении оправдания или соглашения’ (ср.: «*Надо сделать, значит, сделаем — мы люди маленькие. Как скажут, так и будет: за Петром Павел*» [10, с. 31]). Интересно, что в наивно-религиозном представлении носителей говора — последователей староверов — Петр и Павел воспринимаются как первый и второй в порядке следования апостолы: «*Пётр был первым апостолом, призванным Иисусом Христом, а Павел вторым. И вот в народе говорят: я-то что, я ведь не главный, я только как за Петром Павел*» (С.) [9, т. 1, с. 307]. Именем Петра действительно открывается перечень двенадцати избранных, тогда как Павел не входил в это число [14, с. 422, 439]. Первыми были призваны Иисусом рыбаки — братья Симон (Петр) и Андрей [14, с. 175], поэтому пара Петра и Андрея выглядела бы более логично, и действитель-

¹ Сегодня мы можем с достоверностью говорить о высоком уровне грамотности усть-цилемских крестьян, о круге их чтения, о роли книжности и письменности в их религиозном сознании и быту. Крупными центрами становления староверия на нижней Печоре были Великопоженский (на Пижме) и Омелинский (на Цильме) скиты, насельники которых являли образец благочестивого жития. Именно в монастырях было положено начало грамоте: были открыты школы-«грамотницы», мастерские по переписыванию книг, в которых трудились талантливые переписчики и редакторы древнерусских повестей, художники, переплетчики. Писцами был выработан свой особый способ письма, полувивший название «печорский полуустав» [18, с. 113].

но, сначала в христианской традиции появилась именно она. При всех отличиях апостолы Петр и Павел гармонично дополняют друг друга в звании основателей христианской церкви. Например, образованный Павел проповедует для язычников и других иноверцев, в то время как рыбак Петр может проповедовать только среди иудеев из-за незнания иностранных языков [15, с. 25]. «Прославляя апостолов Петра и Павла в один день, Церковь, кажется, хочет напомнить нам о разнообразии человеческих характеров и путей, ведущих к Богу» [13]. Таким образом, в христианской традиции сформировалось представление о Павле как подражателе Петра, а о Петре как руководителе, первооткрывателе, образце. Это закрепилось в старообрядческих идиомах: *«Мы за нашей наставницей как за Петром Павел, она перёд ведёт, а мы за ней»* (Ст.).

В двух пословицах прослеживаются противоположные тенденции: объединения образов Петра и Павла и разъединения, разобщения, при этом результатом той и другой процедуры является констатация неразрывного единства, отсутствия альтернативы¹. Мотив объединения образов реализуется сочинительной конструкцией с союзом *да* и предикацией формой единственного числа *парень*, как будто это один человек: *Пётр да Павел — хороший парень, а Кузьма да Демьян — чистый грубиян* [9, т. 2, с. 168]. Мотив разъединения создается подчинительной конструкцией, построенной на псевдоисчерпании²: *что Павлу, что Петру, что брюху, что хребту; что для Павла, то для Петра, что для брюха, то для горба* 'все равно, что будет, то и будет' [9, т. 2, с. 394]. Помимо мотивов объединения и замещения за образами Петра и Павла закрепились положительные коннотации праведности, благонравия: *Пётр да Павел — хороший парень, а Кузьма да Демьян*³ — чистый грубиян. А в

¹ В западноевропейской традиции у образов Петра и Павла сформировалось значение 'один и другой, тот и другой', а также мотив мены — 'один вместо другого', это подтверждается английскими и французскими фразеологическими единицами, приведенными выше [15, с. 24–26].

² О псевдоисчерпании см. статьи автора [19; 20].

³ Парное употребление антропонимов *Кузьма* и *Демьян* позволяет также предположить, что это имена бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, день которых отмечается 1 ноября по ст. ст., 14 ноября по нов. ст. [16, с. 225–230]. Но научно обоснованной причины, по которой эти святые в пословице противопоставляются Петру и Павлу и наделяются отрицательными коннотациями, пока обнаружить не удалось. Более того, в печорских говорах эти имена используются в качестве хрононимов в устойчивом обороте *Кузьмы-Демьяны*, но даже саморефлексия носителей говора не приписывает им отрицательных смыслов:

антитетических пословицах (*что Павлу, что Петру, что брюху, что хребту; что для Павла, то для Петра, что для брюха, то для горба*) *брюху* и *хребту* (*горбу*) как материальным, плотским проявлениям человека противопоставлены образы *Петра* и *Павла* в качестве, вероятно, духовных его ипостасей.

Д. В. Андрианова, проанализировавшая приведенные устойчивые обороты, пришла к выводу, что пара *Петр-Павел* вследствие фразеологической «обкатки» теряет свою библейскую семантическую составляющую и приобретает в паремиологическом дискурсе значение «подобные», «что один, что другой» в отличие, например, от образа-символа *Христос*, который остается в контексте фразеологизма носителем метафорических христианских смыслов. Со ссылкой на зарубежных ученых Д. В. Андрианова отмечает также, что похожую смысловую «девальвацию» пара *Петр-Павел* проживает не только в русском, но других славянских, германских, финно-угорских языках [11, с. 63].

Отметим также, что антропоним *Петр* во фразеологии говоров низкой Печоры используются в качестве хрононима: *Петров день* 'день первоверховных апостолов Петра и Павла, отмечаемый 12 июля по новому стилю, 29 июня — по старому' [9, т. 2, с. 165]; *Петрово говенье*, *Петров пост* 'один из главных православных постов' [9, т. 2, с. 165]; *Пётр солнцеворот* 'день апостолов Петра и Павла' [9, т. 2, с. 168].

К числу агионимов в составе печорских фразеологизмов можно отнести теоним *Иисус Христос*¹: *Христос* *ногой ступил*; *Христа* *ради не даром*; *жди у моря погоды*, у *Христа* *водополя*; *Господи Иисусе*, *под ноги не суйсе*, *вперёд не пихайсе*, *созади не оставайсе*. Агионим *Христос* употребляется также в виде прилагательного в обороте *христова кулига*.

«Кузьмы-Демьяны бывают осенью, Кузьма и Демьян — это святые врачи, бесребреники, они лечили людей, никогда не брали за свой труд» (С.) [9, т. 1, с. 373].

¹ Ученые проводят семантическую реконструкцию первичного, библейского образа Христа на основе устойчивых оборотов, библейских текстов, в том числе переводных. В результате работы по созданию семантического портрета Христа были выявлены следующие семы: *бесконечность*, *божественная сущность*, *вездесущность*, *верность*, *вечность*, *всеведение*, *всемогущество*, *доброта*, *защита / покровительство*, *любовь*, *милосердие*, *мудрость / знание*, *надежность*, *неизменность*, *правосудие / справедливость*, *святость*, *само существование*, *самодостаточность*, *сила / власть*, *служение*, *управление*, *человеческая сущность* (по [21, с. 98–99]).

Фразеологизм *Христос ногой ступил* характеризует густой, наваристый суп: «Ну, сёдни у меня суп получился какой густой, *Христос ногой ступил*» (Ч.) [9, т. 2, с. 374]. Как известно, Иисус Христос обладал способностью ходить по воде [14, с. 235]. В таком случае густой, насыщенный суп уподобляется воде, которой коснулся своей божественной ногой Христос. В основе семантики фразеологизма могут лежать два мотива — хождения по воде, которая удерживает Спасителя, и божественной, неземной природы всего, к чему он прикоснулся; а сам Христос выступает в роли источника этой неземной, божественной силы. Отметим, что имя Христа в диалектной фразеологии нередко связывается с плотскими, материальными, а вовсе не духовными удовольствиями. Так, в говорах бассейна нижней Вычегды (с. Межег Усть-Вымского р-на Республики Коми) встречается фразеологизм *Христос прокатился* 'кто-либо получил большое удовольствие от еды, питья' [22, с. 284], а в псковских говорах — *Христос по душе босиком (в лапотках) пробежал (прошёл)* (шутл.) 'о высшей степени удовольствия' [23, т. 2, с. 130]. Однако сам мотив прикосновения Христа к чему-либо ногами не всегда во фразеологии получает положительную интерпретацию: помимо вышеприведенного фразеологизма в псковских говорах имеется оборот *Христос босыми ногами по пузу [прошёл, пробежал]*, который характеризует несытную пищу [23, т. 2, с. 131].

В печорском говоре употребляется оборот *Христа ради не даром*, который сопоставим с общерусским фразеологизмом *Христа ради*, выражающим настоятельную просьбу, обращение за милостыней или предложение принять подавание [24, с. 731]. Просторечная / разговорная идиома ввиду частого употребления превращается в междометный словесный комплекс, в то же время использование агионима *Христос* приводит к прагматическому усилению прямой формулы просьбы, увеличивает экспрессию [3, с. 244]. В говорах низовой Печоры наблюдается переосмысление общерусского выражения *Христа ради*. «В усть-цилемском говоре понятие “подать Христа ради” означает подать милостыню, которая в прошлом тайно жертвовалась людям, терпящим нужду, но со временем обрела другие формы. Так, в староверческих селениях Усть-Цильмы принять и накормить бедного / нищего в своем доме приравнивалось к подаванию тайной милостыни» [25, с. 107]. Поэтому на базе общерусской идиомы возникает поговорка *Христа ради не даром*, в которой отражено высокое значение тайного пожертвования: «Милостину-то уж се подать надо. Кто ле добрый человек и роди-

телей поменет. Христа ради подать большо дело. Христа ради не даром» [10, с. 44]. По свидетельству Т. И. Дроновой, для староверов, живших духовными исканиями, странники были своего рода божьими посланниками, и отношение к ним было как к высокочтимым гостям: для них специально протапливали баню, угощали лучшей едой, жертвовали вещи. Считалось, что молитвы нищенствующих (полагавшихся в жизни только на Бога = приближенных к Богу) за усопших были действеннее, поэтому им сообщали имена предков, которых необходимо помянуть перед трапезой. При этом крестьяне знали и то, что, принимая нищих, они тем самым спасали и свою душу, и души родителей (предков) [25, с. 108]. Таким образом, общеизвестный оборот в старообрядческой среде наполняется новыми смыслами: *Христа ради* — это не только подаяние, милостыня нуждающемуся, но и спасение для себя и усопших предков, близость к Богу.

Семантика подаяния, милостыни, бедности, закрепившаяся за именем Христа, находит свое отражение и во фразеологизме *христова кулига* с отагионимным прилагательным *христова*. Фразеологизм употребляется в двух значениях: 'окраина села, примыкающая к кладбищу', 'дорога, проходящая вдоль кладбища' [9, т. 2, с. 374]¹. Погребения на Руси после принятия христианства устраивали на освященной церковью земле как рядом с храмами, так и внутри них. Предназначались они прежде всего для знати. Простых людей хоронили на территориях, расположенных на некотором расстоянии от поселений, но кладбища находились в зоне влияния церкви [26]. Во фразеологизме *христова кулига* компонент *христова* указывает на территорию, близкую к священной земле. У старообрядцев Усть-Цильмы первоначально на кладбище было принято хоронить благочестивых староверов — грамотных, набожных (наставников и староверов-молитвенников, сведущих в церковной гра-

¹ И. А. Кобелева тоже приводит два значения фразеологизма *христова кулига*: 'участок, территория, где проживали бедняки' и 'место погребения умерших, кладбище' [22, с. 283], однако примеры из речи диалектоносителей не противоречат рассматриваемым нами значениям: «...*христова кулига* — кто насмех назвал, дак так же зовут, люди были, бедно жили, попрашивали, вот и *христова кулига*» (Зм.); «*Христова кулига, там могилы у нас, возле реки, от реки поднимешься, первой дом, по межутку пойдёшь, там дорога к кладбищу*» (Зм.). Отметим также, что из разговора с жительницей с. Замежная, где записаны эти примеры (Г. Н.), следует, что *христовой кулигой* называли только окраину села в виде небольшого углубления рядом с кладбищем, само кладбище никогда так не называлось.

моте), девственников и крещеных младенцев [25, с. 110–111]. *Христова* — притяжательное прилагательное, поэтому может пониматься и как отданное Христу, принадлежащее ему. Компонент *кулига* в этом фразеологизме означает ‘глухое место, захолустье’¹. По описанию местных жителей, окраина села, примыкающая к кладбищу, получила такое название потому, что проживавшие здесь бедняки просили милостыню у проходивших к кладбищу людей: «Тут раньше самы бедны жили, тут хоронили ходили, дак они Христа ради просили, да тут и жили, каки-ли домишки ставили, дак говорили — *христова кулига*» (Зм.). Пространство, отделяющее обжитую, освоенную территорию от кладбища и заселенное только божьими людьми — нищими, которые просили милостыню Христа ради, — *христова кулига* — символ пути в мир иной. Таким образом, имя *Христа* обрастает коннотациями нищеты, странничества, тайного подаяния, перехода в иной мир.

В некоторых устойчивых оборотах имя Иисуса Христа лишается положительных коннотаций и может употребляться в иронических и саркастических контекстах. О невозможности добиться обещанного на Печоре говорят *жди у моря погоды*, у *Христа водополья* [9, т. 1, с. 238]. *Водополье* — ‘время, когда река свободна ото льда’ [27, т. 1, с. 80]. С большой долей вероятности, произошло наращение паремии, образованной на основе общерусской идиомы *ждать у моря погоды*, известной как минимум с XVII в. [17, с. 448]. Печорский северный край характеризуется тем, что реки с октября по май покрыты льдом. *Водополье*, таким образом, приходится на июнь — сентябрь. Имя *Христа* здесь указывает на высшие силы, которые управляют не только естественными природными процессами, но и, по представлениям русских, человеческими — житейскими и бытовыми. Здесь, вероятно, следует учитывать, что в результате Крещения Руси христианство подчинило языческие верования, но не стало помехой на пути сохранения коренных природно-племенных традиций. Язычество Руси, медленно христианизируясь, преобразовывалось в так называемое самопонятое христианство, народное христианство или даже «языческое православие» [28].

Нужно отметить, что «усть-цилемские староверы свято сохраняли древлецерковные традиции. В Усть-Цилемском районе никогда не прерывалось богослужение, совершались такие обряды, как

¹ СРГНП приводит данное значение как переносное наряду с 3-мя другими: ‘участок луга, вдающийся в лес, кустарник’, ‘лесная поляна’, ‘речной залив’ [27, т. 1, с. 362].

крещение, исповедание, поминовение. Службы проходили в домах, тайно» [18, с. 115]. Возможно, по этой причине молодежь, воспитанная в парадигме атеистического мировоззрения или протестующая против традиций и устаревшего, на их взгляд, миропорядка, может сказать *Господи Исусе, под ноги не суйсе, вперед не пихайсе, создади не оставайсе* [10, с. 11]:

– *Сашка, через пороги, где будешь переходить, дэк хошь Исусову молитву сотвори.*

– *Господи Исусе, под ноги не суйсе, вперед не пихайсе, создади не оставайсе. Таку ле чё?*

– *Богохульнк ты...*

В этой трансформированной форме, выдуманной молитве явно прослеживаются элементы пародии, которые используются с целью раскрытия внутренней несостоятельности того, что пародируется, воспроизведения в намеренно карикатурном виде и осмеяния [29, с. 530].

В печорских говорах зафиксирован также фразеологизм как *Каин на море*, но информант, от которого этот оборот записан, не смог вспомнить его значения: «*А вот ешио тако выражение: я мала была, помню, бабушка говорила — как Каин на море. А вот к чему оно — не знаю, не помню*» [9, т. 1, с. 309]. Такое же выражение обнаруживается в «Словаре русских говоров Сибири» в значении ‘как проклятый’ (ср.: «*Целый день в неводу ходили, рыбу добывали, как каин на море*» (Новосиб.)» [30, с. 19]. Каин — ветхозаветный персонаж, один из сыновей первых людей на Земле, Адама и Евы, из зависти убивший своего брата Авеля. В наказание Бог отметил его особым знаком, чтобы никто, встретив, не убил его и он был вечным скитальцем [17, с. 531]. После убийства Авеля Каин был вынужден удалиться, так как земля, принявшая кровь его брата, не могла больше давать «силы своей» для него [14, с. 269]. (В книге Бытия сказано, что кровь Авеля взывает об отмщении, и земля, которую Каин напоил кровью брата, **проклинает** его (Быт 4: 11). За грехом Каина (вторым в истории человечества) следует и второе изгнание — еще дальше от Бога [31].) По преданию, Каин «поселился в земле Нод, на восток от Эдема» (Быт 4: 16). *Нод* — еврейское слово, которое можно перевести как «странствовать»¹. Таким образом, Каину суждено было стать «изгнанником и скитальцем» (Быт 4: 12). Появление у

¹ Жизнь Каина после убийства Авеля. URL: <https://dzen.ru/a/XFpmhvixSQCuBD4Z> (дата обращения: 11.01.2024).

компонента устойчивого оборота *Каин (каин)* семантики 'проклятый', 'неприкаянный', 'отверженный' вполне вероятно.

Заключение. В идиомах и паремиях говоров низовой Печоры упоминаются такие агионимы (ветхозаветные и новозаветные онимы), как *Петр, Павел, Христос* (и *Иисус*), *Каин*. Собственно агионимами (именами святых) являются антропонимы *Петр* и *Павел*. Оним *Иисус Христос* можно отнести к теонимам, а *Каин* скорее к мифонимам, с точки зрения традиционной классификации, принятой в ономастике. Объединение данных собственных имен источником их происхождения — Библией — кажется логичным и оправданным.

Отметим, что имена святых в качестве хрононимов в статье не рассматривались, хотя в говорах низовой Печоры их довольно много (например, *жар до петрова дня; до ильина дня не два дня; Прасковья-грязниха; кузьмы-демяны; вёшний Микола; Василий зимний* и др.).

Фразеологический материал говоров низовой Печоры позволил выявить символические значения, закрепленные за агионимами *Петр* и *Павел*: мотив подражания, следования одного за другим, мотив единства, неделимого целого; мотив равнозначного выбора, отсутствия альтернативы, мотив нормы, привычного хода вещей. Также фразеология демонстрирует закрепившиеся за образами коннотации праведности, благонравия, духовности, наставничества, приятия и в целом отсутствие негативных смыслов. Следует отметить, что в устойчивых оборотах, зафиксированных в словарях литературного языка, за антропонимами *Петр* и *Павел* подобных значений не закреплено в отличие от западноевропейской идиоматики. Одна из вероятных причин разработки этих образов в говорах низовой Печоры — высокий уровень грамотности усть-цилемских крестьян, значительная роль книжности и письменности в их религиозном сознании и быту.

Общеизвестный фразеологизм *Христа ради* в культуре староверов обрастает новыми смыслами и символизирует не только подаяние, милостыню нуждающемуся, но и спасение для себя и усопших предков, близость к Богу (*Христа ради не даром*), становится смысловой основой для обозначения места, отделяющего освоенное человеком пространство мира живых от неосвоенного, неизданного иного мира, где могут обитать только нищие, бездомные, живущие подаянием люди, способные (из-за близости к Богу) помолиться за живого и мертвого (*христова кулига*).

Агионим *Иисус Христос* в некоторых устойчивых выражениях подвергается десакрализации и используется в обозначении далеко не духовных, а материальных, бытовых вещей (*Христос ногой ступил* — о наваристом супе); лишается положительных коннотаций, обобщенно обозначая высшие силы, равнодушные к человеческим нуждам (*жди у моря погоды, у Христа водополья*); включается в формулу-отговорку, пародию на молитву или на речевую суеверную формулу (*Господи Иисусе, под ноги не суйсе, вперёд не пихайсе, созади не оставайсе*).

В печорской идиоматике встречается также фразеологизм как *Каин на море* с неустановленным значением. Но обращение к культурному (библейскому) пласту, с которым соотносится антропоним Каин, и сравнение с сибирской идиоматикой позволяет предположить коннотации проклятия, изгнанничества, отвергнутости.

Анализ фразеологического материала региональной староверческой культуры позволяет обнаружить отличное от литературной общерусской традиции использование антропонимов, восходящих к библейским текстам.

Список источников

1. Флоренский П. А. Строение слова // Контекст-72. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1973. 417 с.
2. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.
3. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
4. Зубов Н. И. Агионим // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 12–13.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
6. Чайкина Ю. И., Смольников С. Н. История русских личных имен, отчеств и фамилий. Вологда: Изд-во Вологодского института развития образования, 2001. 112 с.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. М.: ЛИБРОКОМ, 2019. 366 с.
8. Урманчеева И. С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры : монография. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2023. 115 с.
9. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008. Т. I. 416 с. Т. II. 420 с.

10. Фольклор Усть-Цильмы: пословицы, поговорки, присловья... / сост. Т. И. Дронова. Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 2004. 180 с.
11. Андрианова Д. В. Фразеологизмы с именами собственными в нижнепечерских говорах (по материалам «Фразеологического словаря русских говоров Нижней Печоры» Н. А. Ставшиной) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 4 (35). С. 61–67.
12. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.
13. Десницкий А. С. Апостолы Петр и Павел: два непохожих апостола [Электронный ресурс] // Нескучный сад. 2009. № 7 (42). URL: <http://www.pgramir.ru/petr-i-pavel-dva-peroxozhix-apostola/#ixzz3aUF6FLzL> (дата обращения: 11.12.2023).
14. Мифология : энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 2008. 736 с.
15. Голикова Д. М. Петр и Павел: образы парных персонажей по лингвистическим данным (на материале английского, французского и русского языков) // Научный диалог. 2018. № 10. С. 23–36.
16. Моргунова О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь : этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. 544 с.
17. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология : историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926, [2] с.
18. Дронова Т. И. Историко-культурное наследие Усть-Цильмы: изучение и сохранение // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 110–117.
19. Урманчеева И. С. Парадигматические отношения компонентов в конструкциях с псевдоисчерпанием (на примере печорской фразеологии) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 7. С. 62–70.
20. Урманчеева И. С. Фразеологизмы, основанные на псевдоисчерпании, в говорах Низовой Печоры // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2021. № 73. С. 137–153.
21. Федосова О. В., Кутьева М. В. Лингвокультурный концепт «Христос» в испанских фразеологизмах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 97–103.
22. Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. 312 с.
23. Псковский областной словарь с историческими данными / редкол.: Б. А. Ларин [и др.]. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ; СПбГУ, 1967–2022.
24. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878, [2] с.

25. Дронова Т. И. Традиции празднования Иванова дня у староверов-беспоповцев Усть-Цильмы (конец XIX — начало XXI в.) // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 106–118.

26. Колосова И. И., Медведева А. Б. История формирования культуры захоронений Русского государства в X — начале XX в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. № 3. С. 35–47.

27. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. Т. I. 553 с. Т. II. 470 с.

28. Устименко А. Л. Народная религия Руси: «между» язычеством и православием // Ценности и смыслы. 2017. № 2 (48). С. 33–45.

29. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : терминологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 941 с.

30. Словарь русских говоров Сибири / сост.: Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров; под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 2001. 392 с.

31. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1319891.html> (дата обращения: 15.01.2024).

References

1. Florenskij P. A. Word structure. *Kontekst-72. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context-72. Literary and theoretical research]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 417 p. (In Russ.)

2. Kovshova M. L. *Slovar' sobstvennyh imen v russkih zagadkah, poslovicah, pogovorkah i idiomah* [Dictionary of proper names in Russian riddles, proverbs, sayings and idioms]. Moscow: LENAND Publ., 2019. 352 p. (In Russ.)

3. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: Antroponimicheskij kod kul'tury* [Linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: Anthroponymic code of culture]. Moscow: LENAND Publ., 2019. 400 p. (In Russ.)

4. Zubov N. I. Agionim. *Russkaya onomastika i onomastika Rossii : slovar'* [Russian onomastics and onomastics of Russia : dictionary]. Pod red. O. N. Trubacheva. Moscow: SHkola-Press Publ., 1994. Pp. 12–13. (In Russ.)

5. Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 192 p. (In Russ.)

6. CHajkina YU. I., Smol'nikov S. N. *Istoriya russkih lichnyh imen, otchestv i familij* [History of Russian personal names, patronymics and surnames]. Vologda: Vologda University Press, 2001. 112 p. (In Russ.)

7. Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General proprietary name theory]. Moscow: Librocom Bookhouse, 2019. 366 p. (In Russ.)

8. Urmancheeva I. S. *Dialektnye varianty obshcherusskih frazeologizmov v govorah Nizovoj Pechory : monografiya* [Dialectal variants of all-Russian phra-

seological units in the dialects of Nizovaya Pechora : monograph]. Syktyvkar: Syktyvkar University Press, 2023. 115 p. (In Russ.)

9. *Frazeologicheskij slovar' russkih govorov Nizhnej Pechory* [Phraseological dictionary of Russian dialects of Nizhny Pechora]. Sost. N. A. Stavshina. St. Petersburg: Nauka Publ., 2008. (In Russ.)

10. *Fol'klor Ust'-Cil'my: posloviцы, pogovorki, prislov'ya...* [Folklore of Ust-Tsilma: proverbs, sayings, sayings...]. Sost. T. I. Dronova. Syktyvkar: Komi Scientific Center UrO RAN, 2004. 180 p. (In Russ.)

11. Andrianova D. V. Phraseological units with proper names in Nizhny Pechora dialects (based on materials from the "Phraseological Dictionary of Russian dialects of Nizhny Pechora" by N. A. Stavshina). *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Current issues of modern philology and journalism]. 2019. No 4 (35). Pp. 61–67. (In Russ.)

12. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2012. 456 p. (In Russ.)

13. Desnickij A. S. Apostles Peter and Paul: two dissimilar apostles. *Neskuchnyj sad* [Neskuchny Sad]. 2009. No 7 (42). Available at: <http://www.pravmir.ru/petr-i-pavel-dva-nepoxozhix-apostola/#ixzz3aUF6FLzL> (accessed: 11.12.2024).

14. *Mifologiya : enciklopediya* [Mythology: encyclopedia]. Gl. red. E. M. Meletinskij. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya; Drofa Publ., 2008. 736 p. (In Russ.)

15. Golikova D. M. Peter and Paul: images of paired characters based on linguistic data (based on the material of English, French and Russian languages). *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. 2018. No 10. Pp. 23–36. (In Russ.)

16. Morgunova O. V., Krivoschchapova YU. A., Osipova K. V. *Russkij narodnyj kalendar'. Etnolingvистический словарь* [Prussian folk calendar. Ethnolinguistic Dictionary]. Nauch. red. E. L. Berezovich. Moscow: AST-PRESS SHKOLA Publ., 2021. 544 p. (In Russ.)

17. Birih A. K., Mokiенko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Pod red. V. M. Mokiенko. Moscow: Astrel': AST: Hranitel' Publ., 2007. 926, [2] p. (In Russ.)

18. Dronova T. I. Historical and cultural heritage of Ust-Tsilma: study and preservation. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2011. No 4 (33). Pp. 110–117. (In Russ.)

19. Uрманчиева I. S. Paradigmatic relations of components in constructions with pseudo-exhaustion (on the example of Pechora phraseology). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University]. 2021. Vol. 43. No 7. Pp. 62–70. (In Russ.)

20. Uрманчиева I. S. Phraseological units based on pseudo-exhaustion in the dialects of Nizovaya Pechora. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State. un-ta. Philology]. 2021. No 73. Pp. 137–153. (In Russ.)

21. Fedosova O. V., Kut'eva M. V. Linguocultural concept "Christ" in Spanish phraseological units. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences]. 2023. R. 11 (879). Pp. 97–103. (In Russ.)

22. Kobeleva I. A. *Frazeologicheskij slovar' russkih govorov Respubliki Komi* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Syktyvkar University Press, 2004. 312 p. (In Russ.)

23. *Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Redkol.: B. A. Larin [i dr.]. Leningrad; St. Petersburg: Leningrad, St. Petersburg University Press, 1967–2022. (In Russ.)

24. Fedorov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: Astrel': AST Publ., 2008. 878, [2] p. (In Russ.)

25. Dronova T. I. Traditions of celebrating Midsummer among the Old Believers-bespopovtsy of Ust-Tsilma (late 19 — early 21 centuries). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2007. No 2. Pp. 106–118. (In Russ.)

26. Kolosova I. I., Medvedeva A. B. The history of the formation of the burial culture of the Russian state in the 10 — early 20 centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering]. 2014. No 3. Pp. 35–47. (In Russ.)

27. *Slovar' russkih govorov Nizovoj Pechory* [Dictionary of Russian dialects of Nizova Pechora]. Pod red. L. A. Ivashko. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2003. (In Russ.)

28. Ustimenko A. L. Folk religion of Rus': "between" paganism and Orthodoxy. *Cennosti i smysly* [Values and meanings]. 2017. No 2 (48). Pp. 33–45. (In Russ.)

29. Moskvina V. P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Paths and figures. Terminological dictionary]. Rostov n/D.: Feniks Publ., 2007. 941 p. (In Russ.)

30. *Slovar' russkih govorov Sibiri* [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Sost.: N. T. Buhareva, A. I. Fedorov; pod red. A. I. Fedorova. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001. 392 p. (In Russ.)

31. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Pod red. Patriarha Moskovskogo i Vseya Rusi Kirilla. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/1319891.html> (accessed: 15.01.2024).

Сведения об авторе

Урманчеева Ирина Серафимовна, кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55)

Information about the author

Irina S. Urmancheyeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	07.03.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	01.04.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	11.05.2024